

ВЕК

ISSN 1994–9065

1(49)
2024

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.; Митрофанова А. В., д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., акад. РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Вебер А. Б., *д.и.н., г.н.с. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Дафферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Киш Э., *Ph.D., Prof. (Венгрия)*; Коротаяв А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D., Prof. (Иран)*

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru
УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2024.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации..... 3

Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография homo aestimator 22

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Абылгазиев И. И., Васецова Е. С., Терешенков А. М. Глобальная система здравоохранения: основные черты и особенности..... 35

Го Лишуан, Ду Ванюэ, Сюй Цзин. Критика глобального кризиса капитализма с позиции современных российских ученых 48

Напсо М. Б. Права индивида в сфере информации: современные реалии, риски и вызовы..... 60

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. Статья первая. Технологическое соперничество и гибридные войны..... 72

Мосакова Е. А. Крипторегулирование в постпандемийный период: настоящее и будущее 95

Шермухаммадов Б. Ш. Вопросы развития межкультурной коммуникации студентов в процессе глобализации высшего образования..... 103

Шугуров М. В. Глобальная наука и антироссийские санкции: проблематизация парадигмы открытости 113

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экотопия, соляртопия и другие футуристические сценарии: куда идем? 127

Билюга С. Э., Колесникова Е. А. Причины возникновения «бархатных революций» как нового типа социально-политической дестабилизации в XXI в.: теоретический анализ 140

Коданева С. И. Межцивилизационный диалог как основа устойчивого развития..... 149

ТЕОРИЯ

ДИАЛОГ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ, КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Чумаков А. Н., Оуян Кан**

В статье с позиций российского и китайского ученых представлены две оригинальные точки зрения на наиболее важные темы современной глобалистики. В процессе беседы, состоявшейся по результатам прочитанной российским философом лекции в китайском университете, участники этого разговора обсудили возможности диалога в современном мире, где глобальные процессы тесно переплетены с культурными и цивилизационными тенденциями общественного развития. По ряду существенных вопросов их позиции близки или практически совпадают. В то же время явно дискуссионными в этом диалоге являются темы, связанные с определением глобализации, а также с пониманием культуры, цивилизации и связи между ними. В завершение беседы, которая ведется в конструктивном духе с позиций различных философских систем, авторы приходят к согласованному мнению о необходимости продолжить творческий диалог по наметившимся разногласиям.

Ключевые слова: современный мир, глобализация, культурное и цивилизационное развитие, межкультурный диалог, конфликт интересов, международные организации.

DIALOGUE ABOUT GLOBALIZATION, CULTURE AND CIVILIZATION

The article presents two original points of view on the most important topics of modern global studies. The topic is discussed from the perspective of Russian and

* **Для цитирования:** Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1. С. 3–21. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.01.

For citation: Chumakov A. N., Ouyang Kang. Dialogue about Globalization, Culture and Civilization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 3–21. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.01 (in Russian).

** Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, член президиума Российской экологической академии. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Alexander N. Chumakov – Dr. Phil., Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, member of the Presidium of the Russian Ecological Academy. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Оуян Кан – доктор философии, профессор, декан Института государственного управления Хуачжунского университета науки и технологий (г. Ухань, Китай). E-mail: kouyang@hust.edu.cn.

Ouyang Kang – Ph.D., Professor, Dean of Institute of State Governance, Huazhong University of Science and Technology (Wuhan, China). E-mail: kouyang@hust.edu.cn.

Chinese scientists. During the conversation, which took place following the results of a lecture delivered by the Russian philosopher at the Chinese university, the participants of this conversation discussed the possibilities of dialogue in the modern world, where global processes are closely intertwined with cultural and civilizational trends of social development. Their positions on a number of significant issues are close or completely coincide. At the same time, the topics related to the definition of globalization, as well as the understanding of culture, civilization and the relationship between them, are clearly debatable in this dialogue. At the end of the conversation, which is conducted in a constructive spirit from the perspective of various philosophical systems, the authors agree on the need to continue the creative dialogue on emerging differences.

Keywords: *modern world, globalization, cultural and civilizational development, intercultural dialogue, conflict of interests, international organizations.*

17–18 ноября 2023 г. в Институте государственного управления Хуачжунского университета науки и технологии (HUST)***(г. Ухань, Китай) состоялся 9-й Форум Восточного озера по глобальному управлению. Форум Восточного озера, который получил широкую известность в Китае и за рубежом, проводится ежегодно с 2015 г. с акцентом на глобальное управление и особенности его осуществления в современном мире. В центре внимания также проблемы общего будущего человечества, концепция «Один пояс – один путь», экологическое развитие, международные организации, властные отношения, геополитика, международное правосудие и т. п.

На 9-м Форуме, посвященном теме «Взаимное познание между цивилизациями и глобальное управление», с пленарным докладом «Теоретические и практические проблемы глобального управления» выступил доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова А. Н. Чумаков. 20 ноября 2023 г. он прочитал лекцию в Институте государственного управления Хуачжунского университета на тему «Конфликт интересов и возможности диалога в глобальном мире». Затем между директором института, известным китайским ученым профессором Оуян Каном и профессором А. Н. Чумаковым состоялся обстоятельный и всесторонний обмен мнениями о культурных и цивилизационных аспектах развития глобального мира. Ниже приводится содержание этого диалога.

*** Институт государственного управления – первый в Китае университетский аналитический центр с китайской спецификой. Он был основан в 2014 г. в Хуачжунском университете науки и технологии (HUST), признанном в 1960 г. ключевым национальным университетом, находящимся под непосредственным управлением Министерства образования Китая. В нем обучается более 50 000 студентов, в том числе более 2000 иностранцев, изучающих широкий спектр программ. В рейтинге ESI за январь 2021 г. Хуачжунский университет науки и технологий занял 183-е место в мире и девятое место в списке лучших университетов Китая.

Профессор А. Н. Чумаков, профессор Оуян Кан, сотрудники и аспиранты Института государственного управления Хуачжунского университета науки и технологии (г. Ухань, Китай)

Профессор А. Н. Чумаков:

Реалии современного мира

В условиях современного мира, когда в различных точках планеты периодически вспыхивают локальные и региональные конфликты, а сложившаяся мировая система на всех уровнях (от локального до глобального) все больше приходит в противоречие с объективными процессами глобализации, нередко можно встретить пессимистические настроения в отношении будущего человечества. Также высказываются сомнения относительно способности мирового сообщества объединиться в преодолении общих для всех проблем, которые именуют глобальными. В нашем разговоре сегодня я хотел бы показать не только современные проблемы, но и то, какие подходы к решению этих проблем могут быть эффективными. И это то, что дает нам основание сохранять оптимизм и надежду на построение в мировом масштабе «общества единой судьбы», как это сформулировано в концепции международной политики Китая.

То, что современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально изменился и столкнулся с опасностями, никогда прежде не существовавшими, не требует специального доказательства. На уровне общественного сознания, не говоря уже о представлениях научного сообщества, это воспринимается теперь как аксиома, что, с одной стороны, хорошо, а с другой – плохо.

Хорошо потому, что теперь нет надобности убеждать кого-то в актуальности такой постановки вопроса, и тем самым открывается путь для поиска конструктивных решений и осмысленных практических действий.

Плохо же потому, что даже серьезные специалисты в области глобалистики начинают смотреть на происходящее «замыленным» взглядом, в одной плоско-

сти, то есть только с позиции установившихся представлений. В таком случае все внимание сосредотачивается обычно на общепринятом, очевидном, тогда как иные сопутствующие или нарождающиеся проблемы (опасности, препятствия общественному развитию) остаются вне поля зрения.

Так, например, расхожее утверждение о том, что мировое сообщество за всю историю своего существования еще никогда не подвергалось такой опасности, как теперь, в XXI в., соотносится, как правило, с угрозой ядерной войны и экологическим кризисом. Однако, хотя это и так, суть проблемы не сводится лишь к этому, ибо дело не только в наличии ядерного оружия, которое плохо контролируется и грозит человечеству реальной возможностью самоуничтожения, или во все возрастающем влиянии человека на окружающую среду.

В последние десятилетия к этому, да и ко всему комплексу глобальных проблем современности добавилась новая опасность – *кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения*. Иными словами, глобализация привела к тому, что к концу XX в. мировое сообщество полностью стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки – трансграничными, что сделало человечество, в сущности, целостной системой по всем основным параметрам общественной жизни.

К тому же национальные государства, которых насчитывается уже около 200, перестали быть единственными субъектами международных отношений. В таком же качестве теперь выступают и появившиеся во множестве транснациональные корпорации, международные организации, в том числе и криминальные, связанные с наркоторговлей, международным терроризмом, киберпреступностью и т. п. И весь этот мир со множеством взаимозависимых и противоборствующих субъектов, как и прежде, лишь только стихийно саморегулируется, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления (в чем он теперь так нуждается).

Как образно заметили в данной связи китайские ученые, «мир – это трасса, а модернизация – гонка. Знание, анализ, понимание мира – ключ к победе в этой гонке» [Обзорный... 2011: 134]. Это означает, что нам нужно не только по-новому, но и реально, непредвзято смотреть на современный мир и на самих себя в этом мире.

Основная проблема глобального человечества

Тогда мы должны признать, что человек по природе своей был и остается биосоциальным существом, в котором сочетаются хорошее и плохое, любовь и ненависть, добро и зло, миролюбие и агрессивность. Культура, воспитание и образование, конечно же, делают человека гуманным, терпимым, толерантным. Но в нем также сохраняется и то, что заложено естественной природой, его биологией: агрессивность, стремление к доминированию, борьба за выживание, решение проблем с позиции силы и т. п.

Все это в полной мере проявляется также и в поведении отдельных сообществ, и в политике национальных государств. Немаловажно и то, что общая численность населения Земли уже достигла 8 млрд человек и продолжает возрастать. При этом ресурсы планеты, необходимые для обеспечения жизнедеятельности людей, ограничены. К тому же распределены они, как и население Земли, неравномерно, а многие из них иссякают или сокращаются. За доступ к ресурсам идет

явная и скрытая борьба, и есть все основания полагать, что в дальнейшем конфликт интересов будет только усиливаться, а противостояние с необходимостью нарастать.

В итоге *глобальный мир, оказавшийся перед лицом принципиально новых вызовов и не имеющий при этом адекватной системы управления, все больше втягивается в ситуацию нарастания противоречий и неопределенности. В этом и заключается основная проблема глобального человечества.*

Пути решения проблем

Как же эта проблема решается сегодня? К сожалению, она еще даже не осмыслена в полной мере, а потому не находится в центре всеобщего внимания, как того, несомненно, заслуживает. Отсюда и в практической деятельности нет видимых результатов. Достаточно сказать, что сегодня половина жителей планеты живет за чертой бедности с доходом менее двух долларов на человека в день. Такое положение дел при отсутствии универсальной этики и глобального права, а также признаваемых всеми общечеловеческих ценностей ставит мировое сообщество, по существу, в ситуацию *войны всех против всех.*

Нечто подобное уже было в истории человечества до появления государства, когда люди воевали между собой за выживание на локально ограниченных территориях. Теперь же за лучшие условия жизни и более выгодные позиции борются национальные государства и другие субъекты международных отношений; только происходит все это уже на глобальном уровне и при отсутствии внешней силы, способной если не остановить насилие, то хотя бы выступить арбитром противостоящих сторон.

В итоге сегодня, как и прежде, разногласия и противоречия на международном уровне решаются по большей части с позиции силы. При этом сила не обязательно выступает в грубой и неприкрытой форме. Нередко, особенно в экономике, принуждение происходит посредством косвенного воздействия, именуемого «мягкой силой» (*soft power*). Но, как бы то ни было, в выигрыше оказывается тот, кто сильнее, хитрее, коварнее, кто имеет те или иные преимущества, а потому действует подчас, преследуя собственные интересы, эгоистично и безнаказанно.

Итак, надо признать, что разногласия и противоречия всегда будут сопутствовать мировому сообществу, в котором различные культурно-цивилизационные системы (подсистемы) непременно и с необходимостью будут соперничать. Предвидеть и если не избежать, то хотя бы смягчить негативные последствия таких противоречий может и должна в меру своих возможностей политика диалога в глобальном мире. Почему именно диалог? Потому что это единственный способ взаимоприемлемого решения спорных вопросов, когда в основу отношений людей ставит главное отличие человека от мира животных – разум! Но для проведения такого диалога нужны соответствующие международные площадки и организации.

Международные организации и их роль в современном мире

ООН, на которую в подобных международных делах, казалось бы, следует уповать в первую очередь, в этой ситуации оказывается практически бессильной, так как создавалась она в другое время и для решения иных задач – прежде всего

для предотвращения новой мировой войны и выполнения *регулирующих функций* в мировом масштабе, но вовсе не для *управления глобальным миром*. И было бы наивным полагать, что реформа ООН сама по себе может здесь что-то кардинально изменить.

Вместе с тем определенные попытки реагировать на серьезные вызовы так или иначе предпринимаются. Появляются все новые глобальные и региональные наднациональные структуры, такие, например, как «Большая семерка», «Большая двадцатка», БРИКС, ВТО, Всемирный банк, Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества и др.

Однако обольщаться в отношении этих структур не стоит. Они создаются для обеспечения согласованных действий на глобальном или на региональных уровнях и с этой задачей в рамках своих компетенций в той или иной степени справляются. Но основное противоречие современной эпохи, как оно было сформулировано выше, данные организации также не решают и решить в принципе не могут.

Во-первых, все они представляют в лучшем случае только отдельную сферу общественной жизни, а то и вовсе лишь часть человечества или какой-то регион, но никто из них не представляет мир в целом, во всех его основных аспектах, без чего любое управление глобальным миром будет как минимум ущербным.

Во-вторых, в мировом масштабе такие организации способны в лучшем случае выполнить некоторые функции *регулирования*, но вовсе не предназначены для *управления* мировой системой как единым целым.

Неудивительно поэтому, что практически все глобальные проекты последнего времени, среди которых наибольшую известность получили концепция устойчивого развития, политика мультикультурализма, политика мирного сосуществования и т. п., не дают желаемого результата, а то и вовсе оказываются несостоятельными. И все потому, что для их успешной реализации, как было сказано выше, попросту нет соответствующих механизмов.

В итоге конфликт интересов в глобальном мире усиливается, чему способствует также все большая открытость и доступность информации, которая становится важнейшим ресурсом и эффективным инструментом управления общественными процессами, в том числе и дистантно. В этом одна из причин столь слаженных действий разрозненной оппозиции, которая в разных странах в так называемых цветных, твиттерных и т. п. революциях свергает правительства и инициирует кардинальные общественные перемены.

Культурно-цивилизационные основания диалога

Итак, поскольку мы живем в условиях глобализации и всеобщей взаимозависимости, нам нужно искать пути решения общих для всех нас проблем. Но мы живем в разных культурах. И тогда надо отметить, что глобализация, хотя и ведет к определенной унификации общественной жизни, тем не менее нисколько не устраняет культурное разнообразие, которое всегда было, есть и никуда не денется в будущем. Это именно так потому, что каждый народ, как и каждый отдельно взятый человек, абсолютно неповторим и по-своему уникален. На это обращал внимание еще Конфуций, писавший, что по своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки.

В этой связи возможности для диалога с учетом культурных различий ограничены. И тогда остается надежда на культурно-цивилизационный диалог, который в глобальном мире является, по существу, единственно возможным способом конструктивного разрешения современных противоречий. Это обусловлено тем, что:

– во-первых, подходы, основанные только на «диалоге культур» или только на «диалоге цивилизаций», взятые по отдельности, неэффективны и заранее обречены на неудачу. Они не отражают истинной (культурно-цивилизационной) природы общественной жизни, которая являет собою сплав, единство культурных достижений и цивилизационных отношений общества;

– во-вторых, если говорить о культуре, то это прежде всего **язык, традиции и верования** того или иного народа. Отсюда, любая культура изначально самодостаточна и стремится к сохранению своей идентичности, вступая, как правило, в противоборство и конфликты с другими культурами. Именно поэтому конструктивный диалог, основанный только на культурных основаниях, невозможен.

Следовательно, возлагать надежды на *межкультурный диалог* и рассчитывать на сближение на этой почве разных позиций не приходится. Но и серьезных оснований для беспокойства нет, если принять во внимание, что все диалоги происходят не на **культурных**, а на **цивилизационных** основаниях, когда культура выступает фоном, андеграундом такого диалога.

Почему это так? Потому что **цивилизованность** происходит от лат. *civilis* (*гражданский, государственный, правовой*). То есть это такие отношения между людьми, которые основаны на признании верховенства закона, уважении прав и достоинства гражданина. Отсюда, чем более высокий уровень цивилизационного развития имеют взаимодействующие стороны, тем более продуктивным может быть диалог.

Однако уровень цивилизационного развития отдельных народов, да и человечества в целом все еще остается на крайне низком уровне. При этом даже в научном сообществе, к сожалению, все еще нет должного понимания того, что уровень цивилизованности того или иного народа (страны, коллектива, индивида) – это обратная сторона их культурного развития. Иными словами, *цивилизованность* – это основанная на указанных выше нормах и принципах *культура* поведения, взаимодействия, взаимоотношения, взаимопонимания людей. Вот почему политика мультикультурализма, которая не учитывает цивилизационный разрыв в развитии различных культур, терпит серьезное поражение не только в Европе, но и в других странах и регионах.

Но такой политике есть альтернатива – особый курс внешней политики, именуемый «мягкой силой». Он состоит в том, что, минуя насилие и принуждение, мирным путем добиваются взаимовыгодных результатов в решении сложных международных проблем. Примером такого рода является доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК, где он немало говорил о построении экологической цивилизации с учетом богатой и глубокой традиционной китайской культуры, которая «корнями уходит в далекое прошлое и представляет собой квинтэссенцию мудрости китайской цивилизации». «Мы неуклонно следуем концепции устойчивого развития, – сказал он, – и должны обладать еще более широким глобальным кругозором, глубоко проникать в тенденцию развития и прогресса чело-

вечества, активно реагировать на общую озабоченность народов всех стран мира, вносить свой вклад в решение общих проблем всего человечества» [Доклад... 2022].

Препятствия к диалогу и возможности их преодоления

Итак, если в решении тех или иных национальных или региональных проблем не учитывать современные глобальные отношения и общие интересы человечества, то рассчитывать на благополучное будущее не придется. По этой причине нельзя согласиться с С. Хантингтоном, когда он говорит о «столкновении цивилизаций». На самом же деле имеет место противоборство не цивилизаций, а различных «культурно-цивилизационных систем» (например, западной и восточной, капиталистической и социалистической, исламской и христианской и т. п.), где по культурным основаниям такие системы отталкиваются, и в то же время притягиваются по цивилизационным параметрам. При таком подходе мы воспринимаем любой общественный организм не в одном, а сразу в двух измерениях, что дает возможность увидеть многообразие различных культурно-цивилизационных систем, коими, собственно, и представлено все мировое сообщество.

Таким образом, культурно-цивилизационный диалог предполагает признание того, что современный глобальный мир в культурном отношении изначально гетерогенный, многополярный и по сути своей не может быть другим. А для обеспечения эффективности такого диалога необходимо наличие общих цивилизационных принципов организации общественной жизни. Важно также соблюдение и других необходимых условий, таких, например, как:

- признание уникальности каждой культуры и культурного разнообразия и в то же время цивилизационного единства разных народов;
- приемлемая для всех система этических норм и ценностей (общечеловеческая мораль), без чего трудно представить себе общество единой судьбы человечества;
- единое правовое поле (глобальное право), которое должно дополнить право международное;
- религиозная толерантность и свобода совести, то есть разделение светской власти и религии.

Вместе с тем в современном мире существует и масса *препятствий*, стоящих на пути развития и укрепления культурно-цивилизационного диалога. Так, например, абсолютное большинство современных государств функционируют на основе принципов, сформировавшихся в условиях, когда человечество было еще фрагментарным и не проявляло себя как единое целое. Правящие элиты различных субъектов международных отношений, органично вписавшиеся в систему сложившихся национальных и межнациональных связей, продолжают и сегодня мыслить по большей части фрагментарно вопреки изменившимся обстоятельствам, которые требуют системного, глобального взгляда на мир. С этих позиций они продуцируют и поддерживают необоснованные страхи относительно утраты в результате глобализации самобытной культуры отдельных народов, потери национальной идентичности и т. п.

Так кто же может и должен взять на себя ответственность за обеспечение условий для продуктивного диалога в столь сложном и противоречивом ми-

ре? В первую очередь такая ответственность лежит на мировой политической, научной и деловой элите, а также на национальных государствах как наиболее крупных *управляемых* общественных системах. При этом степень ответственности тех или иных государств прямо пропорциональна их месту в системе глобальных экономических, военно-политических и социокультурных отношений.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что диалог в современном мире – единственный путь к преодолению любых противоречий. Альтернативой ему может быть только «война всех против всех», что в условиях столкновения глобальных интересов равносильно самоистреблению.

Иными словами, современное человечество, которое под влиянием глобализации становится целостной и все более четко выраженной культурно-цивилизационной системой, состоящей из множества культурно-цивилизационных подсистем, должно прийти к осознанию единой для всех судьбы. В этих условиях человечество может поддерживать равновесие и устойчивое развитие прежде всего с помощью баланса интересов, достижение которого возможно преимущественно и в первую очередь путем культурно-цивилизационного диалога в глобальном мире.

Профессор Оуян Кан:

Я благодарен профессору А. Н. Чумакову за систематическое изложение основной части его лекции. Ряд исчерпывающих замечаний, а также его взгляды на конфликт интересов в глобальном мире и диалог цивилизаций были для меня очень познавательными и поучительными. Я хотел бы отметить несколько характерных черт и особенностей данной лекции и прежде всего то, что она характеризуется поиском коренных причин. Такими первопричинами являются три основные проблемы.

Во-первых, это ограниченность человеческих ресурсов. Поскольку ресурсы очень ограничены, а обладание ими крайне неравномерно, это создает дисбаланс в мире. Выживание человечества зависит от того, насколько природные ресурсы подчинены потребностям выживания и развития человека.

Во-вторых, речь идет о природе человека. Профессор Чумаков говорил о его биосоциальной сущности. Человеку свойственно стремиться присвоить как можно больше ресурсов, чтобы максимально удовлетворить собственные интересы. Я понимаю, что такое несбалансированное и сложное переплетение человеческой природы и ресурсов лежит в основе всего человеческого существования и большинства конфликтов в мире.

В-третьих, разнообразие человеческой природы, владения и использования ресурсов породило разнообразие человеческих цивилизаций и культур. Разные люди, расы, этносы и религии, в зависимости от наличия и использования ими природных ресурсов, породили и развили различные культуры и формы цивилизации. Исторически эти этнические группы и религии жили на определенном пространстве и не мешали друг другу выживать и развиваться. С развитием человечества различные цивилизации постепенно вышли за свои территориальные границы и распространились на другие территории, что привело к конфликтам и столкновениям между различными культурами и даже войнам.

В связи с перерастанием модернизации в глобализацию последняя предъявляет все более высокие требования к ресурсам и человеческой природе, предоставляя

современные средства, которыми являются оружие, технологии, наука и т. д. С одной стороны, человеческий потенциал чрезвычайно возрос, а с другой – интенсивность конфликтов увеличилась, поэтому глобализация становится противодействующим фактором общественного развития. Но ресурсы мира могут и должны использоваться на благо всех людей, а опыт и знания отдельных индивидов, групп и коллективов могут стать основой человеческой мудрости, что и стало бы прогрессом человеческой цивилизации. Однако из-за экстенсивного развития производительных сил потребление ресурсов становится все более масштабным и разнообразным, что уже привело к локальным недостаткам и глобальному дефициту многих видов ресурсов. При этом жадность человеческой природы, усиленная новейшими средствами пропаганды наживы, загоняет людей в современное варварство, которое привело к эпохе колониализма, когда развитые государства превратили отсталые страны в свои колонии. Это трагедия современности и следствие глобализации, в результате чего были развязаны две мировые войны, принесшие мировому сообществу беспрецедентные страдания и многомиллионные жертвы. После окончания Второй мировой войны прежняя эпоха колониализма закончилась. Человечество могло бы стать более цивилизованным и дать возможность странам и народам из разных частей света более равномерно распределять ограниченные ресурсы человечества. Было приложено также немало усилий, чтобы создать международные организации и механизмы для глобального управления, среди которых такие, как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Бреттон-Вудская система и т. п.

Однако, как справедливо отмечает профессор Чумаков, эти организации имеют ограниченные возможности. Их основная задача состоит в том, чтобы управлять определенной сферой деятельности на международном уровне, предотвращать конфликтные ситуации, находить решение спорных вопросов и проблем. Например, в Организации Объединенных Наций действует принцип единогласия в Совете Безопасности, чтобы добиться единодушия между ведущими державами для обеспечения глобальной безопасности. Право вето, которое, как известно, находится в руках пяти членов Совета Безопасности ООН, призвано предотвратить принятие Советом ошибочных решений. Но в случае серьезного разделения интересов это также препятствует одобрению некоторых легитимных, желательных и необходимых действий. Например, в затянувшемся израильско-палестинском конфликте лишь недавно удалось принять соглашение о временном прекращении огня. Другой пример – Всемирная торговая организация, главной задачей которой является урегулирование споров, а не содействие процветанию. Также и Бреттон-Вудская система, закрепившая роль доллара в качестве суррогата золота, была позитивна тем, что обеспечила важный финансовый механизм для мировой торговли того времени, но она изначально была связана с интересами лишь отдельных стран и в итоге позволила им использовать платформу мировой экономики для накопления собственного богатства.

После стольких десятилетий глобализации я лично считаю, что настоящая глобализация стала действительно возможной впервые после 1945 г. благодаря существованию международных организаций, международных правил и некоторых международных механизмов. В процессе глобализации, как предполагалось, все страны мира будут пользоваться плодами глобального экономического разви-

тия. Но глобализация была основана на разделении интересов между странами и регионами и поэтому не позволила всем народам мира в равной степени пользоваться плодами развития, как мы предполагали. Все страны можно разделить на два типа в зависимости от их промышленного потенциала и различий в ресурсах, которыми они обладают. Те из них, которые обеспечены ресурсами и экономически достаточно развиты, получают и большую выгоду от современной глобализации. А те, которые не обладают богатыми ресурсами и не имеют сильного промышленного потенциала, не могут воспользоваться преимуществами, которые предоставляет глобализация, и даже становятся относительно более бедными, а то и вовсе могут впасть в нищету. Таким образом, антиглобализм, возникший в современном мире, обусловлен огромной иррациональностью, существующей между положением, занимаемым различными странами в процессе глобализации, вкладом, который они вносят, и вознаграждением, которое они получают. В идеале глобализация должна была бы способствовать глобальной справедливости и процветанию, но сейчас она стала фактором и причиной социальной несправедливости и неравенства.

В этом контексте я считаю, что глобальная проблематика нуждается в системном осмыслении, когда в центре внимания будут ключевые вопросы.

1. Первый вопрос касается справедливого распределения и использования глобальных ресурсов. Это очень сложная проблема. Поскольку нынешнее распределение ресурсов основано на их принадлежности национальным государствам, очень важно рассмотреть глобальную систему распределения и использования ресурсов, выходящую за рамки национального уровня, чтобы уменьшить негативный эффект несправедливого присвоения ресурсов и расширить право стран и народов всего мира на доступ к ним и справедливое пользование ими.

2. Второй вопрос касается самоограничения и воспитания человеческих потребностей. У каждого человека есть свои жизненные, физиологические и психологические потребности, и они должны удовлетворяться через обладание и потребление внешних ресурсов, чтобы человек мог не только выживать, но и продолжать нормальную жизнь, осуществляя социальное взаимодействие. Однако мы находимся в таких условиях, когда природа ограничивает наши потребности, позволяя нам владеть и потреблять внешние ресурсы в умеренных количествах. Поэтому наша человеческая жизнь должна быть жизнью в простоте, где материальные желания обузданы. Для стремления к духовности существуют неограниченные возможности, что является очень важным ориентиром для человеческой природы.

3. Третий вопрос – тот, который мы больше всего обсуждали на состоявшемся форуме, – это *взаимная признательность, диалог, обмен достижениями и интеграция цивилизаций*. В самом центре этого вопроса находится тема, касающаяся того, как обеспечить необходимое уважение к естественным правам, которыми обладает каждая цивилизация. Только что профессор Чумаков проанализировал вопрос о культуре и цивилизации. На форуме профессор Хань Цинсян в своем докладе отождествлял понятия «культура» и «цивилизация». Я лично также считаю, что не стоит проводить слишком сильное различие между ними. Отношения между культурой и цивилизацией – это непостоянной и отдельный вопрос. Человеческая цивилизация возникает и развивается благодаря определенным

формам культуры. В общем смысле культура может быть более активной, более жизнеспособной и развивающейся, более репрезентативной и непосредственно связанной с реальностью продуктивной жизни людей. С другой стороны, цивилизация – это более глубокая традиция, которая сохранилась и накопилась благодаря становлению такой продуктивной жизни в течение длительного периода времени. Цивилизация не может существовать без культуры и зависит от определенной степени ее развития. Это мой довольно поверхностный взгляд, и я не буду его сейчас подробно обсуждать.

Я провел небольшое изыскание в области межкультурных исследований, и мне кажется, что эти два понятия можно рассматривать с точки зрения исторического процесса, в котором человеческая цивилизация и культура эволюционно взаимодействуют друг с другом, постоянно развивая человеческое производство, взаимоотношения людей, включая духовный мир всего человечества, в котором их роли являются определяющими. С этой точки зрения диалог цивилизаций происходит непосредственно через диалог культур, например мы смотрим на него через язык, взаимодействие, повседневную производственную жизнь, туризм и т. п. Диалог может быть и достаточно поверхностным, но его внутреннее содержание всегда связано с определенными ценностями, культурными идеалами и вековыми традициями. Конечно, у разных ученых могут быть разные взгляды на этот счет, ведь в мире существуют сотни определений культуры и цивилизации. Я думаю, что людям нужно позволить исследовать данную проблему с разных точек зрения, у каждой из которых есть свое обоснование, и не обязательно иметь единое мнение по этому вопросу, поскольку взгляды могут как совпадать, так и различаться.

Кроме того, я считаю очень важным прийти к консенсусу, который позволит признать рациональность, равноправие и необходимость развития уже существующих культур и цивилизаций. В основе решения этой проблемы лежат два дополнительных вопроса.

Во-первых, является ли человеческая цивилизация (или культура) монистической или плюралистической – это самый важный, фундаментальный вопрос. Говоря о различных культурах и цивилизациях, важно обратить внимание на происхождение человечества и появление культуры. Это может быть естественное возникновение, а может быть творение Бога. С другой стороны, остается дискуссионным вопрос, имеем ли мы дело с одноразовым появлением цивилизации или она возникает плюралистически в определенном пространстве. Если это плюралистическое явление, то появляется проблема приоритетов общественного развития и того, как осуществлять равенство. Это сложный и очень важный вопрос. Побывав в десятках стран и проведя исследование оснований человеческой цивилизации, я убежден, что она возникла на основе плюрализма. Здесь основные корни и предпосылки естественной истории, истории человечества, истории культуры и истории цивилизации, и это основа для диалога и интеграции различных цивилизаций, когда мы могли бы действительно говорить о возможности плюралистического симбиоза и совместного процветающего развития в планетарном масштабе.

Во-вторых, остается также чрезвычайно важный вопрос о том, есть ли прогресс и эволюция в развитии различных культур и цивилизаций. С этой точки

зрения мы можем посмотреть на появление и эволюцию человечества в целом, на последующее развитие цивилизаций, включая возникновение различных религий, демократических систем или, например, модернизации. Мы наблюдаем различия в цивилизационных и культурных формах общественного развития, которые предполагают как постоянное возвращение к историческим традициям, так и постоянное преодоление традиций для создания новых форм. Дарвин предложил нам теорию эволюции организмов, а теперь мы видим, что эволюция и прогресс цивилизаций также очень важны в истории человечества. Например, существуют древняя цивилизация, цивилизация Нового времени, современная цивилизация. Когда мы признаем прогресс цивилизаций или культур, возникает другая, более серьезная проблема. Различные региональные, этнические, религиозные культуры и цивилизации развивались по-разному, с разной скоростью и на разных уровнях по мере продвижения от древности к современности и далее. Разные цивилизации находятся на разных этапах развития. В частности, большая проблема заключается в том, что существует непростая взаимосвязь между первой и последующими цивилизациями. Первопроходцы играют ведущую роль в развитии цивилизации и ведут ее за собой, а преемники учатся у них и следуют за ними. Например, в античности китайская цивилизация возглавляла мировую, а после промышленной революции отстала от западной цивилизации. В этом контексте вопрос сводится к тому, как субъекты разных цивилизаций выстраивают межсубъектные отношения. Это и разница между категориями, и разница между временными периодами, и особое пересечение пространства и времени, что требует соответствующего внимания и осторожности в отношениях различных культур и цивилизаций.

4. Четвертый вопрос – что делать перед лицом значительной разницы в ресурсах и цивилизационном развитии?

Во-первых, нам нужны сильные и рационально выстроенные международные организации. Профессор Чумаков только что дал очень хороший обзор роли международных организаций, с которым я полностью согласен. Суть его в том, что права, передаваемые международным организациям, – это уступки собственных прав народами мира, но насколько эти уступки необходимы и разумны? Это как если бы мы создали гражданское общество и каждый из нас как гражданин передал бы свои полномочия общественным организациям, которые бы действовали от нашего имени. Общественные организации очень важны и нужны, но при этом мы должны опасаться, что они могут узурпировать права отдельных людей и сделать тех чрезмерно слабыми перед лицом таких организаций. Этот вопрос очень сложный и важный. Международные организации, как правило, непосредственно не связаны с той или иной страной, но каждая страна защищает своих граждан, а разные страны имеют разное население и экономическую мощь. Отсюда, вопрос о том, как обеспечить равенство больших и малых стран в международных организациях, является наиболее фундаментальным.

Во-вторых, в каком смысле международные организации могут говорить от имени государств? Разные международные организации придерживаются разных принципов в этом вопросе. Например, Генеральная Ассамблея ООН принимает принцип большинства голосов, но этот принцип не является юридически обязательным, что делает выполнение резолюций, принятых этим органом, весьма неопределенным; например, Европейский союз принимает принцип единогласия

всех стран, и ни одна резолюция не может быть принята без участия хотя бы одного члена союза. Это гарантирует равные права каждой стране, но в то же время создает большую проблему. В ЕС крайне сложно принять резолюцию, которая могла бы удовлетворить все требования каждого члена данного союза, что делает принятие эффективной резолюции крайне сложным. В рамках Совета Безопасности ООН (СБ ООН) существует принцип большинства 15 членов и принцип вето постоянных членов, позиции которых далеко не всегда совпадают. Это делает реальное выполнение очень важной роли СБ ООН одновременно необходимым и очень трудным делом. Самая большая проблема, с которой сталкиваются международные организации в их деятельности, – это соблюдение баланса между справедливостью и эффективностью.

5. Пятый вопрос – как в такой сложной ситуации вести эффективный диалог на международном, региональном и межгосударственном уровнях, а также диалог между людьми. В идеале мы должны иметь хорошую систему глобального управления и, в частности, глобальный закон о ресурсах, который учитывал бы сложность этой проблемы и обеспечил разумное и справедливое использование мировых природных ресурсов.

Теперь я хочу сделать краткие выводы в качестве заключения.

Во-первых, Земля – это общий ресурс человечества, но как отразить эту общность? Сбалансированное распределение глобальных ресурсов среди всех людей, очевидно, является лишь идеалом, и в этом кроется большая проблема. Если возьмем, например, глобальное изменение климата, то на это влияет потребление энергии различными странами, что в значительной степени зависит от их владения природными ресурсами. Так, если та или иная страна владеет большей долей угля по отношению к другим ресурсам, то ее экономика может быть склонна к использованию традиционных видов топлива; а если превалирует доля нефти и газа, то это важное преимущество в получении современной чистой энергии. Мы пытаемся выяснить, существует ли в странах закон о справедливом распределении и использовании ресурсов. Это очень важный вопрос. Другой вопрос – можно ли создать специальную международную организацию (международное право), чтобы постепенно вносить необходимые и умеренные коррективы в справедливое распределение и использование природных ресурсов в глобальном масштабе. Поскольку абсолютное равенство невозможно, я думаю, мы можем продолжить обсуждение этого вопроса позже.

Во-вторых, вопрос о человеческой природе. Возможно ли разработать закон о глобальном гражданстве, в котором базовым требованием было бы глобальное гражданство для людей всех стран? В истории было много случаев, например предложение Канта о вечном мире во всем мире, которое было основано на таком фундаменте, и мы долгое время считали его утопией. Можно ли усилить и развить это направление исследований в будущем? Можно ли предложить закон под названием «Глобальное гражданство», «Мировое гражданство» или «Гражданское общество для всего человечества» в качестве общей ценности и правила поведения для всех стран и народов и поднять его на такой высокий уровень, чтобы он был совместимым с современной цивилизацией?

В-третьих, вопрос о многообразии цивилизаций. Возможно ли выработать такой закон, такую систему сосуществования и совместного проживания, которые

были бы эффективными в условиях глобального плюрализма цивилизаций? Инициатива глобального развития председателя Си Цзиньпина, которая является важным условием безопасности для будущего процветания человечества, – это минимальное и необходимое требование решения такой задачи. А цивилизационная инициатива – это, по сути, надежда на то, что различные цивилизации могут действительно взаимодействовать на равных и сотрудничать на взаимовыгодной основе. И сейчас многие страны прилагают соответствующие усилия в этом направлении. Например, в 1991 г., когда Канада приняла закон о мультикультурализме, я был удостоен премии канадского правительства, чтобы отправиться на изучение проблемы мультикультурализма в Канаде. Там я провел серию серьезных исследований, и могу сказать, что Канада в то время была лидером в диверсификации мировой цивилизации. Итак, с точки зрения разнообразия цивилизаций необходимо работать в трех направлениях. Во-первых, это утверждение равенства всех культур и цивилизаций, а также признание их права на существование и международное уважение к ним. Во-вторых, необходимо искоренить все формы экстремизма, расизма, фундаментализма, терроризма и так далее. В-третьих, необходимо содействовать развитию цивилизаций, что является самой важной целью, а затем сделать всю человеческую цивилизацию более красочной и способной продемонстрировать свое величие.

В-четвертых, необходимо сказать о международных организациях. Укрепление международных организаций подразумевает учет различных аспектов, областей и уровней их деятельности. *Первое* – это укрепление роли, которую существующие международные организации выполняют в поддержании или развитии глобальной системы международных отношений. *Второе* – это взаимоотношения между существующими организациями с учетом текущей международной обстановки, а также противоречий и конфликтов, обусловленных потребностями развития различных стран. *Третье* – создание новых международных организаций в ответ на новые потребности. В пример можно привести Шанхайскую организацию сотрудничества, БРИКС, инициативу «Один пояс – один путь» и т. п. Я думаю, что самый главный принцип международных организаций – это принцип справедливости, который включает в себя справедливость оснований таких организаций, процедуры голосования в них и процесса принятия решений.

Исходя из этого, я считаю, что диалог очень нужен и важен. Конечно, он не может решить всех проблем, но без диалога невозможно решить ни одной проблемы. Существует множество глубоких, глобальных и стратегических вопросов, которые должны быть основательно изучены учеными, и тогда можно будет предложить более эффективную теорию общественных преобразований, наметив пути их реализации, которые приведут к успешному развитию всех стран мира. Конечно, мы надеемся, что благодаря диалогу в конечном итоге будут приняты соответствующие необходимые меры. Все мы знакомы с марксизмом: в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс говорили, что «один шаг действия важнее десятка программ», и, в частности, мы знаем знаменитое высказывание Карла Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955: 4].

Такой диалог, как наш сегодняшний, – это еще и способ общения для меня и российского ученого, который, будучи главным редактором журнала «Век гло-

бализации» и давним исследователем глобализации, поднял такую важную тему и вызвал у меня некоторые мысли. Я предлагаю обсудить ее профессору Чумакову и всем присутствующим, спасибо!

Профессор А. Н. Чумаков:

Я благодарен Вам, профессор Оуян Кан, за организацию замечательного международного форума и нашего диалога в качестве его завершения. Я также впечатлен Вашим выступлением, которое представляет собой систематический взгляд на обсуждаемые сегодня вопросы и является хорошим дополнением ко многим интересным идеям, которые я услышал на состоявшемся форуме.

Из Вашего выступления и двух дней работы форума я понял, что Китай имеет значительные результаты в изучении цивилизаций и культур, а также в вопросах глобального управления. Теперь я лучше понимаю, почему профессор Оуян Кан и британский философ Стив Фуллер считают, что необходимо создать Международный социально-эпистемологический альянс. Это, несомненно, интересная и перспективная идея.

На протяжении более двух десятков лет я много раз бывал в Китае, и у меня было немало дискуссий с китайскими коллегами, причем не только с философами, касательно различных аспектов современной глобалистики. Но сегодня разговор на эту тему был для меня особенно интересным. Пожалуй, в первый раз я встретил в Китае такого специалиста, который не только системно и всесторонне воспринимает глобализацию, но и рассматривает ее как естественный и закономерный процесс, причем, что особенно важно, в культурном и цивилизационном контексте общественного развития. Спасибо Вам за эту возможность обменяться мнениями по актуальным проблемам современного глобального мира, когда каждый из нас обсуждает эту тему с позиции своей культуры, ментальности, а также в контексте мировой и национальной философской традиции. Разумеется, даже при значительном совпадении взглядов здесь по определению не может не быть различий в подходах, определениях, интерпретациях и выводах.

В этой связи я хотел бы кратко остановиться на некоторых аспектах выступления профессора Оуян Кана. Прежде всего нужно отметить, что по многим вопросам между нами существует высокая степень согласия, и это хорошая основа для настоящего и будущих диалогов. Так, наши позиции по существу совпадают, когда дело касается, например, взаимозависимости глобализации, культуры и цивилизации, хотя в интерпретации этих понятий есть определенные отличия. В частности, как понимать глобализацию? Заметим в этой связи, что единого мнения относительно данного явления нет, и у разных ученых могут быть значительные расхождения по этому вопросу. То же можно сказать и относительно проблемы ограниченности ресурсов или человеческой природы, а также конкуренции за ресурсы на международном уровне.

Я обратил бы особое внимание и на то, что профессор Оуян Кан придает большое значение гуманитарным аспектам общественного развития, когда дело касается осмысления и поиска путей решения глобальных проблем современности, что не часто встречается не только в Китае, но и в российской или западной

глобалистике. А это очень важный и значимый поворот разговора в направлении понимания сущности и основных положений глобализации.

Еще один аспект обсуждаемой темы, который заслуживает особого внимания, заключается в том, что профессор Оуян Кан поднимает тему глобального гражданского общества в контексте решения современных международных проблем. Ценность такого подхода состоит уже хотя бы в том, что в наших междисциплинарных дискуссиях на этот счет часто возникают две ситуации. Первая характеризуется тем, что тема глобального гражданского общества в силу его слабого проявления фактически игнорируется и не обсуждается. Другая ситуация возникает тогда, когда гражданское общество ассоциируется только с четко определенными общественными системами, в частности с отдельными государствами, что автоматически оставляет за рамками внимания глобальный аспект этой проблемы.

В течение двух дней форума достаточно много говорилось также о глобальном управлении. Многие выступающие подчеркивали важность решения этой задачи, но мало кто из них касался путей и способов глобального управления, в том числе и роли международных организаций на этом поприще. В данной связи хотелось бы подчеркнуть, что некоторые моменты в оценке места и роли международных организаций в наших с профессором Оуян Каном взглядах во многом совпадают, в частности в вопросах необходимости реформировать некоторые международные организации. Наконец, мы оба придерживаемся того мнения, что глобальные проблемы могут иметь решение только путем диалога [Россия... 2023].

Сказанное выше касается полного или частичного совпадения наших взглядов. Но я хотел бы обратить внимание и на некоторые отличия в высказанных нами подходах и оценках. Так, например, Вы сказали, что «настоящая глобализация» началась после 1945 г. Правильно ли я Вас понял?

Профессор Оуян Кан:

На мой взгляд, глобализации предшествовала интернационализация и модернизация, которая происходила на протяжении сотен лет, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая промышленной революцией в Англии. Но я думаю, что именно после 1945 г. модернизация стала глобализацией, потому что глобализация требует международных организаций, и поэтому с созданием Организации Объединенных Наций началась настоящая глобализация в более широком масштабе. В процессе модернизации уже была интернационализация. Иначе говоря, модернизация выходит за пределы отдельных стран и регионов, и это уже называется интернационализацией; а глобализация – это формирование единого целого.

Профессор А. Н. Чумаков:

Я хотел бы уточнить Ваше понимание того, что такое интернационализация.

Профессор Оуян Кан:

Интернационализация – это выход капитала, технологий и товаров за пределы национальных границ; можно сказать и так: это международная деятельность и отношения между странами.

Профессор А. Н. Чумаков:

С таким пониманием интернационализации в качестве рабочего определения можно согласиться, поскольку, хотя и в неявной форме, но здесь аналогично отношениям в экономике подразумеваются также отношения и в других сферах общественной жизни. Однако интернационализация и глобализация при всем их сходстве имеют существенные различия. Так, если процессы интернационализации имеют сугубо социальную природу, то глобализация как один из глобальных процессов, которые протекают в неживой, живой и социальной сферах, касается не только общественных отношений, но и взаимодействия человека с живой и неживой природой. Поэтому, рассматривая глобализацию как естественно-исторический процесс, берущий начало с эпохи Великих географических открытий и прошедший в своем развитии три основных этапа [Чумаков 2020: 205–295], я не могу отнести ее начало к 1945 г.

Профессор Оуян Кан:

Я думаю, мы можем на этом пока оставить обсуждение глобализации, потому что каждый из нас может продолжить свою аргументацию. Надеюсь, у нас еще будет возможность рассмотреть эти вопросы более детально, но что несомненно – есть глубокий смысл в таком обсуждении.

Хотел бы также отметить, что мне импонирует разница между культурой и цивилизацией, о которой Вы говорили, но с точки зрения глобализации и глобальных проблем у нас другое понимание культуры и цивилизации, и мы также считаем, что культура и глобализация неразрывно связаны. В этом случае всегда важно говорить о том, что люди, живущие в той или иной культуре, не обязательно живут в той или иной цивилизации. Рассматривая человека, мы можем сказать, что он обладает множеством различных культурных черт, поэтому у него определенно есть культура, но не обязательно цивилизация. Я думаю, что культура и цивилизация – две стороны одной медали, и эти два понятия не могут пересекаться друг с другом. Я полагаю, что понятие культуры – это также понятие времени. Понятие цивилизации было выдвинуто французскими философами в XVII и XVIII вв., и с точки зрения цивилизации речь идет скорее об отношениях между людьми; например, взаимодействие между людьми основано на уважении к закону и морали.

Профессор А. Н. Чумаков:

С некоторыми уточнениями, я в принципе согласен с таким взглядом на отношения культуры и цивилизации. Но понимание современных, в том числе и международных, отношений в глобальном мире будет более глубоким и адекватным, как мне представляется, если мы будем анализировать их не с позиции различных культур или цивилизаций, а с точки зрения культурно-цивилизационных систем [Чумаков 2017: 369–427]. Но эта тема уже для другого разговора.

Поскольку наше время подошло к концу, я хотел бы поблагодарить профессора Оуян Кана за весьма содержательный разговор и выразить уверенность, что он будет иметь продолжение не только в Китае, но и в России. Ваши лекции для студентов Московского университета, несомненно, были бы весьма интересны,

равно как и журнал «Век глобализации» с удовольствием опубликует Вашу статью, как только она поступит в редакцию.

Профессор Оуян Кан:

Я в принципе согласен с широким пониманием глобализации профессором Чумаковым. В то же время я выступаю за более узкое понимание этого явления, то есть я говорю о глобализации как о глобализации модернизации. А культура и цивилизация – это то, что можно обсуждать в различных контекстах. Так, еще раз хотелось бы обратить внимание на различия между культурами и цивилизациями, но если говорить о культурно-цивилизационных системах, то в этом случае мы будем подчеркивать их единство.

Сегодня у нас получилась очень интересная дискуссия, и я не ожидал, что на это уйдет три часа. Я впервые и с большим интересом слушал выступление профессора Чумакова по глобальным вопросам, и у меня появилось немало идей, которые мы можем дальше обсуждать, продолжив, таким образом, совместную работу. Благодаря этой беседе факультет глобальных процессов Московского университета и Институт национального управления Хуачжунского университета науки и технологий теперь стали связаны друг с другом, и надеюсь, что в будущем нас ждет более глубокое сотрудничество.

Литература

Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. Ч. 1 (16 октября 2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@anti1957-doklad-si-czinpina-na-xx-vsekitaiskom-sezde-kommunistichesko?ysclid=lq9dc0wsdq136437439> (дата обращения: 23.12.2023).

Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч.: в 50 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1955.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.

Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. 2-е изд. М. : Дашков и К⁰, 2023.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020.

ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛИЗМА: СЦЕНОГРАФИЯ НОМО AESTIMATOR*

**Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В.,
Яловенко Я. В.****

На основе рефлексии традиционного типа глобальной организации общечеловеческого обмена деятельностью авторы обосновывают необходимость его кардинальной перестройки. Суть в том, что доктрина новой онтологии обогащает философское учение бытия новой роли антропного фактора; последний оказывается ресурсом порождения неведомого прежним эпохам родовой истории типа действительности – открытого в поле проекта бытия-трансформера. Тотальная замена фюсис-технэ, имеющего начало «в себе», на имеющее начало «в ином» актуализирует проблему компетенций fabricator mundi, автоматически не решаемую. Действительно, насколько соот-

* **Для цитирования:** Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография homo aestimator // Век глобализации. 2024. № 1. С. 22–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.02.

For citation: Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shafigullina T. N., Yalovenko Ya. V. The Philosophy of Globalism: Homo Aestimator Scenography // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 22–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.02 (in Russian).

** Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»; профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the State University of Education. E-mail: vvilin@yandex.ru.

Кокоева Ирина Александровна – ассистент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: kokoeva@mail.ru.

Irina A. Kokoeva – Assistant of the State University of Education. E-mail: kokoeva@mail.ru.

Родин Павел Николаевич – к. ф. н., доцент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения» E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Pavel N. Rodin – Ph.D., Associate Professor of the State University of Education. E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Шафигуллина Татьяна Владимировна – к. и. н., доцент Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». E-mail: tania56_09@mail.ru.

Tatyana V. Shafigullina – Ph.D. in History, Associate Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University). E-mail: tania56_09@mail.ru.

Яловенко Яна Викторовна – к. э. н., доцент Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». E-mail: yana2307@rambler.ru.

Yana V. Yalovenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University). E-mail: yana2307@rambler.ru.

ветственно естественное искусственному? Насколько согласованы «первая» и «вторая» природа?

Не вдаваясь в оценку принадлежащих истории взглядов, авторы озадачиваются принципиальным: имеются ли унитарные начала творения нерукотворной и рукотворной материи? Как показывается в статье, такие начала есть, и это – законы гармонии, симметрии, ладности, пропорциональности, – красоты.

Красота в «первой» и «второй» природе – показатель качества формообразовательного процесса, выступающего гарантом совершенства выпускаемого продукта.

Ключевые слова: планетарный кризис, ненасильственный миропорядок, homo aestimator, антропный фактор, глобальные явления.

THE PHILOSOPHY OF GLOBALISM: HOMO AESTIMATOR SCENOGRAPHY

Based on the reflection of the traditional type of global organization of the universal exchange of activities, the authors justify the need for its fundamental restructuring. The point is that the doctrine of the new ontology enriches the philosophical doctrine of being of a new role of the anthropic factor; the latter turns out to be a resource for generating a type of reality unknown to the previous epochs of ancestral history – a being-transformer project opened in the field. The total replacement of the fisis-techne, which has its beginning “in itself”, with the beginning “in another” actualizes the problem of fabricator mundi competencies, which cannot be solved automatically. To what extent is the natural correspondent to the artificial? How much correspondingly natural to artificial? How consistent are the “first” and “second” natures?

Without going into the assessment of the views belonging to history, the authors are concerned with the fundamental question: are there unitary principles of creation of not man-made and man-made matter? As shown in the article, there are such principles, and these are the laws of harmony, symmetry, harmony, proportionality, that is beauty.

Beauty in the “first” and “second” nature is an indicator of the quality of the form-building process, which is a guarantor of the perfection of the manufactured product.

Keywords: planetary crisis, nonviolent world order, homo aestimator, the anthropic factor, global phenomena.

Самосознание современной культуры пропитано тревожными мотивами всеохватной кризисности. Речь не об экологических, общественных, этнических, конфессиональных, державных коллизиях текущего развития, индуцирующих острейшие диспропорции, дисфункции, деформации цивилизационного существования. Дело намного сложнее. Внимательная оценка происходящего обнаруживает капитальную подспудную основу конфликтности нашей эпохи, состоящую в лишении нас прочного всечеловеческого места.

Восхождение к общему понятию, генерализирующему ситуацию частных, пронизывает убеждение утраты жизненной устойчивости, крепости родового самостояния вследствие эрозии человечности: за 25 веков прогрессивного вовлечения, участия взятый как целое человек внутренне износился. Ни каждый из нас

в отдельности, ни все вместе, мы не можем более руководствоваться заветом матери Орфея, поучавшей сына: «Пой без оглядки».

Оглядка – крайнее внимание, осторожность в действиях, взыскательная рефлексия собственных поступков, сверка их действительных и возможных эффектов с моделью потребного. Оглядка, сопряженная с ней оговорка словно резвятся между контрастами, по выражению Т. Манна, не спешат встать на чью-либо сторону и принять решение: ибо полны «предчувствия, что в больших вопросах, где дело идет о человеке, любое решение может оказаться преждевременным» [Манн 1960]. Без оглядки, оговорки с непадением в пресловутое «историческое увражье» (Гончаров) на антропогенной фазе ответственного миротворчества обойтись невозможно, что и подводит к общефилософскому толкованию современного времени как аксиологически ориентированного [Ильин 2022].

Именно так: наш XXI век – век вразумляющей аксиологии, обеспечивающей всестороннее ценностное оправдание «роевой» деятельности, где вера в «потом» кристаллизуется выработкой явного, ясного понятия, по каким звездам, как жить [Ортега-и-Гассет 1991].

Выдвигаемый нами рабочий тезис заключается в утверждении: наличная доктрина социально-политической глобализации должна быть отредактирована в терминах родовой аксиологизации, демонстрирующей приоритетность не «интереса», но «судьбы» в самоутверждении нового носителя субъектности, – паушально: не *homo viator*, но *homo aestimator* [Ильин 2017].

Строго говоря, эмпирическая констатация типа «высшие благороднейшие ценности ушли из общественной жизни» [Вебер 1990] не фиксирует видоразличий переживаемого. Некий параценностный антураж объективистской формы освоения действительности задал еще Гераклит, осуществивший многозначительный поворот от теологии к космологии, согласно которому боги отныне перестали иметь касательство к миру. Вначале – природному с прекрасно верифицируемой картиной натуралистической методологии и технологии научно-изыскательской деятельности. Затем – общественно-политическому с не менее прекрасно верифицируемой картиной инструментальной методологии и технологии властно-управленческой деятельности [Ильин 2020].

Суть в расстановке генологических акцентов (с легкой руки Гераклита) в стремительно укоренявшейся новой космологической модели мира как десакрализованного универсума. Отныне *epitheton ornans* реальности стало, если использовать слог П. Тиллиха, отсутствие «предельной заботы о высших смыслах». (Обращаем внимание на почти буквальное совпадение фигур атрибуции нужного нам явления: представители разных философских течений солидарны в нажимах на знаменательную утрату «высшего».)

В критико-аналитическом измерении последнее суть (рычагами сциентизма, техницизма) выхолащивание из картины действительности щепетильного флера *humani generis*; или, как подчеркивал М. Вебер, – расколдование мира.

Разволшебствование сущего в наши специфические гуманитарно дефицитные бесчувствием блаженные дни производится рафинированными приемами «освобождения от человечности», невзирая на сопротивление «внутреннего противника». Здесь:

– *денатурализация*: своеобразная рекультивация архаичных мифологем эндогенной трансформируемости природных субстанций (исходно – мифы о Дионисе,

Озирисе, Сабазии, Адонисе и др., в последующем – учение о трансмутации), некогда вытесненных платформой «фюсис».

В досовременные времена противоестественное «сверхприродное» заменялось естественным «природным»; современность тщится обозначать реверсивный ход от естественного к противоестественному – сомнительные эксперименты по смене пола (с потенциально впадающими в дереализацию, депривацию, фрустрацию детрансами); поощрение суицидальных тенденций (с печально отличающимися на данном порочном поприще Канадой, Швейцарией), асексуальности (Нидерланды, Великобритания), безбрачия (Франция, США), чайлдфри (многие страны Запада). Лишаясь природных корней, аутентичного естества, человек обретает облик самонадеянного искусственно выводимого гомункулуса;

– *деиндивидуализация*: инкорпорация в большое общество тоталитарных инструментов обмена деятельностью с подавлением самости встраиванием в жесткую регламентацию интеракции (отточенную опытом пандемии) – свертывание «живых» контактов, рост закрытости, распад антропоемких поведенческих ландшафтов с планетарной опасностью тлетворного постгуманизма [Ильин 2022];

– *десоциализация*: оборотная сторона деиндивидуализации, как ни странно, – десоциализация, маркируемая столь тревожной тенденцией, как всплеск нарциссизма. Человек только там действует как человек, где «занят общественной деятельностью», – выводит К. Маркс [Маркс, Энгельс 1974]. С состоянием душевной горечи констатируем: в наши интерактивные дни человек стремительно утрачивает способность отдаваться заботам общественным. Магистраль традиционной социализации с атрибутивными ей механизмами интенсивного вовлечения, участия, инкорпорации в коллективное дело сугубо блокирует плотина абсентеизма, капсулизации, самоизоляции.

Эрозионные впадины социализации просматриваются во всех капитальных отсеках антропозодчества, но крайне демонстративно – в кругу семьи, трансформирующейся в причудливый симбиоз контрагентов (!) в утрировании не «нежных чувств», но партнерства (в ряде стран ЕС мать с совершеннолетия не считается для детей родственником; мы уже не обсуждаем перверсию однополых «браков»); семья утрачивает важнейшую общественную роль малой группы сплоченных близких родственников, осуществляющих воспроизводство рода, интернализацию норм, первичную социализацию членов общества;

– *деполитизация*: кризис лидерства, деградация властных элит (ряд снижающих параллелей в репрезентативной французской правящей группе: Ш. де Голль, Ж. Помпиду, Ф. Миттеран, Ж. Ширак – Н. Саркози, Ф. Олланд, Э. Макрон); нарастание апатии в электоральных средах, утрачивающих надежды на выражение заявляемых интересов проводящими консолидационный курс народными слугами.

В классической социально-политической рефлексии отмечается фазовый переход первого рода от олицетворения властной «субстанции» к «функции» (эгоистический функционализм); в неклассической постмодернистской рефлексии подобного типа отмечается идентичный же фазовый переход от «субстанции» к «симуляции», «имитации», фиксирующий жалким «подобием»: «Кеннеди погибли, – указывает Ж. Бодрийяр, – так как воплощали... политическую субстанцию, тогда как... последующие президенты были лишь... карикатурой» [Бодрийяр 2015]. С Гераклита боги перестали влиять на мир, с современности народы

перестали влиять на политику – характерные инновационные сдвиги в перво- и второприродной космологии. На фоне очевидного кризиса призванных поддерживать, укреплять дух безопасности, сотрудничества в межгосударственных отношениях международных организаций (прежде всего ООН) уже не замышляется новый «вселенский дом» [Бубер 1995], предводительствуемый синклитом председателей земного шара (наивные проекты позитивистов, футуристов – «совет мира» [О. Конт], «управители человечества» [В. Хлебников]);

– *дегуманизация*: вырождение высоких, глубоких начал человечности вследствие невостремленности оригинальности: выбивающееся из «массы» – олицетворение человеческого в человеке – «лицо» с обоснованными претензиями на самость всесторонне подозрительно и нетерпимо. Остракизм в отношении неординарности, неконформичности, инициативности не руководствующегося в своих утверждениях правилом (по О. Хаксли) «общности, одинаковости, стабильности» источника активности выказывают все институционально оформленные агенты духовного и практически-духовного. В политике, искусстве, образовании, науке – везде взыскуют податливости, уступчивости, покладистости, согласованности.

Между тем задник последнего – «молчанье и удушье» (И. Бродский), схлопывание гуманитарного, фронтальное обмельчание культуры вследствие внутреннего стеснения.

Назначение культуры – «теплой заступницы мира холодного» (М. Лермонтов) – возбуждать человеческое свободным развертыванием, созданием условий его самопрогресса инициированием самотворчества.

Закабаление соглашательством некомпенсируемо. Всеобщее же побуждение пассивного принятия наличного *status quo* сугубо подменяет «поззис» «мимезисом», продукцию – репродукцией, созидание – подражанием, штамповкой, копированием. В царстве льда, где не горит огонь, не возникает предпосылок взрыва. Культура как взрыв отменяется дегенерированием в непритязательное, обильно сдобриваемое *money making affairs*, тривиальным ангажированием, конъюнктурным лоббированием предприятий по привитию рассеянной миметической лени с введением населения в режим равнодушной самоуспокоенности. Не склонный к турбуленции деятель культуры пестует общество; склонное к ламинарности общество («как стих без мысли в песне модной» – А. Пушкин) пестует прирученного деятеля культуры;

– *деинтеллектуализация*: осмысливаемый Х. Ортегой-и-Гассетом феномен «восстание масс» – расчеловечивающее омассовление жизни, невзирая на многопрофильность тактического воплощения, одномерно в плане жизнеспособной стратегической, подчиненной доминанте хищного консюмеризма – бездумного наращивания глобально не обеспеченного материального достатка.

Избегая в данном месте освоения острого сюжета адекватности проектирования планетарного существования диспозициями неограниченного потребления [Ильин 2007], акцентируем ту характерную особенность, что омассовление чего бы то ни было как таковое, снижая качественные кондиции выпускаемого конечного продукта, влечет уменьшение его интеллектоемкости. При всей кажущейся парадоксальности суждения кризис нашей просвещенной эпохи суть кризис интеллектуальности.

Интеллектуальное просветительство во время оно Кант уподоблял помочам – облегчающим хождение подпоркам, без использования коих невозможно на-

учиться ходить на собственных ногах [Кант 1966]. В текущий момент истории интеллектуалы – носители критико-аналитического, инновационного потенциала – как минимум вызывают настороженность, а как максимум – купированы, вытесняясь на периферию захвативших жизненное пространство восставших темных масс.

Восстание масс в наши дни обретает плоть борьбы с оригинальностью – противостоящей самоуспокоенности самобытностью, которой одинаково страшатся и переставшая быть рациональной, читай: интеллектуальной (по Г. В. Ф. Гегелю – М. Веберу), бюрократия, и тем более никогда не обладавшие рациональностью, читай: интеллектуальностью, люди «с улицы». И «крапивное семя», и «улица» плотно сбитой фалангой сплачиваются против «образованных», чья интеллектуальная компетенция блокируется своевольной вседозволенностью. В прошлом веке (со слов Ж. Маритена) наборщики – люди «с улицы» – отказывались готовить к печати рукописи неудобных им авторов; в веке настоящем функционеры-псевдоинтеллектуалы ставят мысль под запрет изощренным «конфликтом интерпретаций». (Философскую апологию дезавуирующего антиинтеллектуализма проводит постмодернизм, в духе недопустимого доктринального эпатажа легализующий *chûte complète* рациональной культуры. Если озабочиваться технологической подкладкой данного процесса, правильно указывать на виртуальные ресурсы невзаимозаменяемых токенов – NFT – с абсурдной условностью закрепления прав [владения] на произведения; в цифровой реальности понятие «оригинал», подвергаясь эрозии, становится идентичным любой «копии»; не допускается различий между рассказом и пересказом, постановкой и ремейком, основным и производным, первичным и вторичным. Куда как не симуляционное, реплицированное – сюрреалистичное деинтеллектуализированное существование в модусе «казаться», а не «быть»!)

Неутешительное резюме феноменологических данных деструктивных мега-тенденций текущей жизни сводится к констатации усиления пафоса десакрализующей гераклитовской космологии: мир, лишенный богов, продолжает лишаться святости. Бесконечно прав М. Хайдеггер, утверждавший: беда нашей эпохи – закрытость к священному.

Способом бытия человека в современном мире пребывает тлетворное «лишение»: человек утрачивает исконную природную атрибутику – денатурализация; человек утрачивает исконную гуманитарную атрибутику – дегуманизация. Простраивается тотальная некомпенсируемая «растрата Я» (С. Кьеркегор), представляющая универсальную катастрофу.

Планетарная катастрофа. Как с ней бороться?

По прозорливой рекомендации М. Вебера, надлежит озаботиться услышанием верховного «призыва» [Вебер 1990]. Какого именно? В намечаемой высокой доктрине некой положительной повестке обращают на себя внимание платформы:

– экологизм: императивное благоговение перед жизнью как *sumtum bonum*. Отдавая дань искренности бескорыстию адептов программы (от А. Швейцера до Н. Моисеева), укажем на такие ее непроработанные пункты, как утопичность «зеленой» стратегии живневоспроизводства; нереализуемость стратегаем устойчивого развития (по крайней мере, в редакции Г. Брундтланд); отсутствие (пока?!) четких правил согласования био- и техно-, социо-, антропоритмов в потребляюще-истребляющей веществе природы производительной деятельности;

– амитологизм: в представлении многочисленных зилотов позиции (в прошлом веке – П. Сорокин, М. Шелер, Л. Бинсвангер и др.) любовь – «ответ на проблему человеческого существования» [Fromm 1962]. Учитывая практическую статью нашей цивилизации, инвестирующей в материальный, а не духовный комфорт, понятный пафос линии для (пока?!), не дозревшей до нее популяции проходит преимущественно по части дезидератов;

– традиционализм: окормление человечества силой «живой традиции» [Генон 2008]. Неразрешимую головоломку представляет оксюморонный принцип сочетания предлагаемого. В типологии статусных ролей «традиционность» – архаичность, исключающая «живость»; в типологии конфессиональных ролей «традиционность» – неререформированность, то есть догматичность, косность, антимодернизационность: для конфессиональной традиционности всякий модерн – «соблазн и святотатство». Контрадикторный характер образования признаков группы в предикации исключает наведение моста от сакрального к профанному (не говоря о сознательном гражданском эскапизме поборников традиционных символов веры, чурающихся вмешательства в суеты мирские, – драматическая ситуация вокруг Киево-Печерской лавры образца 2023 г.).

Нужная высота не берется вырабатываемыми усилиями; рефлектирующее сознание не наполняется вождельными смыслами, выказывая, используя слог М. Горького, печальное бессилие философии перед лицом реальных жизненных затруднений [Горький 1951].

Причина? Исчерпавшаяся коннекциология.

Прошлая философия кризис существования версифицировала апелляцией к несовершенной природе человека (ресурсом случайной выборки):

– Т. Гоббс: эгоистическое существо агрессивного сапиента, вовлеченного в войну всех против всех;

– К. Гельвеций: себялюбивость неуступчивого *homo*;

– Ж.-Ж. Руссо: врожденность враждебности;

– Ч. Ломброзо, З. Фрейд: физиолого-либидозная задетерминированность поведения, *etc.*

Между тем человек – не средоточие античеловеческих резервов хаоса; в зависимости от обстоятельств он – разный: хороший и плохой, добрый и злой, альтруистичный и эгоистичный. Не может быть всесторонне-односторонней (оксюморон) антропологии, тем более нажимающей теньевые черты человеческого характера и наклонностей.

На данном резоне правильно, сменив сектор обзора, проводить тематизацию обязывающего сюжета апелляцией к несовершенству созидания человеком природы. Суть в следующем.

Если и «Великий архитектор» (Г. Лейбниц) – всеблагой, всезнающий, всесовершенный Всевышний – при сотворении мира допускает досадные промахи, обрекая сущее фактами физического и морального уродства, что говорить об «архитекторе малом» – человечестве, которое с индустриально-технологической революции, рядясь в тогу создателя, выпускает далеко не качественные продукты общего пользования.

Проблематика теодицеи последовательно перетекает в проблематику антроподицеи: апология божьего дела преобразуется в апологию человеческого дела, трактовка праведности удела Творца заменяется трактовкой праведности удела

Рода. Здесь – казус, проблематизирующий упование «праведный верою жив будет» [Рим. 1:7]. Верой – во что? Вопрос в этом.

Осмысленное движение в вопросе начнем с уточнения линии Маркса: вторая искусственная (антропоемкая) природа суть овеществленная сила знания [Маркс, Энгельс 1968]. На фоне острейших диссонансов функционирования порожденной приложениями науки техногенной цивилизации экспликация генеологии овеществляемой силой знания реальности выглядит недостаточной. В ней не хватает святости. Не той, о которой повествовали изгнанники с «философского парохода» [Ильин 2022–2023], ставящие на культивацию священства в себе, но той, которую следует демонстрировать самореализацией рода. Не молитвой и постом изгоняется несправедное [Мф. 17:21]; изгоняется оно аксиологизацией жизнедеятельности.

В таком курсе видения, поскольку в человеке столько человеческого, сколько общечеловеческого – родового, известная социальной и политической философии теория социального действия (М. Вебер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас) должна быть преобразована в теорию человеческой деятельности.

Что дает сдвиг с одного на другое?

Действие как однократная рационально расчисленная целенаправленная акция конституируется логикой достижительных усилий в партикулярном локале. Репер действия – цель и надлежущая оперативная экипировка ее реализации. Генеалогия целей в локальном исполнении лишена признаков всеобщей легальности. Посему Вебер, делая изъятие из аргументации, комбинирует откровенно дезориентирующими фигурами «выбор демона», «честный выбор» (где в идеале следует быть верным себе, честным перед собой. Подступает риторическое: перед собой – кем? Святым, святотатцем; правдоискателем, лжепророком?)

Как напоминал А. Вергинский, «даже светлые подвиги» могут быть только ступенями «в бесконечные пропасти к недоступной весне».

Отсюда – нелицеприятная, но вынужденная импликация: реализация цели в локальном действии может быть рационально расчисленной, но нецелесообразной. И в предельной генерализации: рациональное удостоверение цели ввиду «чистоты» расчисляющего «разумного устройства» востребует критики и дополнительного оправдания. Как показали изыскания немецких философских классиков, человеческий разум, к нашему несчастью, узок, то есть инструментален, техничен в отношении человекообразной тематики; нуждается в практическом применении сверхситуативного руководства – гуманитарном обременении.

Последнее и есть привитие святости в согласовании целеустремленного действия с ценностно устремленной деятельностью.

В немногих словах уточним предъявляемую позицию. Дозволительная цель – согласующаяся с благополучием, совершенной формой всечеловеческого общежития [Паульсен 1906]; иначе говоря – ценностью.

Локальные цели действия уникальны; тотальные ценности деятельности (повторим: фиксирующие совершенные формы всечеловеческого общежития) – универсальны. Поглощая уникальное, универсальное в режиме предостраивающей диспозиции когерирует персональные действия с устоями родовой деятельности.

В качестве итога – самоутверждение человека не просто как рационального существа, но как рационального родового существа, которое, по К. Марксу, «относится к роду как к своей собственной сущности» [Маркс, Энгельс 1956].

Конкордия действия с деятельностью, индивида с видом, лица с родом как принцип самоутверждения достойного *homo aestimator* всецело редактирует традиционную теорию интеракции.

Сдвиг с действия на деятельность, активируя использование идей предельных отношений (в первую очередь – аппроксимативности, асимптотичности), позволяет встраивать преходящие состояния в непреходящий процесс, усматривая в вариантном (преходящем) неограниченное приближение к некоему инвариантному (непреходящему) как искомому постоянному значению, на которое проецируется «устремление».

В регулятивной реконструкции – уникальное действие, обременяясь терминальным образом универсальной деятельности, включается в «направление», выражаемое понятием «приближения» к аксиологически детализируемому интегральному «совершенному». Концепты «приближение», «близость», конечно, требуют дополнительных уточнений, но не теряют содержательности в общей схеме моделирования самореализации человека как «контекста», причастного «тексту», «части», принадлежащей «целому», бесконечно малого звена бесконечно большой цепи, обладающей внутренней связностью, сопряженностью, конформностью.

Встраиваясь в «направление», человек поступает локально, но незаведомым образом (по причастии общеродовому) ведет себя глобально!

В более формальном выражении капитальное для рассуждений соображение «направление» детализируется пояснением: группировка S произвольных подмножеств (поступки, акты, акции, действия) какого-то множества X считается «направлением», если для каждой двух выборок (A, B) из S выполняется включение $A \subset B$ или $B \subset A$. Говоря строго, действия человека могут быть любыми (в том числе «бесчеловечными»), но, принадлежа «направлению», *volens nolens* оказываются человеческими. Так – вследствие причастности предельным общеродовым отношениям.

Непосредственно волнующий философию глобальных явлений вопрос – как достичь этого?

Доктрина снимает его тематизацией самозаявлений *homo aestimator*. В наиболее компактной символической записи дело выглядит так: устремление индивида на надындивидуальное, человеческого на общечеловеческое передается образом: (a) – предела последовательности $\{X_n\}$ $n = 1, 2, \dots$, если для любого ε обнаруживается любое N , для которого при $n > N$ обеспечивается неравенство $(x_n - a) < \varepsilon$, что и означает «устремление», «направление» $x_n \rightarrow a$.

Абстрактный (доктринальный) образ задан. Каково его фактическое наполнение?

Используя соображения современной логики возможных миров, вводящей (С. Крипке) триаду: W – возможный мир; W_0 – действительный мир; R – базовый способ связи W с W_0 , содержательно эксплицируем нужное нам R .

Итак, в возможном мире W допустимо ничем не ограничиваемое произвольное (волюнтарное) не-, анти-, псевдо-, квази-, пара-, сверхчеловеческое, – любое («белокурая бестия» «отец народов», «улыбка без кота», «дырка от бублика», *etc.*). Назначение W – демонстрировать полет фантазии, неумность имперфектной природы человеческого гения, превосходящего себя и мир (М. Шелер, Ж.-П. Сартр) вообразительным взрывом [Ильин 2018]. Избегая феноменологии,

упорядочим модельное проектирование, программирование «роевой» жизни в эссенциальную дихотомию:

– филантропия: сценографии – «вечный мир» [Кант 1966]; «чистый», «идеальный человек» [Шиллер 1957], желательность «быть» сопоставительно с нежелательностью «иметь» (Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегор, Э. Фромм);

– мизантропия: сценографии того же континентального (европейского) эгоизма – «золотой миллиард» (с обслуживающими выведенными производствами); “the West against the rest”; «сад – джунгли»; неумного активизма – «не ждать милостей от природы, взять их – наша задача».

Непоправимый изъян первого – отсутствие трансмиссии – полное невнимание к способу перевода возможного (W) в действительное (W₀). Однако же сила идей – в их обмирщенной силе, создающей практические предпосылки «радостного любования бытием» (Н. Гумилев).

Неизлечимый недуг второго – надутое самодовольство агентов *celebrating life*, в мрачном полете валькирий распределяющих блага еще не поверженных *unter-mensch* и предающих забвению: воздух раздувает огонь, но огонь изничтожает воздух; находясь в одной лодке, нельзя идти параллельными курсами.

Сказанное многократно усиливает необходимость продумывания контента современной глобальной ситуации, определяемой форсированным слиянием двух форм объективного процесса – природы и целеполагающей деятельности человека в единый антропо-техно-соционатурный процесс с доминированием деятельности как фактора *prima*. Центр тяжести перемещается на R – способ связи W и W₀ в устройении мира.

Заинтересованное, бережное преобразование планетарного (в последующем вселенского) тела, по-нашему, производится по ценностно выверенным канонам R – обоюдостороннему природо- и культуроподобному зодчеству. Одно и другое – перспективные программы сбалансированного созидания действительности *homo aestimator*, налаживающего масштабные преобразования по конкордии регулятивных фигур ценностного мира *WertsWelt* с антропоемкими фигурами ближайшего *Umwelt*, жизненного *Lebenswelt*, природного *Waturwelt*, технического *Technischwelt*, человеческого *Menschwelt* миров.

Природоподобие. Набор предписаний к техноморфизму (его ядру – комплексу прорывных авангардных нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологий, NBYCS, абсорбирующему креативный потенциал постиндустриальной цивилизации), функционирующему в режиме *natura naturans* – полномочного орудия аутопоэзисного конструирования реальности [Ильин 2018].

Если классическое (до XX в.) и неклассическое (с XX в.) природознание концептуально осваивало объективное сущее, то неонеклассическое (с XXI в.) природознание возымело способность конструктивной самосборкой «снизу вверх» производить его, выпуская новые материалы, неведомые прошлому вещные элементы среды обитания (от нанопорошков, нановолокон до фуллеренов и т. п.).

Сближение естественного и искусственного в программировании материи с заданными свойствами очерчивает магистраль нетрадиционного морфогенеза, где человек доподлинно становится *creator mundi*.

Возникает нетривиальная проблема его *vis genatrix*. Сообразно развертываемой доктрине идеологии природоподобия [Ковальчук 2021] законный порядок скрепления естественного с искусственным достигается в кильватере природо-

адаптивного развития, посредством организации деятельности по принципам эволюционно оправданного морфогенеза (законы простоты, красоты – пропорциональность, симметричность, соразмерность, гармоничность, эквивифинальность и т. д., – положенные во главу созидания неорганических и органических структур).

Культуроподобие. Равным образом произведение антропоидной реальности, социосферы – *materia humana* – протекает по санирующим лекалам гуманитарно оправданного устройства. Во всех своих починах (в языке деонтологии) *homo artifex* руководствуется требованиями культуурофилии, стимулирующими приоритетное развитие человеческого капитала, экономики знаний, высокой духовности. Некая параметрическая размерность фигур межличностной коммуникации в виде изучаемых историологией специфических пропорций, фаз, циклов, ритмов группового обмена деятельностью [Ильин 2003] задается императивами фундаментальных социальных констант (ФСК), встраивающих в «направление», нацеливающих на реализацию терминальных сверхцелей индивида и вида – гарантийное выживание [Ильин 2001].

Красота в природе – функция *a posteriori* – по испытанию (отбор); красота в культуре – функция *a priori* – по намерению (экстраполяция).

По выражению В. Белинского, человечество хочет владеть немногим, но сокровищем истинным [Белинский 1953], а именно: единым глобально гармоничным аксиологически выверенным планетарным контуром. Кратчайший путь к его учреждению – ценностная консолидация мира, который, по аналогии с квантово-механическим принципом несепарабельности, не может ни существовать, ни осваиваться несолидарно.

Корневая проблема нашего кризисно-критического времени – утрата смысла общечеловеческого, родового, общественного вершения истории, ненасильственной пролонгации жизнеспособной деятельности.

Внутренняя форма концепта «смысл» навеивает: «с – мысл», – увязывая содержательный и мысленный моменты, – подводит к: «существовать осознанно». Как и подобает представителям высшей сферы мироздания – носителям *ratio* – сапиентам. Между тем – в качестве заинтересованных агентов жизнеспособного процесса – вынужденно констатируем прямо противоположное: в нашем цивилизационном локале с непонятной неотступностью упрочается некий абсурдный тип социально-философской и политической семантики с перверсивным заданием смысла под фирмой «безрассудно-безмысленного существования».

Вообще говоря, эпатажным самонепониманием человечество не удивить. Много ли понимало о себе возгордившееся человечество,

– еще в древности вызывавшее гнев богов, для острастки инициировавших братоубийственные междоусобицы (сюжетика «Киприй»);

– или в приближенные к нам дни выпускавшее отчаянные манифесты «абсолютного мятежа» (Лотреамон, Ф. Маринетти, В. Хлебников, отчасти Г. де Торре)?

Принципиально – досадное разделение внутри души фиксировал И. Бунин: чужая душа потемки? «Нет, своя собственная гораздо темнее»; К. Леви-Стросс вторил ему: «...мы делаем все возможное и невозможное, чтобы себя не понимать». Однако же не до такой степени, чтобы устами официальных лиц на уровне глобальной философии декларировать курс изничтожения себе подобных (преимущественно из числа русских). Вспомнить Пальмерстона: как тяжело жить

в мире, когда с Россией никто не воюет; нынешних государственных террористов из Киева, Лондона, Вашингтона, напрямую призывающих убивать русских.

Перед нами – преступная гордыня, востребующая немедленного всестороннего *dignus vindice nodus*, способного приструнить зарвавшихся самонадеянных авантюристов. (Как говорил Т. Мор, «правитель и наставник всякой погибели – гордыня».)

Если бы только боги внимали голосу разума, сподвигающего на осмысленное – осознанное существование.

Со времен Гегеля известно: ответ на вопрос, который не способна снять философия, должен быть переформулирован. В текущий момент своей много-страдальной истории человечество вступает в обязывающий кайрос, движение в котором предполагает необходимость выработки адекватного самопонимания, обновления, реформативирования переставшей быть «самосознанием эпохи» традиционной социально-политической глобальной философии.

Камертоном служит простое соображение: нагнетание конфликтности в планетарном обмене деятельностью более недопустимо.

Отсюда – отход от платформы фанатичного насилия, превосходства и преобладания, миссионерско-мессианских мотивов; цивилизационно диверсифицированное сообщество народов вне претензий на мировую гегемонию, политическое доминирование с договорным союзничеством и сотрудничеством на паритетной основе – цель и средство выстраивания нового мирового порядка (МП).

Искомый МП оформляется отказом:

– тактически: от неокOLONиализма – неэквивалентного межгосударственного взаимодействия по принуждению;

– стратегически: от близорукой линии *contraria sunt complementa*.

В глобальной ядерной ситуации противоположности перестают быть дополнением, интенсифицируя подозрительность, ввергая в затратные пикировки, из которых – при неминуемости невосполнимых потерь – никто не выходит победителем.

В доктринальном отношении – на высоком смысловом уровне – провозглашается поворот от диалектики к аналектике (учение о гармонизации) и каталектике (учение о родовом призвании), – паушально – к аксиологизированной теории самопрогресса общества через призму самопрогресса сообществ.

Государства, союзы, блоки государств – более не средоточие (тем более «высшего») смысла, разума (наивный этатизм панлогизма). Средоточие их – человечество, гарантийные перспективы его выживания. Неслучайно возвещал Апулей: *sigillatim mortales, cunctim perpetui*.

В сиюминутных корыстных порывах ценности человеческого единства заслоняет интерес – корпоративный, национальный, региональный; следует же обратиться и к ценностям общеродового солидарного блага, – в чем завет и спасение. Как в песне группы «Секрет»:

И пришел тот час, когда встал вопрос:

Либо деньги всерьез, либо счастье всерьез.

Дабы почва окончательно не ушла из-под ног, со всей ясной взыскательностью можно настаивать: поскольку сумеречный регулятор эгоистическим «интересом» окончательно себя исчерпал, закон интереса – *loi d'intérêt* (Т. Рибо) требуется заменить законом ценности.

Как точно высказывался Дж. Дьюи, измените восприятие людьми ценности существующих политических сил и форм, и последние изменятся [Дьюи 2002].

Конечно, аксиологизация философии существования, выражающаяся в привитии обширных знаний, гуманитарной готовности сообразоваться с общеродовыми правилами общежития, ни на йоту не прибавит человеку изначальной одаренности, зато повысит тот общий уровень, на котором функционирует совокупный разум общества [Дьюи 2002], и тем самым приобщит всех к вожделенному состоянию осмысленно-разумного всецело человеческого существования.

Литература

- Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1953.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.
- Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995.
- Вебер М. Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990.
- Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008.
- Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951.
- Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Прогресс, 2002.
- Ильин В. В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Ильин В. В. Мир globo: вариант России. Калуга : Полиграф-Информ, 2007.
- Ильин В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М. : Проспект, 2017.
- Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М. : Проспект, 2018.
- Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М. : Проспект, 2020.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М. : Проспект, 2022.
- Ильин В. В. Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода», ч. I–IV // Российский гуманитарный журнал 2022–2023. Т. 11(4); 11(5); 11(6); 12(1).
- Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966.
- Ковальчук М. В. Идеология природоподобных технологий. М. : Физматлит, 2021.
- Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960.
- Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 46. Ч. II. Экономические рукописи 1857–1859 годов. М. : Букинист, 1968.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 42. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М. : Букинист, 1974.
- Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р. А. Гальцева. М. : Политиздат, 1991. С. 264–267.
- Паульсен Ф. Основы этики. М. : Прокопович, 1906.
- Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М. : Изд-во худ. лит-ры, 1957.
- Fromm E. *The Art of Loving*. New York, 1962.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

ГЛОБАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ*

Абылгазиев И. И., Васецова Е. С., Терешенков А. М.**

Статья посвящена проблеме осмысления глобального здравоохранения как многомерного политического явления. Выявлено, что глобальное здравоохранение представляет собой политико-институциональную и управленческую модель, предполагающую трансформацию принципов, институтов и практик международного сотрудничества в сфере охраны здоровья населения с учетом текущих кризисных тенденций планетарного развития и новых вызовов и угроз XXI в. Конституируется, что реализация системного подхода в процессе изучения глобального здравоохранения как сложной конфигурации предполагает выделение трех уровней анализа его специфики и структурной организации: концептуально-смыслового (доктринального), институционально-организационного и функционально-практического.

Ключевые слова: глобальное здравоохранение, международная система здравоохранения, институты здравоохранения, COVID-19, «пандемийный мир», эволюционный подход.

* **Для цитирования:** Абылгазиев И. И., Васецова Е. С., Терешенков А. М. Глобальная система здравоохранения: основные черты и особенности // Век глобализации. 2024. № 1. С. 35–47. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.03.

For citation: Abylgaziev I. I., Vasetsova E. S., Tereshenkov A. M. The Global Health System: Main Features and Peculiarities // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 35–47. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.03 (in Russian).

** Абылгазиев Игорь Ишеналиевич – д. и. н., профессор, заведующий кафедрой политологии Востока факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: abylgaziev_ii@mail.ru.

Igor I. Abylgaziev – Dr. Hist., Professor, Head of the Department of Political Science of the East, the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: abylgaziev_ii@mail.ru.

Васецова Елена Сергеевна – к. полит. н., доцент кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasetsova.es@yandex.ru.

Elena S. Vasetsova – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the East, the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: vasetsova.es@yandex.ru.

Терешенков Александр Максимович – соискатель факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: tersasha@yandex.com.

Alexander M. Tereshenkov – postgraduate student of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: tersasha@yandex.com.

THE GLOBAL HEALTH SYSTEM: MAIN FEATURES AND PECULIARITIES

The article is devoted to the problem of understanding global health as a multidimensional political phenomenon. It is shown that global health system is a political-institutional and managerial model that involves the transformation of principles, institutions and practices of international cooperation in the field of public health, taking into account the current crisis trends of planetary development and current threats of the 21st century. The authors argue that the implementation of a system approach in the process of studying global health as a complex configuration involves the allocation of three levels of analysis of its specifics and structural organization: conceptual-semantic (doctrinal), institutional-organizational and functional-practical.

Keywords: *global health, international health system, health institutions, COVID-19, “pandemic world”, evolutionary approach.*

Введение

Одной из ключевых тенденций глобального развития начала XXI в. является рост социально-политической турбулентности, актуализация традиционных и появление новых планетарных угроз, дестабилизирующих политическую и социально-экономическую архитектуру современного мира. Одним из наиболее заметных проявлений указанной глобальной нестабильности в начале 2020-х гг. явилась пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

В настоящее время все оценки связанного с пандемией ущерба носят весьма условный характер. Тем не менее сегодня уже весьма очевидно, что речь идет не только о тяжелых социально-экономических последствиях (полное преодоление которых потребует длительного времени), дополнительных расходах на здравоохранение и медицинскую индустрию, но и о косвенных – гуманитарных и социокультурных – «издержках» для современного мира [Первый... 2021]. В связи с этим ученые и аналитики все чаще говорят о формировании контуров «постпандемийного» мира как некой принципиально новой социально-политической реальности, практически по всем базовым параметрам кардинально отличающейся от той западоцентричной модели «глобального мира», которая складывалась ранее, начиная с рубежа 1980–1990-х гг.

При этом важно заметить, что речь идет именно о всеобъемлющей системной трансформации, пронизывающей в той или иной степени все сферы социальной организации жизнедеятельности человека: от бытовой повседневности до функционирования государственных институтов, мировой политики и международных отношений. Как указывают российские исследователи, «COVID-19 обладает одновременно тремя характеристиками, которые позволили ему нанести исторический удар по человечеству, запустив глобальный виртуальный “локдаун” как единственное оружие против его неконтролируемого распространения. COVID-19 сочетает в себе характеристики вируса, который, насколько нам известно, никогда раньше не заражал людей на постоянной основе, вместе с его чрезвычайной эффективностью в отношении передачи от человека к человеку и относительно высоким уровнем заболеваемости и смертности, особенно среди пожилых людей

и лиц с сопутствующими заболеваниями. Это самый настоящий “идеальный шторм” надвигающейся инфекционной болезни» [История... 2021].

В ракурсе указанных дискуссий особого внимания заслуживает проблема преодоления все более очевидных кризисных тенденций в функционировании международной системы охраны здоровья, и в частности концепт глобального здравоохранения. По существу, сегодня для всего международного сообщества остро обозначился вопрос о необходимости формирования принципиально новой – более эффективной и гибкой – институциональной модели здравоохранения, способной оперативно и адекватно реагировать на вызовы XXI в. Цель данного исследования состоит в выявлении концептуально-теоретических предпосылок и международно-политических проблем становления «глобального здравоохранения» как новой конфигурации международного сотрудничества в сфере охраны здоровья населения.

Материалы и методы

При рассмотрении проблемы формирования глобальной системы здравоохранения как новой модели эффективного международного взаимодействия необходимо обратиться к трем группам источников. Первая группа – научные работы, в которых делается попытка всестороннего осмысления феномена глобального здравоохранения в различных его проекциях: институциональной, функциональной, ценностно-этической и международно-политической. В рамках данной группы особую важность имеют труды Д. Фидлера [Fidler 2005], Дж. Френка, Дж. Чекона [Frenk, Chacon 1991], Э. Гидденса [2005], А. Брандта [2013], П. Стоевой [Stoeva 2016], Л. Реджани, М. Садига [2011] и других исследователей.

Вторая группа исследований ориентирована на анализ логики трансформации глобального здравоохранения, его институтов и принципов в рамках существующих планетарных и национально-государственных политических контекстов и вызовов. В данном ракурсе существенный интерес представляют работы Д. Блума [2007], Х. Фелдбаума [Feldbaum *et al.* 2010], М. А. Губиной [2009], К. П. Боришполец [2010], А. М. Карпенко [2020], И. А. Гареевой [2010], Е. С. Васецовой, Чжан Цзюньи [2022] и др.

Третья группа – многочисленные научные и аналитические публикации, связанные с осмыслением социальных и политических реалий «пандемийного мира» как принципиально нового кризисного и посткризисного состояния, предельно концентрированно отражающего многомерный и нарастающий характер «глобальной неопределенности» третьего тысячелетия. Однако важно понимать, что большинство указанных работ носят во многом панорамно-обзорный характер, лишены глубокой эмпирической базы. Такая ситуация является закономерной и связана прежде всего с очевидным обстоятельством – незавершенностью эпидемии COVID-19, продолжающимся «эффектом присутствия» пандемии в социальных и политических пространствах современности. Тем не менее среди указанного спектра работ можно особо выделить доклад «Первый год COVID-19: социально-политические последствия пандемии глазами экспертов клуба “Валдай”» [Первый... 2021], отчет ВОЗ «Глобальное здравоохранение 50/50» [Gender... 2022].

В рамках исследования были использованы методы ситуационного анализа (прежде всего в контексте вызовов, обусловленных фактором пандемии COVID-19),

анализа содержания документов и научной литературы. Такой подход позволил концептуализировать «глобальное здравоохранение» в его системном понимании и диагностировать ключевые глобальные проблемы политического характера, оказывающие влияние на трансформацию существующей модели международного здравоохранения.

Результаты исследования

В ходе исследования было сформулировано определение глобального здравоохранения. Оно представляет собой специфическую модель охраны здоровья населения, предполагающую трансформацию принципов, институтов и практик международного сотрудничества в сфере охраны здоровья населения (на основе как переосмысления предшествующего международного опыта, так и внедрения инновационных технологий и механизмов) с учетом текущих кризисных тенденций планетарного развития и актуальных угроз XXI в.

Проведенный анализ позволяет выделить специфику и ключевые международно-политические контексты функционирования глобальной системы здравоохранения на современном этапе ее формирования.

Первый момент обусловлен доминированием концептуально-мировоззренческих аспектов над собственно институциональными и управленческими. То есть отчетливое понимание ценности общественного здоровья как некоего базового императива социально-политического развития соседствует с «отставанием» соответствующих международных институтов и регулятивных процедур. Деятельность указанных институтов во многом протекает в русле инерционной парадигмы и ориентирована на реактивные форматы «вызов – ответ» (и ситуация с пандемией здесь выступает весьма характерным примером), сталкивается с фактором «избыточной бюрократизации» – процедурной сложности – при необходимости принятия оперативных решений на межгосударственном уровне.

Вторая выявленная проблема функционирования глобальной системы здравоохранения связана с очевидным низким уровнем международной транспарентности, явным кризисом межгосударственной коммуникации (что проявилось на первом этапе даже в рамках ЕС), стремлением стран к полному или частичному информационному «закрыванию», что также наиболее ярко проявилось на пике пандемии – в условиях интенсивного распространения заболевания и роста числа жертв.

Третий проблемный момент – это избыточная «политическая и корпоративная обусловленность» функционирования международных институтов здравоохранения. Пожалуй, один из наиболее ярких примеров такой политико-экономической зависимости – «война вакцин», развернувшаяся в 2021 г. и связанная с попытками ряда государств коллективного Запада активно противодействовать распространению российского препарата «Спутник V» и китайских вакцин “Sinopharm”, “Convidecia” и “Sinovac Biotech” на международном рынке [Вирусная... 2021; Сутягин 2020]. Причем следует признать, что отдельные эпизоды этого информационно-политического противоборства носили весьма острый и очевидный конъюнктурный характер: и в экономическом смысле – как проявление «недобросовестной конкуренции» на фармацевтическом рынке, и в политическом ракурсе – через попытки использовать вопрос массовой вакцинации для решения текущих политических задач.

Четвертая, крайне негативная, тенденция, которую следует учитывать при дальнейшем анализе перспектив становления глобального здравоохранения именно как общепланетарной системы (а не теоретического конструкта и суммы декларируемых принципов), вытекает из факта доминирования конфликтных трендов межгосударственного взаимодействия, которые имели место и ранее, но резко усилились в 2022–2023 гг.

Суммируя выявленные четыре ключевые проблемы, оказывающие влияние на становление глобального здравоохранения как планетарной системы, можно резюмировать их содержание следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые международно-политические проблемы становления системы глобального здравоохранения

Проблема	Следствие
Доминирование декларативной составляющей над институциональной и стратегической	Признание недостаточной эффективности существующей международной системы здравоохранения не трансформируется в стратегии ее модернизации и институциональные преобразования
Низкий уровень глобальной прозрачности	Сложность оперативного мониторинга и своевременного купирования глобальных угроз здоровью населения
Воздействие ситуативно-политического фактора	Подверженность вопросов охраны здоровья населения политической конъюнктуре, зависимость от узких корпоративных интересов
Доминирование конфликтных тенденций в международных отношениях	Частичная «заморозка» межгосударственного сотрудничества в вопросах модернизации международной системы здравоохранения

Обсуждение

Следует отметить, что дискуссии вокруг глобального здравоохранения как некоторой новой макросоциальной парадигмы или «ступени развития» уже существующих международных институтов развернулись достаточно давно, в 1990-е гг. Первоначально они были связаны с осмыслением двух взаимосвязанных трендов планетарной динамики: экономико-технологического и политического. Первый тренд – научные и технологические «прорывы» в сфере медицины, способные радикально повысить качество жизни людей, обеспечить раннюю диагностику заболеваний и массовую доступность высокотехнологичной медицинской помощи [Блум 2007; Реджани, Садиг 2011]. Второй тренд, обозначившийся в конце 1980-х гг. и во многом сошедший на нет во втором десятилетии XXI в., – международно-политический, связанный с развитием различных форматов международного сотрудничества, ростом открытости во взаимоотношениях между странами.

В то же время необходимо констатировать, что и сам поворот к концепту «глобальное здравоохранение» был продиктован не только относительно благоприятными (на тот момент – в 1990-е гг.) международно-политическими тенденциями и фундаментальными технологическими предпосылками (в областях компьютерной диагностики, фармакологии, биогенетических исследований),

но и зримыми очертаниями новых транснациональных вызовов в сфере охраны здоровья населения. Так, один из авторов термина «глобальное здравоохранение» А. Брандт отмечает роль эпидемии СПИДа в качестве триггера, запустившего формирование нового дискурса: «...эпидемия СПИДа обеспечила основу для революции, которая перевернула традиционные подходы к “международному здравоохранению”... Действительно, эпидемия ВИЧ и ответные меры, которые она породила, сыграли решающую роль в “изобретении” нового “глобального здравоохранения”» [Брандт 2013].

При этом он также указывает, что речь идет не только о масштабе и транснациональном характере указанной эпидемии, но и о размывании границ между клинической медициной («лечением») и охраной общественного здоровья (с упором на профилактику болезней) [Там же]. В данной ситуации именно общество оказалось не только объектом воздействия государственных институтов охраны здоровья, но и во многом – коллективным многоуровневым субъектом, вынужденным стремительно вырабатывать новые модели социального поведения и адаптации к сложившимся реалиям. Данные факторы были связаны как с вопросами, лежащими собственно в плоскости оказания медицинской помощи населению, так и с сопряженными сферами общественного развития. К таким, несомненно, приоритетным сферам сегодня относятся биоэтика и совершенствование стандартов паллиативной медицины, противодействие гендерной и возрастной дискриминации при обеспечении доступа к качественным медицинским услугам, охрана окружающей среды и проблема эффективного обеспечения комплексной экологической безопасности в условиях формирования новых природных антропогенных рисков.

Одной из важных задач современной науки является четкая дифференциация терминов «глобальное здравоохранение» и «международное здравоохранение». По нашему мнению, весьма продуктивный взгляд на данную проблему представляют в своей работе Л. Реджани и М. Садиг. Они, анализируя опыт второй половины XX в., дают следующую характеристику такому явлению, как международное здравоохранение: в 1980-х гг. под этим термином понималось решение социально-медицинских проблем с участием правительств или людей двух и более стран. Акцент делался на борьбу с болезнями, пересекающими границы государств. Приоритетное направление традиционного международного здравоохранения – техническая поддержка в сфере медицины развивающихся стран – дополнялось осознанием необходимости партнерства в сфере образования, научных исследований и здравоохранения [Реджани, Садиг 2011: 741].

Нетрудно заметить, что указанный взгляд не только подчеркивает асимметричный характер международной системы здравоохранения, существовавшей на рубеже XX–XXI вв., но и ее выраженные аккумулирующие свойства: все более заметную нацеленность на решение проблем охраны здоровья населения во взаимосвязи с широким спектром вопросов социального благополучия, безопасности и качества жизни.

Следует признать, что на сегодняшний день преобладающим является *эволюционный подход* к пониманию глобального здравоохранения, его природы и механизмов [Там же: 740–742]. В основе данного подхода лежит идея стадияль-

ного развития – преемственности и органической взаимосвязи, предполагающая, что становление глобального здравоохранения – процесс длительной исторической эволюции международной системы здравоохранения в XX – начале XXI в. Такая эволюционная траектория предполагает смену нескольких стадий развития: колониального здравоохранения (до 1950–1960-х гг.), международного здравоохранения на основе институтов ООН и программ межгосударственного сотрудничества и, наконец, зарождение глобальной системы здравоохранения, которая является многомерным продуктом социально-экономической и политической глобализации конца XX – начала XXI в. Поскольку глобализация в данном ракурсе мыслится как процесс сложный и неравномерный, то, соответственно, и формирование контуров глобальной системы здравоохранения в современном мире протекает крайне противоречиво. То есть оно не может быть представлено как линейный транзит, процесс форсированного перехода от условно «устаревших» форматов и технологий к новой парадигме.

Однако, помимо указанного выше эволюционного взгляда на проблему глобального здравоохранения, в начале XXI столетия получил свое оформление и иной – условно «инновационный» – подход к осмыслению данной проблемы. Его появление было вызвано чередой эпидемий, охвативших мир в начале третьего тысячелетия, имевших транснациональный характер и серьезные социально-экономические и – отчасти – политические последствия. В этих условиях стали все громче звучать мнения и о кризисе глобализации как таковой, и о неспособности ныне существующих международных институтов здравоохранения эффективно отвечать на риски и угрозы третьего тысячелетия. В результате на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости радикальной реорганизации не только институциональных оснований, но и фундаментальной ценностной составляющей – «идеологии» мирового здравоохранения: всех базовых принципов охраны здоровья населения в реалиях XXI в.

Можно полагать, что своеобразным компромиссом между указанными точками зрения видится более сбалансированный *симбиотический подход*, который, впитывая в себя основные положения эволюционной парадигмы (и тем самым будучи более близким именно к эволюционному подходу), тем не менее, также признает кризисные тенденции в развитии современного «глобального мира» и указывает на необходимость серьезной трансформации международной системы здравоохранения: как в институциональном плане – в ракурсе повышения эффективности существующих международных институтов и структур, так и на уровне всеобъемлющего переосмысления ценностно-этической составляющей. При этом надо учитывать, что и инновационный (реорганизационный), и – тем более – симбиотический подход к проблеме организации и функционирования глобального здравоохранения сегодня находятся еще в первоначальной стадии формирования. Поэтому они ни в коей мере не могут рассматриваться как завершенные теоретико-методологические конструкции, а, скорее, представляют собой «альтернативные» диспозиции – ракурсы анализа рассматриваемой проблемы.

Обобщая формирующиеся теоретические подходы к пониманию «глобального здравоохранения» как проектируемой системы, можно акцентировать внимание на следующих содержательных моментах (табл. 2).

Таблица 2

**Основные подходы к осмыслению глобального здравоохранения
как сложной наднациональной системы**

Теоретический подход	Основные акценты
<i>Эволюционный</i>	<i>Органическая преемственность:</i> глобальное здравоохранение – закономерный этап институционального и технологического совершенствования международной системы здравоохранения, исторически обусловленный глобализационными изменениями конца XX – начала XXI в.
<i>Инновационный (реорганизационный)</i>	<i>Системный кризис:</i> глобальное здравоохранение – принципиально новая модель, концептуализация которой связана с неспособностью существующей системы здравоохранения отвечать на вызовы XXI в.
<i>Симбиотический</i>	<i>Глубокая трансформация:</i> глобальное здравоохранение – новая модель организации охраны здоровья населения в планетарном масштабе, кристаллизующаяся на основе пересмотра существующих принципов и механизмов международного сотрудничества и внедрения новых принципов

По нашему мнению, симбиотический взгляд на глобальное здравоохранение, его переосмысление в контексте новых социогуманитарных вызовов начала третьего тысячелетия позволяют на сегодняшний день выделить два устойчивых контура его анализа.

Первый контур может быть обозначен как *концептуально-смысловой*, доктринальный, и предполагает прежде всего трансформацию парадигмы охраны здоровья населения в планетарном масштабе. То есть в центре его внимания находится глобальное здоровье как универсальная и приоритетная ценность, на поддержание и защиту которой должны быть направлены усилия и международных организаций различного профиля (а не только собственно специализирующихся в медицинской сфере), и национальных правительств в целом, и соответствующих национальных структур в системе государственного управления. Концептуально-смысловой контур, будучи интегративным по своему содержанию, также включает в себя новые принципы международного взаимодействия в области организации здравоохранения, понимаемого в комплексном разрезе (не только как оказание медицинской помощи, но и как профилактика, частичный пересмотр медицинской этики, доступность современных лекарственных средств и высокотехнологичных медицинских услуг и т. д.).

Второй контур глобального здравоохранения – *институционально-организационный*, сфокусированный на проблеме повышения эффективности и гибкости международных политических и специализированных институтов, призванных обеспечивать охрану здоровья населения. Прежде всего акцент сделан не на условно идеологической (ценностно-декларативной) составляющей, а на возможностях модернизации существующей системы охраны массового здоровья, повышении ее эффективности, переходе от условного «антикризисного» формата реагирования, который был наиболее востребован в эпоху пандемии, к системным политическим стратегиям и практикам. Его практическая важность определяется в том

числе необходимостью решения таких насущных организационно-управленческих задач:

- как стратегическая и оперативная координация деятельности национальных систем здравоохранения в условиях чрезвычайных ситуаций (к которым в полной мере относится и пандемия COVID-19);

- выработка универсальных и прозрачных «правил игры» на фармацевтическом рынке;

- создание единой эффективной системы медицинского мониторинга, позволяющего оперативно выявлять, локализовать и купировать обозначившиеся трансграничные угрозы (очаги инфекционных заболеваний, негативные последствия крупных техногенных катастроф, несущие угрозу здоровью населения, и т. д.);

- международный контроль над медицинскими и биологическими исследованиями, качеством выпускаемой фармацевтической продукции и т. д.

Вместе с тем, на наш взгляд, руководствуясь логикой современного – «ковидного» – этапа, можно выделить и третий – *функционально-практический (прикладной) уровень* глобального здравоохранения, связанный с переосмыслением практических аспектов и кейсов межгосударственного сотрудничества в данной сфере, отражающий то, насколько эффективно общие правила и международно-правовые нормы функционируют и модифицируются в турбулентных реалиях «пандемийного мира».

Указанные уровни осмысления глобальной системы здравоохранения, их особенности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Уровни осмысления глобального здравоохранения как системы

Уровень	Специфика
Концептуально-теоретический (доктринальный)	Глобальные ценности здоровья, новые принципы организации здравоохранения, стратегии глобального сотрудничества
Институциональный (реорганизационный)	Трансформация существующей институциональной конфигурации здравоохранения с учетом актуальных угроз XXI в.
Функционально-прикладной	Анализ практик и ситуативных контекстов межгосударственного сотрудничества в условиях «пандемийного» кризиса

Таким образом, опираясь на логику и основные положения симбиотического подхода, можно охарактеризовать глобальное здравоохранение как специфическую модель охраны здоровья населения, предполагающую трансформацию принципов, институтов и практик международного сотрудничества в сфере охраны здоровья населения (на основе как переосмысления предшествующего международного опыта, так и внедрения инновационных технологий и механизмов) с учетом текущих кризисных тенденций планетарного развития и актуальных угроз XXI в.

Следует отметить, что сегодня при анализе специфики функционирования глобального здравоохранения основным объектом критики является Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), созданная в 1948 г., имеющая статус специального учреждения ООН и призванная координировать усилия различных стран по охране общественного здоровья, включая борьбу с распространением инфекционных заболеваний, выработку единых стандартов профилактики. В ее функционал также входят мониторинг трансграничных угроз здоровью населения,

международный мониторинг эпидемиологической ситуации и согласование неотложных мер по локализации очагов распространения эпидемий. В условиях глобального охвата COVID-19 стали весьма очевидными такие системные организационные и функциональные недостатки в деятельности ВОЗ, как слабость директивных инструментов, отсутствие стратегического антикризисного планирования и четких институционализированных механизмов оперативного согласования принимаемых решений [Первый... 2021]. Также можно констатировать наличие таких системных проблем функционирования ВОЗ, как недостаточность автономной финансово-экономической и научно-технологической базы, зависимость от финансовых ассигнований западных стран и, как следствие, ориентация на позицию США и ЕС при частичном игнорировании опыта других государств в области противодействия COVID-19.

Отдельный аспект кризисного состояния международной системы здравоохранения на сегодняшнем этапе ее развития, о котором говорят ученые, – это очевидная слабость механизмов глобального мониторинга угроз в сфере здоровья и медицинской статистики в целом [Там же]. Так, показательно, что ведущим агрегатором статистической информации по заболеваемости COVID-19 стал американский Университет Джона Хопкинса, который при всем своем академическом авторитете не является международной структурой, специализирующейся в сфере противодействия распространению инфекционных заболеваний.

В данном контексте особый интерес приобретает тенденция частичного «закрытия» информационных пространств ряда государств – стремления национальных правительств преуменьшать негативные последствия пандемии, ограничивая доступ международного сообщества, в том числе и ВОЗ, к соответствующей информации. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не только о целенаправленной политике жесткой информационной изоляции (Иран, КНДР, Туркмения, отчасти – Беларусь) или существенном занижении масштабов пандемии (в чем официальные лица и эксперты из стран Запада регулярно обвиняют, например, КНР). Не менее важный контур данной проблемы связан с наличием весьма внушительных «белых пятен» на «пандемийной карте» мира. Речь идет о странах и даже отдельных макрорегионах планеты, по которым фактически отсутствует какая-либо релевантная статистика, отражающая тенденции изменения ситуации (Центральная Африка, в значительной мере – Центральная и Юго-Восточная Азия).

По мнению исследователей, менее важным фактором развития современного глобального здравоохранения выступает его избыточная ситуативная политизированность: подчиненность не стратегическим целям глобального или национального уровня, а преимущественно текущим политическим трендам и корпоративным интересам. Апофеозом такой конъюнктурной политизации «пандемийного дискурса» стали попытки позиционировать российские вакцины как многослойное «гибридное оружие», инструмент завуалированной агрессии в отношении ряда стран, и одновременно – дискредитировать их, исходя из политических соображений. В частности, весьма показательным и резонансным явилось заявление президента Франции Э. Макрона о том, что «мы столкнулись с мировой войной нового типа из-за атак и стремления России и Китая оказать влияние с помощью вакцин» [Вирусная... 2021]. Однако, по мнению отечественных экспертов, именно коллективный Запад выступает инициатором политико-экономической «войны вакцин», рассматривая указанное противоборство в двойственном ракур-

се – и с точки зрения финансовых интересов крупнейших американских и европейских фармацевтических компаний, и как механизм непрерывного информационного давления на Россию [Первый... 2021; Сутягин 2020].

На наш взгляд, емкую и справедливую характеристику сложившейся ситуации еще в начале пандемии COVID-19, до начала массовой вакцинации, дал А. Сутягин: «...создание такой вакцины интересно компаниям и правительствам не только из-за того, что так можно спасти людей. Вакцина позволит заработать много денег и большой политический вес. Только представьте, как все захотят дружить с тем, кто сможет их вылечить» [Сутягин 2020].

Вместе с тем можно полагать, что сегодня, в условиях всплеска глобальной конкуренции в сфере здравоохранения и фармацевтической индустрии, очень существенное значение приобретает медицинская дипломатия как целенаправленная деятельность государств по защите благополучия граждан через развитие разнообразных макрорегиональных форматов сотрудничества в области охраны здоровья населения. Так, Е. С. Васецова и Чжан Цзюньи, анализируя опыт КНР, отмечают, что медицинская дипломатия Китая в АТР «способствует не только формированию единого регионального рынка медицинских услуг, но и становлению Азиатско-Тихоокеанского сообщества здравоохранения» [Васецова 2022: 3097].

Безусловно, резкое обострение международной напряженности, начавшееся на рубеже 2010–2020-х гг., создает дополнительные сложности для развития международного сотрудничества в социально-гуманитарной сфере, в том числе оказывает негативное влияние на еще не завершённый процесс формирования глобальной системы здравоохранения. Сегодня современный «глобальный мир», преодолев острую фазу пандемии, демонстрирует черты тотальной хаотизации, быстро погружаясь в состояние макрорегиональной, а по некоторым признакам – и общепланетарной конфликтности. В этих условиях процесс формирования ценностно-нормативных и институциональных оснований системы здравоохранения нового типа – «глобального здравоохранения», – по существу, заморожен. Он не только обрел периферийный характер в повестке дня мировых элит, всецело сфокусированных на противостоянии Запада с Россией и Китаем, но и подспудно начинает вытесняться обратной тенденцией – поэтапной фрагментацией существующей ныне (пусть и не всегда эффективной и отвечающей новым вызовам) международной системы охраны здоровья населения.

Несомненно, что указанный выше деструктивный тренд также подкрепляется аналогичными «понижательными» тенденциями в других сферах, например свертыванием практик межгосударственного образовательного и научно-технического сотрудничества. Таким образом, можно полагать, что «дискурс общественного здоровья» в современных международных реалиях приобретает все более отчетливый конфликтный оттенок, что крайне негативно сказывается на перспективах кристаллизации полноценной глобальной системы здравоохранения. А по ряду оценок, означает фактический отказ от ее дальнейшего формирования – по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что глобальное здравоохранение в системном его понимании представляет собой новую политико-институциональную

и управленческую модель, предполагающую трансформацию принципов, институтов и практик международного сотрудничества в сфере охраны здоровья населения (на основе как переосмысления предшествующего международного опыта, так и внедрения инновационных технологий и механизмов) с учетом текущих кризисных тенденций планетарного развития и актуальных угроз XXI в.

На сегодняшний день можно очертить контуры трех базовых подходов к осмыслению феномена глобального здравоохранения. Эволюционный подход сфокусирован на принципах преемственности и оптимизации, рассматривает глобальное здравоохранение как закономерную стадию развития международной системы охраны здоровья населения, сформировавшейся в конце XX в. Инновационный подход делает акцент на необходимости радикальной институциональной реорганизации современного здравоохранения, указывая на низкую эффективность форматов международного сотрудничества в данной сфере в принципиально новых реалиях XXI столетия. Симбиотический подход призван в известной мере нивелировать противоречия указанных «крайних» точек зрения и говорит о необходимости серьезной модернизации международной системы здравоохранения, в том числе и с учетом новых социогуманитарных вызовов современности, опыта противодействия распространению COVID-19.

Параметры комплексного осмысления международного здравоохранения как многоуровневой системы предполагают выделение трех соответствующих уровней ее анализа: концептуально-смыслового (доктринального), институционально-организационного и функционально-практического. Первый из указанных уровней включает в себя проработку ценностно-этической составляющей и общих принципов, второй – институциональные и структурные преобразования в данной сфере. Третий уровень включает в себя анализ наиболее актуальных «кризисных» кейсов межгосударственного взаимодействия в сфере медицины и профилактики заболеваний.

Представляется необходимым выделить четыре основные политические проблемы, оказывающие существенное влияние на трансформационную динамику современной системы здравоохранения в сторону ее дальнейшей «глобализации». К указанным проблемным нишам относятся доминирование декларативной составляющей над институциональной и стратегической, низкий уровень глобальной транспарентности, избыточное воздействие ситуативных политических контекстов и все более очевидное доминирование конфликтных тенденций в международных отношениях, сдерживающих глобальный диалог по вопросам охраны здоровья населения.

Литература

Блум Д. И. Управление глобальным здравоохранением [Электронный ресурс] : Финансы и развитие. 2007. Декабрь. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/bloom_RUS.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Боришполец К. П. Социально-гуманитарное измерение мировой политики: аспект здравоохранения [Электронный ресурс] : Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6(15). С. 115–125. URL: www.vestnik.mgimo.ru/fileserver/15/13_borishpolets.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Васецова Е. С., Чжан Цзюньи. Роль медицинской дипломатии КНР в интеграции АТР // Вопросы политологии. 2022. № 9(85). Т. 12. С. 3093–3099.

Вирусная реклама: Макрон заявил о «войне нового типа» из-за вакцин России и Китая [Электронный ресурс] : RT на русском. 2021. 26 марта. URL: <https://russian.rt.com/world/article/846256-makron-vakciny-evgora-voina> (дата обращения: 11.11.2023).

Гареева И. А. Модели и национальные системы здравоохранения: состояние и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 2. С. 13–21.

Гидденс Э. Народонаселение, здоровье и проблемы старения / Э. Гидденс // Социология [Электронный ресурс]. М. : Едиториал УРСС, 2005. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/giddens/?library=2528> (дата обращения: 11.11.2023).

Губина М. А. Развитие здравоохранения в условиях глобализации: мировой опыт: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2009.

История пандемий: как мы пришли к COVID-19 [Электронный ресурс] : Медач. 2021. 2 ноября. URL: <https://medach.pro/post/2726> (дата обращения: 11.11.2023).

Карпенко А. М. Развитие глобального здравоохранения в контексте мировой политики в 21 веке // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Сер.: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2020. № 3(132). С. 51–61.

Первый год COVID-19: социально-политические последствия пандемии глазами экспертов клуба «Валдай». Январь 2021 / под ред. О. Н. Барабанова. М. : Фонд развития и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36620/> (дата обращения: 11.11.2023).

Реджани Л., Садиг М. Глобальное здравоохранение и роль университетов // Казанский медицинский журнал. 2011. Т. 92. № 5. С. 737–748.

Сутягин А. США обвинили Китай в планах украсть разработки вакцины от коронавируса [Электронный ресурс] : Hi-News.ru. 2020. 15 мая. URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/ssha-obvinili-kitaj-v-planax-ukrast-razrabotki-vakciny-ot-koronavirusa.html?ysclid=18mk39av5f701512749> (дата обращения: 11.11.2023).

Brandt A. How AIDS Invented Global Health [Электронный ресурс] : The New England Journal of Medicine. 2013. June 6. URL: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMp1305297> (дата обращения: 11.11.2023).

Feldbaum H., Lee K., Michaud J. Global Health and Foreign Policy // Epidemiological Review. 2010. No. 32. Pp. 82–92.

Fidler D. Health as Foreign Policy: between Principle and Power. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1524&context=facpub> (дата обращения: 11.11.2023).

Frenk J., Chacon F. International Health in Transition // Asia Pacific Journal of Public Health. 1991. Vol. 5. Pp. 170–175.

Gender and Health 50/50. 2022 Report [Электронный ресурс]. URL: <https://globalhealth5050.org/2022-Report/> (дата обращения: 11.11.2023).

Stoeva P. International Relations and the Global Politics of Health: A State of the Art? Global Health Governance // The Scholarly Journal for the New Health Security Paradigm. 2016. No. 10. Pp. 97–109.

КРИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ*

Го Лишуан, Ду Ванюэ, Сюй Цзин **

В статье китайских философов-марксистов анализируется критическое осмысление российскими учеными глобального кризиса капитализма и перспектив общественного развития в XXI в. Отмечается, что глобальный кризис капитализма является закономерным этапом системных противоречий в логике буржуазного развития и что современные проблемы капиталистической экономики коренятся в неизбежности циклических кризисов в условиях рыночного производства и гегемонии финансового капитала. Проводится мысль, что глобальный кризис капитализма – это кумулятивное проявление глобализации в XXI в., отражающее хрупкость альянса капиталистических стран и усиливающее конфронтацию между великими державами в условиях трансформации международного порядка. Это, отмечается в статье, свидетельствует о неспособности неолиберальной системы справиться с вызовами современного мира. Международное сообщество должно преодолеть противоречия интернационализма и национализма, основываясь на идеях марксизма о государстве, социальной общности и благосостоянии человека, что является отправной точкой для построения глобального социализма.

Ключевые слова: *российские ученые, капитализм, глобальный кризис, марксизм, социализм, критика буржуазных отношений.*

* Статья подготовлена при поддержке Фонда общественных наук КНР (грант 20&ZDO11 «Изучение российского марксизма XXI века»: Промежуточный результат гранта (2020BZX011) г. Шанхая по общественным наукам «Исследование современного российского марксизма»).

Для цитирования: Го Лишуан, Ду Ванюэ, Сюй Цзин. Критика глобального кризиса капитализма с позиции современных российских ученых // Век глобализации. 2024. № 1. С. 48–59. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.04.

For citation: Guo Lishuang, Du Wanyue, Xu Jing. Criticism of the Global Crisis of Capitalism from the Perspective of Modern Russian Scientists // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 48–59. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.04 (in Russian).

** Го Лишуан – профессор Института марксизма Фуданьского университета (г. Шанхай, Китай). E-mail: guolishuang@fudan.edu.cn.

Guo Lishuang – Professor of the School of Marxism, Fudan University (Shanghai, China).

Ду Ванюэ – аспирант Института марксизма Фуданьского университета (г. Шанхай, Китай). E-mail: 653327931@qq.com.

Du Wanyue – postgraduate student of the School of Marxism, Fudan University (Shanghai, China).

Сюй Цзин – магистрант Института марксизма Фуданьского университета (г. Шанхай, Китай). E-mail: 653327931@qq.com.

Xu Jing – master student of the School of Marxism, Fudan University (Shanghai, China).

CRITICISM OF THE GLOBAL CRISIS OF CAPITALISM FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN RUSSIAN SCIENTISTS

Chinese Marxist philosophers analyze the critical understanding by Russian scientists of the global crisis of capitalism and the prospects for social development in the 21st century. It is noted that the global crisis of capitalism is a natural stage of systemic contradictions in the logic of bourgeois development, and that modern problems of the capitalist economy are rooted in the inevitability of cyclical crises in conditions of market production and the hegemony of financial capital. It is suggested that the global crisis of capitalism is a cumulative manifestation of globalization in the 21st century, reflecting the fragility of the alliance of capitalist countries and intensifying the confrontation between the great powers in the context of the transformation of the international order. This, as noted in the articles, indicates the inability of the neoliberal system to cope with the challenges of the modern world. The international community must overcome the contradictions of internationalism and nationalism, based on Marxist ideas of the state, social community and human welfare, which is the starting point for building global socialism.

Keywords: Russian scientists, capitalism, global crisis, Marxism, socialism, criticism of bourgeois relations.

В последние годы мировой финансовый кризис, российско-украинский конфликт, эпидемия COVID-19 и другие экстраординарные события разрушили благополучное видение перспектив общественного развития, еще более усугубив разворачивающийся глобальный кризис капитализма на фоне современной глобализации. Все это вызвало глубокие противоречия и потрясения в мировой политике, а также обострило проблему социального управления и усилило дезинтеграцию общественных отношений на международном уровне. Эта статья во многом основана на результатах интервью, проведенных по электронной почте с рядом российских ученых, в которых основное внимание уделяется размышлениям этих ученых о глобальном кризисе капитализма.

1. Глобальный кризис капитализма как проявление структурных противоречий рыночных отношений

Черeda продолжающихся и углубляющихся потрясений показала, что капиталистический мир переживает не просто отраслевые или временные кризисы, а находится в водовороте многочисленных экономических, социальных, экологических, политических и цивилизационных кризисов. В этих условиях отдельные российские ученые провели обстоятельный анализ происхождения глобального кризиса капитализма. Они считают, что глобальный кризис капитализма – это продолжение и проявление структурных противоречий в логике капитала, а по существу – ловушка глобального капитализма в XXI в.

Неизбежность капиталистических экономических кризисов в развитых странах

В 1920-х гг. советский экономист Н. Д. Кондратьев, проанализировав экономическое развитие разных стран за 100–150 лет, пришел к выводу, что в капиталистических странах в периоды экономического процветания обязательно случа-

ются кризисы. В то же время наложение крупномасштабных циклических колебаний на общественное развитие может вызвать эффект социального резонанса, который еще больше усугубляет кризисы и социальную напряженность. В. В. Субботин, директор Российского научного центра стратегического развития и идеологических систем, в обоснование своих взглядов приводит теорию Кондратьева о цикличности развития мировой экономики. По его мнению, нынешний кризис капитализма предсказуем и закономерен: экономический, социальный, экологический и другие кризисы переплетаются и усиливаются, создавая то, что Кондратьев называет эффектом социального резонанса, выявляющим недостатки капиталистической системы и оказывающим негативное влияние на экономическое и социальное развитие¹.

Глобальный кризис обусловлен системным кризисом современной капиталистической социально-экономической системы. Экономические кризисы идут рука об руку с капитализмом. К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали неизбежность экономических кризисов при капитализме и точно оценили исторические судьбы капитализма, вскрыв законы его производства и основные противоречия. Сегодня в мире господствует монополия финансового капитала. Способы эксплуатации и формы распространения капитала все более скрываются и вуалируются, механизм капиталистического экономического кризиса становится все более сложным, масштабы его проявления – все более обширными, а степень разрушения – все более серьезной. А. А. Коряковцев, доцент факультета социологии, философии и культуры Уральского государственного педагогического университета, и А. В. Бузгалин, директор Центра исследований и образования в области современного марксизма МГУ имени М. В. Ломоносова, выражают озабоченность тем, что декаданс мирового финансово-экономического развития обозначился уже зимой 2019 г. и после 2020 г. эпидемия еще больше усугубила и без того нестабильную мировую экономическую ситуацию, спровоцировав системный кризис социально-экономической системы позднего капитализма. Директор Центра сравнительных социально-экономических исследований экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова А. И. Колганов согласен с тем, что мировая экономика находится на пороге очередной циклической рецессии, и что, хотя в 2018–2019 гг. капиталистические страны еще могли отсрочить начало этой рецессии, пополнив денежное предложение на рынке, это принципиально не устранило бы причины рецессии, а разворачивание многочисленных кризисов капитализма в дальнейшем будет серьезно тормозить процесс восстановления экономики².

Нынешний кризис следует за волной циклических кризисов, начавшейся после финансового кризиса 2008 г. Мировой финансовый кризис, вызванный кризисом субстандартной ипотеки в США в 2008 г., стал крайне разрушительным системным кризисом капитализма, обнажив многочисленные дилеммы капиталистической системы, оказав значительное влияние на экономическую и социальную жизнь мира и предвещая долгий и тяжелый «разрыв» в мировой экономике. Директор Института социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова Л. В. Карташова считает, что нынешний экономический кризис восходит к финансовому кризису 2008 г.,

¹ Электронное письмо В. В. Субботина.

² Электронное письмо А. И. Колганова.

который, по его мнению, является «возрождением» или «финальным аккордом» экономического кризиса 2008 г.³

Неравенство мировой политики и экономики в условиях гегемонии капитала

Глобальный кризис капитализма вскрыл и усилил проблемы неравенства в развитии мировой политики и экономики в условиях гегемонии капитала и оказал глубокое влияние на международное сообщество. Вспышка эпидемии COVID-19 вызвала в мире бурные дискуссии о конце глобализации, и многие специалисты заявляли, что эта эпидемия приведет глобализацию к смерти. На эту позицию влияют, с одной стороны, уже существовавшая тенденция антиглобализации, которая идет параллельно с глобализацией, а с другой – дилемма эпидемии, которая стала препятствием для глобализации. Мировой финансовый кризис в 2008 г. затормозил глобализацию, и под наложением популизма возник фантом «деглобализации». В условиях эпидемии COVID-19 страны всего мира «строят стены», ужесточая ограничения на международное передвижение людей и товаров, а растущий протекционизм и локализм препятствуют международному сотрудничеству и глобальному управлению. Однако, по мнению ряда российских ученых, суждение о том, что эпидемия COVID-19 приведет глобализацию к концу, является преувеличением роли субъективных элементов глобального процесса и недооценкой объективных предпосылок исторического развития глобализации⁴.

Таким образом, взгляды упомянутых выше российских ученых отражают теоретические основы материализма и не отходят от рамок анализа К. Марксом всемирной истории. Сегодня, как утверждал Маркс, мы все еще находимся в ее середине, и глобализация – это исторический процесс во всемирной истории, отвечающий логике ее развития и формирующий реальность, которая наблюдается в настоящее время. Эпидемия COVID-19 как глобальное событие в области здравоохранения, несомненно, стало всеобщей глобальной проблемой и даже вехой в истории глобализации. Но основной движущей силой общего развития глобализации по-прежнему остается взаимодействие капитала с мировым рынком, который продолжает менять свою форму. Иными словами, глобализация в эпоху постпандемии может принять новые формы и иметь новые характеристики, но общая тенденция ее развития не изменится.

Несомненно, глобализация стимулировала экономический рост всех стран мира и способствовала развитию глобальной системы промышленного разделения труда. Однако справедливая международная социальная структура и система международного правосудия еще не созданы, а волна глобализации, вызванная капитализмом, естественно, ограничена пределами развития самого капитала. С 1980-х гг. глобализация вступила в фазу, когда неолиберализм обрел идеологическое обоснование, а финансовый капитал стал господствующим. В отличие от традиционной формы накопления капитала, когда он напрямую взаимодействовал с реальным производством, механизм функционирования финансового капитала подчиняется иной внутренней логике, которая в силу его монопольной гегемонии

³ Электронное письмо Л. В. Карташовой.

⁴ Альтернативную точку зрения на глобализацию и деглобализацию (по отношению к изложенной выше позиции) см.: [Чумаков 2023].

позволяет извлекать спекулятивную прибыль, осуществлять социальное доминирование и глобальный контроль, еще более усугубляя дисбаланс мировой экономики. В этой связи А. В. Бузгалин утверждает, что профилактика, карантин и лечение эпидемического кризиса выявили серьезное неравенство, и на теоретическом уровне они стали тревожным звонком для академического сообщества, давно ограничивающегося изучением глобальных проблем в аспекте футурологии и социальной философии⁵.

2. Глобальный кризис капитализма как кумулятивное проявление глобализации в XXI в.

Глобальный кризис капитализма усилил уже существовавшие проблемы в международных отношениях и открыл возможность ускорить перестройку и трансформацию международного порядка, а также реформу глобального управления. По мнению ряда современных российских ученых, глобальный кризис капитализма является кумулятивным проявлением глобализации в XXI в., усиливая многочисленные глобальные риски.

Хрупкость альянса капиталистических государств и рост локализма

В условиях глобального кризиса главной задачей капиталистических государств остается сохранение геополитического господства в мире, а не активное содействие международному сотрудничеству в целях выхода из кризиса. При этом сохраняется повсеместное конкурентное напряжение между государственными союзами и суверенными государствами.

Распространение кризиса усиливает изоляционистскую позицию капиталистических стран, основанную на силовом варианте политического мышления, и демонстрирует хрупкий характер их альянса. По мере усиления глобальных угроз капиталистические страны не проявляют готовности к укреплению международного сотрудничества, а наоборот, занимают изоляционистскую и одностороннюю позицию, что ведет к росту негативизма и локализма. Ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук П. Н. Кондрашов указал на отношения Европейского союза и Италии в период эпидемии в качестве свидетельства несостоятельности союза капиталистических государств в момент кризиса. Во время эпидемии COVID-19 Европейский союз – типичный международный альянс капиталистической системы – не пришел на помощь одному из своих членов Италии, оказавшейся в сложнейшей ситуации, тогда как Китай и Россия оказали этой стране существенную международную помощь. Он также отметил, что некоторые страны используют эпидемию в качестве политического и идеологического инструмента для оказания давления на другие страны, что усиливает элементы конфликта и конфронтации геополитики.

По мнению профессора Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Л. А. Булавки-Бузгалиной, борьба за геополитическое господство в современном мире порождает антагонизмы и противоречия в международных отношениях, ко-

⁵ Электронное письмо А. В. Бузгалина.

торые коренятся в том, что капитализм основан на частных, а не всеобщих интересах. США, Великобритания и другие западные страны стремятся подавить государства с иными экономическими и культурными традициями, чтобы сохранить гегемонию капитала и геополитическое господство. А. И. Колганов также отметил, что глобализация с господством капитализма не означает подлинного единства мира, который по-прежнему разделен и формируется под влиянием противоречивых интересов.

Эскалация конфликтов и трансформация мироустройства

В настоящее время усиление многополярности в мире привело к сдвигам и изменениям в сложившейся международной структуре власти, а конфликт между различными концепциями нового мирового порядка в рамках мировой системы достиг критической точки. Глобальный кризис капитализма обострил противоречия, характерные для старого международного политического порядка, в котором доминировали Соединенные Штаты, подтолкнул великие державы к установлению «новой нормальности» и предоставил возможность перестроить глобальную экономико-географическую модель и геополитическую парадигму. С одной стороны, давно распавшийся гегемонистский порядок США подошел к концу, и между старым капиталистическим лидерством и вновь возникающими центрами мира постоянно возникают разногласия. Согласно докладу «Глобальные риски 2021», опубликованному Всемирным экономическим форумом, эпидемия COVID-19 усилит геополитическую напряженность в ближайшие 5–10 лет [The Global... 2021]. Недавнее внезапное изменение российско-украинской ситуации также подтверждает, что геополитическая напряженность поднялась на новую высоту. С другой стороны, глобальный кризис капитализма ускоряет разрушение структуры мировой власти, в которой доминируют западные державы, способствуя формированию плюралистической, полицентричной схемы власти. В этих условиях некоторые страны постепенно корректируют свои внешнеполитические стратегии, и конструктивные отношения регионального сотрудничества могут стать основной тенденцией развития. Также звучат призывы освободить народ от влияния неolibеральной англосаксонской элиты и сформировать евразийский консенсус, гарантирующий право народа на развитие и независимость от США, Великобритании и ЕС [Го Лишуан 2021].

Являясь центральным звеном политики великих держав на международной арене в нынешнюю эпоху, отношения между Китаем и США, несомненно, играют ключевую роль, оказывающую значительное влияние на формирование нового мирового порядка. Однако в последние годы Соединенные Штаты приняли жесткую и консервативную стратегию всестороннего сдерживания Китая и проводят стратегию «новой холодной войны», охватывающую экономическую, политическую, культурную и военную сферы, и китайско-американские отношения становятся все более и более напряженными.

Целый ряд политических шагов США укрепил односторонность, направленную на укрепление системы глобального политического контроля и недопущение утраты их доминирующего положения в международном сообществе. Так, в сентябре 2021 г. Соединенные Штаты подписали новое соглашение о безопасности и обороне с Великобританией и Австралией, фактически направленное против Ки-

тая в Индо-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, противостояние между Китаем и США – это борьба за государственную мощь между развивающимися и доминирующими державами. С другой стороны, противоборство КНР и Соединенных Штатов – это стратегическая борьба между социализмом и капитализмом, между сообществом человеческой судьбы и глобальной гегемонией. Многополярность – неизбежная тенденция развития мировой политики и общества, и любые попытки помешать объективным законам развития тщетны. Таким образом, в условиях глобального кризиса Китай и США должны быть более бдительными, чтобы избежать новой холодной войны и совместно работать над построением мирного и процветающего международного порядка.

Слабость неолиберального реагирования на глобальные риски

Неолиберализм – это возрождение финансового монополистического капитала в эпоху постимпериализма, и его основополагающий принцип и логика действий сводятся к либерализации финансового монополистического капитала. Начиная с 1970-х гг. неолиберализм постепенно завоевывал доминирующие позиции в развитых капиталистических странах, максимально обслуживая потребности распространения монополистического капитала. Сегодня по-прежнему актуальны выводы В. И. Ленина о монополизме и упадке империализма, которые он сделал во время Первой мировой войны [Избранные... 2012: 578–579]. Монополия финансового капитала в экономической сфере сопровождается гегемонистским господством в политической сфере, а также усиливающейся конфронтацией между империалистическими странами. А. В. Бузгалин указывает на национальный эгоизм капиталистической мировой системы, утверждая, что он является в значительной степени отражением природы империализма. Он также отмечает, что доминирующий в мире неолиберальный капитал создал социальные отношения, которые не адекватны глобальным угрозам⁶.

Являясь основным инструментом и идеологическим убежищем финансового капитала, неолиберализм выступает за ограниченное государство и свободную конкуренцию, а также за приватизацию государственного сектора. В соответствии с принципом приоритета эффективности и прибыли система государственных услуг была втянута в водоворот логики капитала, и общественные блага стали создаваться за счет эффективности системы государственных услуг. Как сказал итальянский социальный критик Гаэтано Сальвемини, «прибыль – частная и личная, убытки – общественные и социальные» [Salvemini 1936]. В. В. Субботин также критикует капиталистическое государство за то, что оно, несмотря на глобальный кризис, защищает максимизацию прибыли финансового капитала как главный принцип всех своих действий, обвиняя капиталистов в угнетении населения с помощью государственного аппарата, а также в том, что население оплачивает кризисы, переживаемые частными капиталистическими предприятиями.

Глобальное развитие и экспансия неолиберализма оказывают постоянное давление на жизненное пространство людей, еще больше усугубляя социальное неравенство, обостряя социальные конфликты и раскалывая социальную сплочен-

⁶ Электронное письмо А. В. Бузгалина.

ность. Так, массовые беспорядки, произошедшие в США в мае 2020 г., стали не только очередной вспышкой расовой напряженности после долгого периода затишья, но и следствием глубоко укоренившегося в американском обществе классового раскола между богатыми и бедными. А. А. Коряковцев, в частности, отмечает, что системные недостатки капиталистической экономики не позволяют ей создать условия, достаточные и необходимые для преодоления кризиса, что рано или поздно капиталистический социально-экономический кризис заставит капиталистические правительства отказаться от неолиберальной стратегии, принять протекционистские меры, усилить государственное регулирование, возродить национальную промышленность, в результате чего новые структурные реформы капитализма или переход к «неомеркантилизму» создадут новые перспективы для общественного развития⁷.

3. От глобального капитализма к началу глобального социализма

По мнению ряда российских обществоведов, глобальный кризис капитализма открыл новые темы дискуссий о социализме, в частности о необходимости и возможности перехода от капитализма к социализму.

Взаимодействие интернационализма и национализма

То, что различные страны имеют сегодня общие проблемы, широко признается российскими учеными как фундаментальный факт, который указывает на необходимость создания более широкой коалиции на глобальном уровне. Международное сообщество должно продолжить поиск нового типа сотрудничества в условиях глобализации, чтобы достичь цели в преодолении противоречий между интернационализмом и национализмом.

В философском контексте национализм и интернационализм кажутся совершенно противоположными друг другу, но на практике они всегда взаимодействуют. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, в частности, что прогресс международного коммунистического движения предполагает признание определенных принципов национализма. В марксистской философии национальные интересы как центральное понятие в разрывании внешних отношений между нациями воплощаются в диалектическом единстве особенного и всеобщего, национального и общечеловеческого. «Что бы ни делали нации, они делают это для общества, и вся их ценность заключается в том, что каждая нация выполняет важную миссию – способствует развитию человечества» [Маркс, Энгельс 2018: 257]. Глобализация – это необратимая тенденция истории, и в данном контексте неизбежна тенденция к неограниченному усилению любой региональной катастрофы или кризиса. Поэтому в условиях глобализации, защищая собственные интересы развития, страны должны придерживаться позиции интернационализма и не скатываться в ситуацию воинствующего национализма.

Международное сообщество должно отстаивать принципы конструктивного взаимодействия, подчеркивать чувство общности перед лицом кризиса и решительно продвигать сотрудничество, основанное на взаимовыгодных принципах.

⁷ Электронное письмо А. А. Коряковцева.

При этом мировое сообщество должно проявлять сдержанность на всех уровнях, воздерживаться от необдуманных мер, искать совместные решения и идти на компромиссы⁸. По мнению ведущего научного сотрудника Института философии РАН В. Г. Бурова, общая задача, стоящая перед марксистами в условиях глобализации, – критическое осмысление несправедливого характера международных отношений и выработка принципов таких отношений, основанных на солидарности и сотрудничестве, в рамках которых должны совершаться совместные действия на международном уровне⁹.

Столкнувшись с серьезными проблемами преодоления кризисов в эпоху глобализации, российские ученые считают, что необходимо создать новый тип международных отношений, ориентированных на всеобщую солидарность, и активно искать механизмы долгосрочного сотрудничества между государствами. Они выдвигают ряд креативных программ по достижению подлинной международной солидарности. Так, А. В. Бузгалин полагает, что следует создавать международные организации для решения глобальных проблем, расширять их функции и повышать эффективность работы. Нужно также провести глубокие реформы существующих институтов международного сотрудничества, усилить их роль, повысить их демократичность и прозрачность, снизить их зависимость от капитала и национальных государств¹⁰. По мнению В. В. Субботина, страны стратегического треугольника (Россия – Китай – Индия) должны наладить надежное торговое и гуманитарное сотрудничество, внедрить в международную общественно-политическую практику модель коллективного принятия решений. Важно также специально готовить управленцев с чувством глобальной ответственности за выработку и реализацию коллективных решений, укрепление альянсов БРИКС, ШОС и других совместных организаций на основе новой социальной системы. С одной стороны, необходимо проводить фундаментальные и прикладные междисциплинарные исследования на международном уровне и инвестировать средства в научные исследования, которые действительно имеют значение. С другой стороны, аналитические центры должны не только разрабатывать стратегии развития, но и способствовать их реализации, а также повышать уровень просвещения населения в этой области¹¹.

Реализация доктрины марксизма, основанной на благосостоянии человека

Марксизм – это открытая теоретическая система, которая развивается во времени и не утверждает неизменную истину, а открывает путь к ней [Си Цзиньпин 2016]. В современную эпоху, характеризующуюся неопределенностью, российские обществоведы согласны с тем, что изучение идей марксизма – важное направление теоретических исследований в XXI в., и это общая миссия ученых социалистической ориентации. Особенности развития марксизма в новой исторической ситуации заключаются в том, чтобы всегда брать за основу изучение реалий современного общества, в полной мере использовать методологический потенци-

⁸ Электронное письмо А. Н. Чумакова.

⁹ Электронное письмо В. Г. Бурова.

¹⁰ Электронное письмо А. В. Бузгалина.

¹¹ Электронное письмо В. В. Субботина.

ал марксизма, сохраняя его актуальность, научность и революционность. Марксистская теория должна постоянно обновляться, совершенствоваться и развиваться в соответствии с изменением конкретных исторических и социальных условий, и необходимо избегать превращения теории в догму. С одной стороны, необходимо придерживаться единства теории и практики, а с другой – диалектически интегрировать многочисленные связи в целостную систему с учетом закона единства и борьбы противоположностей. По мнению В. В. Субботина, теория научного коммунизма еще не до конца проработана и творчески не реализована на практике. В этой связи необходимо стремиться к смещению акцента с экономических отношений как таковых на использование экономического развития как инструмента, призванного служить общей стратегии развития общества¹². Следует также отказаться от чуждых социальных отношений в индустриальной цивилизации и сосредоточиться на создании новых форм человеческой деятельности, восстанавливающих связь человека с самим собой и внешним миром. Как подчеркнул А. В. Бузгалин, ученые-марксисты всего мира должны посвятить себя изучению фундаментальных проблем современности в экономической, социальной, политической, идеологической и культурной сферах, перестройке логики политики, общества, экономики, жизни, социальных отношений, чтобы осуществить коренные изменения в мире, сделать существующие социальные отношения адекватными для решения таких серьезных задач, как, например, пандемия COVID-19 [Го Лишуан 2021].

Рождение нового представления о государстве и социальном сообществе

Глобальный кризис капитализма вызвал всеобщее замешательство по поводу того, как построить идеальное общество в современных условиях, что ставит перед марксистами новые вопросы. В этих условиях марксисты должны переосмыслить социальные тенденции и модели поведения, которые долгое время были в центре их внимания, и предложить новое видение национальной и социальной общности. По мнению научного сотрудника Института философии и права Уральского отделения РАН Д. А. Давыдова, крайне важно сосредоточиться на возвращении к «центру», то есть переосмыслить возможности современного государства, чтобы осуществить реорганизацию социальной системы на национальном уровне. Он также отмечает, что левым необходимо преодолеть боязнь экспериментировать с системой, избавиться от чувства скованности и уверенности в том, что за ними постоянно следят после распада Советского Союза. Нужно объединить силы ведущих специалистов для совместной работы, интегрируя знания из различных областей, таких как философия, социология, экономика и т. п., используя при этом технологические потенциалы суперкомпьютеров, блокчейна, больших данных, робототехники и других современных технологий¹³.

В настоящее время во всем мире наблюдается масштабный кризис социалистического строительства, и для перехода к новой модели общественного развития необходимо создать обновленную концепцию социализма. Так, П. Н. Кондрашов предлагает конкретное видение программы социалистической глобализации.

¹² Электронное письмо В. В. Субботина.

¹³ Электронное письмо Д. А. Давыдова.

На теоретическом уровне необходимо прояснить основные идеологические принципы программы социалистической глобализации, чтобы помочь открыть путь марксизму и социализму в мире будущего. На практическом уровне необходимо перераспределить и реструктурировать государственный бюджет, чтобы больше средств можно было направить на научные исследования, образование и здравоохранение. П. Н. Кондрашов подчеркивает необходимость разработки новых образовательных программ, направленных на подготовку людей с новым этическим, эстетическим, познавательным и экологическим мышлением¹⁴. А по мнению В. В. Субботина, цели научного коммунизма должны включать решение таких задач, как подготовка кадров, разработка соответствующих идеологических норм, распространение знаний, управление спросом, финансовыми потоками и т. п. На начальных этапах перехода к социалистической модели развития разные страны могут расходиться в определении приоритетов и способах решения конкретных вопросов, но они должны разделять принципы ненасилия и устойчивого развития, придерживаться обязательных стандартов социального обеспечения, понимать, осваивать и применять на практике социалистические ценности¹⁵.

Заключение

Россия – одна из немногих крупных стран с опытом социалистического строительства, и ее исторические корни, а также практический опыт дают российским ученым определенные преимущества по сравнению с западными учеными. Российские ученые марксистской ориентации выстраивают свою критику капиталистической системы на основе глубокого анализа глобального кризиса капитализма, исследования его корней, а также накопленного опыта построения социализма. По их мнению, кризис капитализма коренится в структурных противоречиях капиталистической системы и законах функционирования капитала, что в целом совпадает с критикой капитализма западными марксистами. В этих условиях они пытаются возродить жизненную силу и творческий потенциал марксизма, чтобы предложить модель социализма, совместимую с модернизацией и будущим развитием современной России. И в этом обнаруживается много общего с тем, что делается в Китае.

Как сказал председатель КНР Си Цзиньпин, в настоящее время, хотя и с разными проявлениями и особенностями, все еще существует присущее капитализму противоречие между общественным способом производства и частным присвоением результатов труда [Си Цзиньпин 2020]. Мы должны переосмыслить идеи марксизма о кризисе капитализма в условиях глобального мира, углубить наше понимание новых изменений и особенностей современного капитализма и предложить новую форму человеческой цивилизации. Решению таких задач как раз и способствует критическое осмысление российскими учеными глобального кризиса капиталистической системы, раскрытие ими сущности и особенностей проявления современного капитализма, и это, несомненно, значительный вклад в развитие марксизма в XXI в.

¹⁴ Электронное письмо П. Н. Кондрашова.

¹⁵ Электронное письмо В. В. Субботина.

Литература

Маркс К. Капитал. Т. 3. Пекин : Народное изд-во, 2018 [资本论第 3 卷, 人民出版社, 2018 年] (на кит. яз.).

Го Лишуан. Корни и пути выхода: переосмысление эпидемии пневмонии «Новая корона» и глобального кризиса – интервью с российскими учеными // Марксизм и реальность. 2021. № 1 [郭丽双, 根源与出路: 反思新冠肺炎疫情与全球性危机–俄罗斯学者访谈, 马克思主义与现实, 2021 年第1期] (на кит. яз.).

Избранные произведения Ленина. Т. 2. Пекин : Народное изд-во, 2012 [列宁选集第 2 卷, 人民出版社, 2012 年] (на кит. яз.).

Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 42. Пекин : Народное изд-во, 1979 [马克思恩格斯全集, 第 42 卷, 人民出版社, 1979 年] (на кит. яз.).

Си Цзиньпин. Речь на симпозиуме по философии и общественно-научной работе // Жэньминь Жибао. 2016. 19 мая [习近平, 在哲学社会科学工作座谈会上的讲话, 人民日报, 2016 年 5 月 19 日] (на кит. яз.).

Си Цзиньпин. Непрерывно осваивая новые горизонты в марксистской политической экономике // В поисках истины. 2020. № 16 [习近平, 不断开拓马克思主义政治经济学新境界, 求是, 2020 年第 16 期] (на кит. яз.).

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 19–34.

Salvemini G. Under the Axe of Fascism. New York : Viking Press, 1936.

The Global Risks Report 2021. January 19 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

ПРАВА ИНДИВИДА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ, РИСКИ И ВЫЗОВЫ*

Напсо М. Б.**

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов реализации информационных прав индивида в условиях цифровой трансформации общества. В центре внимания автора проблематика глобальной деградации достоверности информации, риски произвольного обращения с информацией, ее модификации и конструирование, свободное накопление, а также их причины и следствия. Свободный оборот информации ложного содержания ведет к снижению уровня социального доверия и индивидуальной, общественной безопасности, ущемлению прав и законных интересов индивида. Автор убежден, что при реализации информационных прав следует исходить не только из принципа индивидуальной свободы, но и из принципа достоверности информации, соблюдения прав иных лиц, защиты общественных и государственных интересов. Введение и применение механизмов защиты от определенного контента должно быть обосновано характером и масштабами угроз и правовым признанием той или иной информации вредоносной. Итогом рассмотрения проблематики стал вывод о необходимости правового закрепления принципа достоверности информации и введения права индивида на достоверную информацию на основе целостной социально-правовой концепции регулирования отношений в сфере информации.

Ключевые слова: информационное общество, недостоверность информации, базы данных, фейк, модификация информации, информационные права, информационная безопасность.

INDIVIDUAL RIGHTS IN THE FIELD OF INFORMATION: MODERN REALITIES, RISKS AND CHALLENGES

The article considers the certain aspects of the realization of information rights of the individual in the conditions of digital transformation of society. The author focuses on the problems of global degradation of information reliability, the risks of arbitrary handling of information, its modification and construction, free accumulation, as well as their causes and consequences. Free circulation of

* **Для цитирования:** Напсо М. Б. Права индивида в сфере информации: современные реалии, риски и вызовы // Век глобализации. 2024. № 1. С. 60–71. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.05.

For citation: Napso M. B. Individual Rights in the Field of Information: Modern Realities, Risks and Challenges // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 60–71. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.05 (in Russian).

** Напсо Марьяна Бахсетовна – д. ю. н., профессор Северо-Кавказской государственной академии. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

Maryana B. Napso – Dr. Law, Professor of North Caucasian State Academy. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

false information leads to a decrease in the level of social trust and individual, public safety, infringement of the rights and legitimate interests of the individual. The author is convinced that when realizing information rights, one should proceed not only from the principle of individual freedom, but also from the principle of reliability of information, respect for the rights of other persons, protection of public and state interests. The introduction and application of protection mechanisms against information of certain content should be justified by the nature and scale of threats and the legal recognition of this or that information as malicious. In the conclusion the author suggests the need for legal consolidation of the principle of reliability of information and the introduction of the individual's right to reliable information on the basis of a holistic socio-legal concept of regulating relations in the field of information.

Keywords: *information society, unreliability of information, databases, fake, modification of information, information rights, information security.*

Информация, приобретшая характер стратегического ресурса, коммуникационная революция, переход личной, деловой, общественной жизни в цифровое пространство и цифровое измерение, появление «нового способа производства» – «информационной экономики, специфическое звено которой – процесс создания и обработки информации», – все это особенности глобализации на современном этапе [Бехманн 2010: 34]. Информационное общество эпохи цифры в корне изменило статус и значение информации, значительно расширило ее возможности, придав ей характер важнейшего фактора влияния. В качестве последнего она имеет сильное воздействие на общественное, массовое и индивидуальное сознание, на формирование личного и общественного мнения во всех его аспектах. В современных условиях общественное и индивидуальное сознание имеет не только социальное измерение, но и цифровое как объект воздействия посредством информации, массовых коммуникаций, технологий. Бурное развитие отношений нового вида – информационных – оказывает системное трансформирующее, деформирующее, модернизирующее воздействие на все уровни общественного сознания. В новых реалиях формируются новые доминанты, в числе которых: «активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни, ...активный переход на дистантные формы общения в ущерб непосредственным и личностным контактам, усиление контроля за поведением и личной жизнью граждан, возрастание возможностей манипулирования общественным сознанием» [Чумаков 2020а: 12].

После длительного пребывания в состоянии устойчивости, предсказуемости, простоты и определенности – в мире SPOD (*steady, predictable, ordinary, definite*) – человечество перешагнуло в мир VUCA (*volatility, uncertainty, complexity, ambiguity*). Его непостоянство, неопределенность, сложность и неоднозначность подразумевают не только скорость изменений, растущее число факторов влияния, влекущие объективные сложности при анализе и прогнозировании, но и наличие множества смыслов. Отличительными особенностями современного познания стали неопределенность, неполнота, неverifiedируемость, парадоксальность, фрагментарность как следствия свободы индивида в восприятии, понимании и интерпретации реальности. Существенное значение теперь имеет не только она как

таковая, но и существование, отражение в ней личности самого субъекта, его личностного отношения к миру в формах, не имеющих ограничений.

Факторы, этому способствующие, – природа самого цифрового пространства и философия постмодернизма. Массовость, общедоступность, неограниченные возможности самовыражения, получения информации и ее генерирования в различных формах, с одной стороны, и «акцент на свободу субъекта», его «включенность в объект» – с другой. Теперь «субъект не противопоставляется объекту, не выступает в качестве объективного наблюдателя... объект уже не объективная реальность, а “культурный текст”, ...то есть человекоразмерен... Если субъект включается в предметность познаваемого мира, то получаемое знание несет в себе в первую очередь содержание самого субъекта... Истина утрачивает свою фундаментальность и однозначность». Плюралистичность мира формируется целой «отказа от объективности истины», «локальные истины», значимые для отдельных индивидов, групп, замещают знания, адекватно отражающие действительность [Пыхтина 2012: 290, 293]. В результате этого утвердилось мнение о том, что изложение недостоверной, неподтвержденной, недоказанной информации – это не ложь, а частное мнение индивида, его понимание, созданный им образ, на что каждый имеет полное право. Информационное пространство пересыщено частными мнениями, непрофессиональными рассуждениями всех обо всем, разного рода альтернативными гипотезами и теориями, не претендующими на истинность, но имеющими право на существование. Сродни такому отказу от достоверности и утвердившийся отход от реализма в литературе, искусстве, преобладание жанра фэнтэзи, а также тиражирование околонуучных, псевдонаучных воззрений, магической и иной оккультной теории и практики. Они смешали реальность и вымысел, зачастую не просто подменяя первую второй, а утверждая вторую в качестве истины. И, как следствие, – готовность во все верить, бегство от реальности в общественном сознании и поведении. Яркость, зрелищность, выразительность и запоминаемость вымышленных образов, поражающих сознание, постоянная смена одного образа другим, их воспроизводство в рекламе, продукции, а затем и в потребностях и предпочтениях формируют не только вполне определенную субкультуру, но и мировоззрение. В результате человеческие глаз и ухо стали менее восприимчивы к сухому языку фактов в их научном изложении, эмоциональное восприятие возобладало над логическим, примитивные, легкоусваиваемые конструкции – над сложными. Используемые слова перестают выражать истинную природу и свойства личности, предмета, явления, события, вследствие чего теряют свое смысловое наполнение.

Оперирование образами наравне с фактами и даже как фактами, целенаправленное создание тех или иных образов, в том числе и на основе фактов, – всеобщая тенденция. В свое время А. Камю в принесшей ему Нобелевскую премию повести «Посторонний» блестяще показал, как манипулирование достоверными фактами и эмоциональным их восприятием может создать ложный образ: «Все правильно, и все вывернуто наизнанку!» [Камю 2000: 183]. Такие технологии весьма востребованы в наши дни в целях, в частности, демонизации, и не только индивидов. Например, «культура отмены» – этакая «камера плевков» того же А. Камю (повесть «Падение»), когда лицо узника, втиснутого в каменный ящик таким образом, что он не может утереться, «орошает обильным плевком» каждый

тюремный сторож [Камю 2000: 540]. В современных условиях массированная и особым образом поданная информация о единичном неблагоприятном поступке отдельно взятого лица способствует не только выявлению аналогичных фактов и противодействию им, но и формированию идей, трендов, поведенческих стереотипов. Утверждаемые таким образом воззрения в дальнейшем используются как факт, не требующий доказательств. Быстрое и легкое восприятие информации обеспечивается жанром откровения, стремительностью инфопотока и его эмоциональным наполнением, что способно в одночасье сгруппировать индивидов вокруг идеи, сформировать тренд. На их основе вырабатываются и внедряются обязательно разделяемые требования – как форма проявления политкорректности, несогласие с которыми чревато все теми же проявлениями «культуры отмены». История движений под хэштегами “MeToo” и “Black Lives Matter” (а затем, в противовес последнему, и “White Lives Matter”), под лозунгом «Мы за разнообразие» – ярчайший тому пример. Так массированное информационное нашествие способно придать мощный импульс развитию той или иной идеологии и на какое-то время – для достижения определенной цели – обеспечить власть разделяющего ее меньшинства над большинством.

Отдельно взятому индивиду крайне сложно своими собственными усилиями противостоять таким реалиям цифровой эпохи, как организованный вброс информации, информационная атака, информационная травля, инфодемия. Производство и тиражирование слухов, домыслов, сфабрикованных обвинений, сенсаций стали часто используемым механизмом воздействия, давления и подавления. Эффект рассчитан на то, что лицо, первым вбросившее информацию и поддерживающее ее в актуальном состоянии, оказывается в значительно более выгодной ситуации. По той простой причине, что физические и юридические лица, оказавшиеся объектами целенаправленных информационных нападков, попадают в ситуацию постоянного пристального внимания: они вынуждены по каждому поводу давать объяснения и опровержения, доказывать свою невиновность и непричастность. В итоге, как стало модным говорить, «изгою не оправдаться». Даже если поднятая информационная волна схлынет без каких бы то ни было последствий, нет никаких гарантий того, что ситуация не повторится: в информационном пространстве всегда остается след присутствия информации, – а значит, опасность ее использования в различных вариациях бесконечно долго вполне реальна. Как следствие индивид пребывает в ситуации вечной неопределенности, обеспокоенности, страхов и опасений. Это усложняется тем, что возможностей в правовом порядке привлечь к ответственности за причинение подобного рода «неудобств» практически нет, особенно в том случае, когда ложь тонко вплетена в ткань истины. Произвольное накопление свободно курсирующей информации и ее длительное хранение таит в себе много опасностей. Главная из них заключается в том, что со временем утрачивается первоначальный контекст появления информации, последнюю можно использовать безотносительно к ее первоисточнику, что искажает ее истинный смысл. Привычная фраза о том, что «источник забывается, а информация остается», в современных условиях приобретает совершенно иной характер. Цифровые технологии, зафиксировав информацию и обеспечив ее длительное хранение, предоставляют неограниченные возможности для ее свободной модификации, в первую очередь путем использования информации в «чистом»,

абстрагированном от контекста появления виде. Имеющиеся правовые механизмы никоим образом не защищают индивида от всякого рода произвольного обращения с информацией.

Технологии эпохи цифры утверждают господство всего того, что не требует достоверности, – частного мнения, или замещает реальность фантазиями, клонами, аватарами, сконструированными фейками, а также не требует физического участия, присутствия, соучастия, то есть реального действия. Информационное общество эпохи цифры – это типичное общество потребления со всеми его атрибутами, и не только в силу растущих в геометрической прогрессии объемов генерируемой и поглощаемой информации. В свое время Ж. Бодрийяр сказал, что «люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления». Аналогия с информационным обществом более чем очевидна: здесь люди окружены не столько людьми, объектами материального мира, явлениями, событиями, сколько все растущей информацией обо всем этом. Это «ненасытное требование... быть там, не будучи там»: массовые коммуникации дают индивиду не действительность, они придают ей «головокружительную убедительность». Среда массовых коммуникаций – это место, *«где ничего не происходит»*. В итоге индивид живет под «покровом знаков и в отказе от действительности», дистанцировавшись от нее, получает лишь «краткое вторжение действительности», намек на нее, ее образ. В случае с информацией, льющейся отовсюду и неизменно потребляемой, действует все та же «очевидность излишка». Она проявляется в постоянном стремлении всех и каждого поведать обо всем увиденном, описать все прочувствованное, запечатлеть увиденное, пересказать услышанное, прокомментировать мнения и поступки других, отреагировать на реакцию других на собственные воззрения и действия и т. д. Вывод о том, что сущность общества потребления – в расточительном расходовании и потреблении излишка, избытка, абсолютно справедлив и для информационного общества, как и утверждение о том, что именно «издержки ни на что» становятся фактором ценностей, различий и смысла – как в индивидуальном, так и в общественном плане. Информационные продукты, как и культурные, не имеют предела поглощения, эта система «питания» бесконечна еще и в силу того, что она функционирует, втягивая во взаимодействие множество лиц. Информация приобрела характер стратегического ресурса, своего рода богатства, не в силу ее ценности как таковой, а именно благодаря исключительным возможностям по ее обмену, чего нет у других вещей: обмен информацией безграничен, а цикл обменов бесконечен. В системе производства и потребления информационных продуктов действует тот же закон, что и в современной экономике: инициатива и власть в сфере потребностей принадлежат не потребителю, а производителю. Именно он порождает и внедряет потребности, формируя спрос на них, «контролирует поведение на рынке, управляет социальными позициями и потребностями и моделирует их. Это ведет... к тотальной диктатуре производственной системой» [Бодрийяр 2020: 5, 8, 23, 34, 42–43, 45, 87, 94, 102, 109–110].

В силу этого намного упростился и ускорился процесс формирования симулякров – знаков и образов, оторванных по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, являющихся утратившими идентичность подделками, а также симуляций, ставших знаками и образами символов, приобретших самостоятельную

реальность [Кравченко 2004]. В мире симулякров и симуляций, где массовое и масштабное распространение суррогатных продуктов заменяет собой реальные вещи и утверждает иллюзию реальности, деятельности, творчества, нравственности и т. п., все и вся оказываются в большой опасности превратиться в одну из форм их проявлений.

Среди основных факторов широкого распространения искусственных конструкций ложного, частично ложного или тенденциозного характера не только наличие чисто технических возможностей, развитой индустрии технологий и практик, но и отсутствие эффективных механизмов противодействия и их, как правило, догоняющий характер. Обеспечение системы опережающего, в том числе и правового реагирования – задача не из легких в силу целого ряда причин. Во-первых, современные технологии, расширяя возможности индивидов, общества и государства, несут в себе немало ранее не свойственных рисков. Во-вторых, в условиях высокой рискогенности, массовости и новизны риск-явлений рост информационных прав и свобод сталкивается со столь же высоким уровнем их нарушения. В-третьих, при отсутствии целостной системы адекватных рискам мер реагирования на первоначальном этапе неизбежно усиливается степень государственного вмешательства. Правовая мысль и правовая практика, «хотя и пытаются описать неосозаемые новые онлайн-явления и достичь четкости правовых норм, явно не успевают за цифровыми инновациями» еще и по той причине, что они «настолько стремительны и обладают всеобщим глобальным действием, что сегодняшние достижения в этой сфере становятся завтра уже “вчерашним днем”» [Алферова 2018: 157]. Именно скорость, быстрая сменяемость, масштабы, всеохватность происходящих изменений затрудняют процесс обеспечения качественной социально-правовой базы противодействия рискам недостоверности. Кроме того, она должна дополняться вариативностью, оперативностью, гибкостью общественного и правового реагирования. Главная сложность заключается в том, чтобы придать системе реагирования черты, свойственные самому информационному пространству, и противостоять возможностями самой цифровизации. В условиях, когда объективность и достоверность оказываются под давлением модификаций, видоизменений, вольных интерпретаций, исходным началом регулирования общественных отношений в сфере создания, распространения и использования информации должен быть последовательно реализуемый принцип достоверности информации. При этом риски недостоверности должны быть возложены в первую очередь на лиц, генерирующих и распространяющих информацию.

Все это наполняет основные информационные права, и главные из них – право на информацию и право на доступ к информации, – новыми смыслами. Право на информацию получило свое развитие в рамках права на свободу мнения. Оно эволюционировало от свободы сообщать объективные факты и распространять информацию без злого умысла (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 65-е пленарное заседание, 1946 г.), дополненной свободным выражением своих убеждений, свободой искать, получать, распространять информацию, идеи независимо от государственных границ (Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.) устно, письменно, посредством печати, художественных форм выражения и иным способом по выбору (Международный пакт «О гражданских и политических правах», 1966 г.) до полноценного права на информацию официального и массового

характера. Право на доступ к информации появилось как результат процессов демократизации в отношениях между индивидом и государством. Начавшись с права на получение доступа к официальной правительственной, правовой, судебной информации, затем к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере реализации прав граждан, оно превратилось в право знать, иметь доступ к самому широкому кругу информации о деятельности государства. Поэтому изначально и по сей день отличительным свойством правового регламентирования права на доступ к социально значимой информации является действие принципов транспарентности, обязательности предоставления информации и ее достоверности. В Конституции РФ право на информацию лишь подразумевает в качестве одного из правомочий и право на доступ к информации (ст. 29). Иной подход мы обнаруживаем в ч. 1 ст. 34 Конституции Республики Беларусь, где прямо указано, что под правом на информацию понимается право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды [Конституция... 1994]. Здесь указано не только содержание права, но и принципы его реализации. Имея весьма важное значение, эти принципы не нашли отражения и в ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», раскрывающей содержание права на доступ к информации: граждане и организации «вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований» [Федеральный... 2006] законодательства РФ.

В современных условиях реализация основополагающих информационных прав несет в себе вполне определенные риски. Главный из них кроется в разности характера и подходов правового регулирования различных информационных прав, что приводит к их противопоставлению друг другу. Право индивида в сфере информации основано на принципе индивидуальной свободы, в то время как его право на доступ к информации общественно-значимого характера, предоставляемой гражданам органами государственной власти и местного самоуправления и иными уполномоченными органами, основано на принципах открытости, транспарентности, достоверности. Конституционные нормы о полноте, достоверности, объективности информации, своевременности ее предоставления касаются именно второго, хотя концепции национальной и информационной безопасности подразумевают достоверность информации применительно ко всему информационному массиву. Можно констатировать, что в части требования достоверности право на информацию входит в определенное противоречие с правом на свободу мнения, в ходе реализации которого генерируются куда больший объем и разнообразие информации. Правовые механизмы защиты личных, общественных, национальных и государственных интересов посредством обеспечения безопасности от информации ложного, противоправного, запрещенного, антигуманного характера входят в противоречие с правом индивида на информацию и на свободу мнений. В частности, эти права нарушаются при блокировке сайтов в отсутствие на то достаточных оснований. Растущее число фактов отключений от Интернета, замедления трафика (в случае несанкционированных массовых протестов, прояв-

лений экстремизма и терроризма), запретов на использование Интернета в целом для определенной категории лиц способствовали становлению нового права – права на доступ к Интернету. Согласно всем современным резолюциям, право на информацию прежде всего подразумевает право использования Интернета для получения знаний, образования. Поэтому даже правомерное ограничение доступа к Интернету может быть истолковано как нарушение права индивида на его использование в образовательных целях, в целях саморазвития. В условиях таких противоречий Совет ООН по правам человека придерживается позиции последовательной защиты прав индивида, несмотря на очевидные риски неограниченной свободы оборота недостоверной и вредоносной информации. В его резолюции 32/14 от 27 июня 2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Резолюция... 2017], равно как и в прежней резолюции Совета 32/13 от 1 июля 2016 г. [Резолюция... 2016], главное внимание сосредоточено на обеспечении следующих прав человека и различных категорий лиц (индивидов, женщин, детей, девочек): 1) права на свободный доступ к информации; 2) права на свободу выражения мнения; 3) права беспрепятственно придерживаться тех или иных взглядов; 4) права на неприкосновенность частной жизни; 5) права на свободу ассоциации. В целом речь идет о расширении доступа к Интернету в силу его особой роли в целях развития, о решении проблем цифровых разрывов, пропаганды ненависти, безопасности в Интернете. В этих резолюциях риски недостоверности информации не находят отражения. Но уже в резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 7 июля 2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Резолюция... 2021] о них прямо говорится, однако в контексте озабоченности по поводу развития тренда установления ограничений в Интернете. В резолюции осуждаются блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информационных прав лиц в Интернете. Поэтому в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что при этом «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надежным и безопасным» [Там же].

Много вопросов возникает по поводу реализации права на свободу мнений в случае репоста, рерайта информации, дословного воспроизведения информации, опубликованной иным лицом, участия в ее распространении интернет-посредников. И особенно актуальна эта проблема в случае распространения недостоверной, клеветнической, запрещенной и иной «токсичной» информации. Речь идет о, скажем так, ответственности за чужое мнение или своего рода праве на свободу воспроизводить мнение иного лица. Считается, что такое право у индивида есть, но признается за ним при условии: 1) проверки законности получения информации, ее достоверности; 2) наличия сведений об источнике информации; 3) выдержанной тональности комментариев, исключаяющей уничижение, оскорбления и т. п. Что касается ответственности, то она предполагается при несоблюдении настоящих условий, и является более строгой в случае использования возможностей Интернета для распространения непроверенного мнения неустановленного лица во вред иному лицу. В том же случае, когда лицо располагало данными о неправомерном характере информации, вполне уместна постановка вопроса об умышлен-

ном распространении заведомо недостоверной и иной информации, причиняющей вред.

В условиях свободного движения и накопления информации расширяется практика применения права на удаление. Кроме защиты от недостоверной, неактуальной либо незаконно распространяемой информации, правом на удаление защищаются (в частности, в ЕС) персональные данные, право на уважение частной жизни [Антопольский 2019]. Развитию этого права способствует и наличие большого числа баз данных, формируемых в разных формах и разными субъектами с волеизъявления лица или без него. В особой мере это касается функционирования государственных информационных систем (ГИС). В этом случае любое лицо не только имеет право потребовать исключения из ГИС информации недостоверного и неактуального характера, но и оспорить «законность действий государственного органа, выразившихся во внесении в ГИС недостоверной информации (или его бездействия, выразившегося в непринятии мер по актуализации устаревшей информации)» [Амелин 2017: 459–460]. Следовательно, в данном случае праву на удаление корреспондирует обязанность вносить, хранить и представлять достоверную и актуальную информацию. Ее неисполнение порождает наличие у лица права на возмещение вреда, причиненного распространением недостоверной информации. Таким образом, правом на удаление обеспечивается право индивида на сбор, хранение и распространение достоверной информации о нем, на правомерность комментариев и использование персональных данных.

При всей важности для успешности общественного и индивидуального развития в мире цифры полноценной реализации информационных прав именно право индивида на объективную, достоверную информацию приобретает все более актуальный характер с точки зрения реализации его интересов в сфере независимости и безопасности. Их, равно как и само разнообразие независимых взглядов, суждений, позиций, следует поставить под сомнение в условиях действия таких факторов, как системный характер и мультипликативный эффект информационных потоков, наличие широчайших возможностей создания информационного продукта любого содержания и его передачи с помощью множества источников неограниченному кругу лиц. Современные цифровые технологии массивного воздействия и информационного давления многократно ускорили процесс формирования стереотипов, трендов, модных веяний и их смены. Сложно говорить о реальности свободы выбора (мировоззренческой, потребительской, поведенческой) еще и в силу многоликости недостоверной информации, которая возможностями цифровых технологий множится, вплетается в ткань информационного потока и оказывает влияние в той же мере, что и информация достоверная. Экстерриториальность информации актуализирует проблему межгосударственного и международного сотрудничества в противодействии вредоносной информационной экспансии. Однако, как ни парадоксально, в условиях многоаспектной глобализации и растущей взаимозависимости многочисленных субъектов международных отношений все больше ориентированы – и это доказала пандемия коронавируса – решать проблемы крайне эгоистическим способом. «Они любой ценой отстаивают собственные интересы, тогда как нет никакой внешней силы, которая была бы способна заставить их действовать с учетом интересов не только своих, но и других, тем более общечеловеческих» [Чумаков 2020б: 84]. Более того, цифровое

и информационное преимущество активно используется для защиты и продвижения именно собственных интересов, идеологий, практик. «В условиях глобальной мобильности и планетарной системы коммуникаций, к тому же при широком использовании медийных и информационных технологий», уже не составляет труда раздуть пожар цветных революций и осуществить смену «власти и без насильственных действий» [Чумаков 2020б: 85]. И здесь использованию информации в целях оказания воздействия на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, на формирование поведенческих стереотипов придается особое значение.

В такой ситуации неизбежна актуализация запроса на независимость и безопасность в самом широком смысле этого слова. Введение правового понятия фейка, уголовной ответственности за отрицание результатов Второй мировой войны и роли в ней СССР, административной и уголовной ответственности за распространение фейков об эпидемии коронавируса, о специальной военной операции на Украине свидетельствует о понимании и признании опасности распространения и утверждения в индивидуальном и общественном сознании ложной информации, конструирования и внедрения ложных посылов, в том числе с использованием цифровых технологий. Возросший запрос на независимость, безопасность, идентичность, правдивость продиктован кардинальными изменениями геополитической картины мира, сменой идейных парадигм. Реабилитирован патриотизм – и в первую очередь как ценностный (конституционный) патриотизм, основанный на национальной идентичности, признании национального достоинства в качестве объединяющей силы. Все большее распространение получают идеи неоконсерватизма и концепции конституционной идентичности, позволяющей активно противостоять экспансии наднациональных механизмов регулирования. Наметившийся запрос на сильное государство значительно возрос в условиях пандемии и постпандемии. Она показала, что в современных реалиях деградации качества международного и межгосударственного сотрудничества решение проблем вплоть до мирового масштаба во все большей степени предопределяется наличием у государства собственного экономического, политического, идейного, социального потенциала. Внесенные в марте 2020 г. в Конституцию РФ изменения стали своевременным откликом на востребованность в обществе всех выше-названных тенденций в их совокупности: укрепить государственные основы, суверенитет РФ, ее независимость, придать непреходящую ценность историко-культурному наследию страны, отдать должное ее опыту государственно-правового строительства. Таким образом, главным юридическим трендом последних лет мы бы назвали придание правотворчеству и правореализации ярко выраженной социально-ценностной направленности: право постепенно превращается в «ценностно-ориентированный социальный феномен» [Еникеев 2006: 46], что и предрекали российские правоведы еще в начале XXI в. Именно такой ценностью должна стать достоверность информации.

Итак, объективность и достоверность, столь необходимые качества информации для реализации информационных и иных прав индивида, в наши дни оказываются под постоянным давлением множественности стандартов, видоизменения действительности, размытости трактовок, двусмысленности интерпретаций, неточности слов, значений. Всякого рода отступления от истины под видом высказывания собственной точки зрения, информация, содержащая искаженные факты вплоть до публичной лжи, множатся и накапливаются возможностями цифровых

технологий. И никто не может предсказать, в какие потоки информации стекается подобное разнообразие неправды и как это может быть использовано со временем. Индивид все больше находится в окружении «умных технологий» бесконтактного характера, множества различных мультимедийных ресурсов, что ведет к значительному росту объемов собираемой, анализируемой и используемой информации и имеет своим следствием деградацию содержания конфиденциальности и приватности в их привычном понимании. Существование индивида становится все более «прозрачным» в том числе и по причине превращения данных в товар. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в условиях бума «умных технологий» индивид, пользуясь несомненными преимуществами современных технологий, тем не менее никоим образом не может повлиять на содержание собираемой о нем информации, проверки ее на достоверность и актуальность, на сам процесс сбора, хранения, распространения информации о нем. Поэтому проблемы обеспечения информационной безопасности становятся все актуальнее. Реальность такова, что в виртуальном пространстве, в пространстве информации индивид куда более уязвим и куда менее защищен. Причина в том, что оперирование информационными массивами осуществляется без опережающего технологического и юридического обеспечения, их проверки на предмет достоверности и актуальности и без обеспечения IT-безопасности. Широкое распространение недостоверности обусловлено в том числе резким снижением регулятивной роли морально-нравственных устоев. В такой ситуации необходимость активного вмешательства права – неизбежное следствие, равно как и различные варианты ограничения права индивида на свободу в сфере информации в целях обеспечения индивидуальной и общественной безопасности. Однако о качественном правовом регулировании можно вести речь лишь при наличии общепринятой правовой концепции, отражающей особенности формирования социальных, культурных, экономических отношений в киберпространстве, и разработанности четких правовых категорий, их отражающих. Одной из них должен стать принцип достоверности информации, имеющий универсальный и всеобъемлющий характер и включающий в себя все то, что отрицает элемент искусственности, подделки, модификации. Масштабность угроз недостоверности позволяет утверждать, что становление права индивида на достоверную информацию – вопрос ближайшей перспективы. Для полноценной реализации права индивида на достоверную информацию необходима целостная система механизмов – общественно-политических, социально-нравственных, правовых, информационно-технологических. На данный же момент наиболее продуктивными механизмами защиты от недостоверной информации являются право на удаление и правовой институт защиты от вредоносной информации («безопасность от информации»).

Литература

Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности: сб. науч. трудов / отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 143–157.

Амелин А. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458–462.

Антопольский А. А. Права человека в Интернете: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 159–185.

Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020.

Еникеев З. Д. Исследование проблем правовой защиты общечеловеческих ценностей как одна из важных задач российской юридической науки // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 45–49.

Камю А. Счастливая смерть: Роман, повести, пьеса. М. : ЭКСМО Пресс, 2000.

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей вузов по курсу «Общ. социология». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2004.

Конституция Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. (с изменениями, принятыми на референдумах 1996, 2004 и 2022 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.03.2023).

Пыхтина Т. Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодерна в трактовке познания // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 289–294.

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/13 от 01.07.2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: <https://www.refworld.org/ru/pdfid/57e9166b4.pdf> (дата обращения: 12.02.2023).

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.02.2023).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ от 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020а. № 3. С. 3–14.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные различия как источник конфликтов в современном мире // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Педагогика. Психология. Философия. 2020б. № 3(19). С. 83–91.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БОРЬБА ЗА НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Статья первая. Технологическое соперничество и гибридные войны*

Гринин А. Л.**

Настоящая работа состоит из двух взаимосвязанных статей. Тема борьбы за новый мировой порядок в настоящее время становится очень актуальной и популярной. Однако она едва ли не столь же широка и многоаспектна, как и Мир-Система, в рамках которой усиливается борьба за принципы сосуществования и развития, за то, какой будет международная жизнь в условиях множащегося числа быстрорастущих государств и сокращения роли Запада. Обычно в рамках этой темы исследуются внешнеполитические и политические аспекты, реже, но достаточно часто, – военные и экономические. В последнее время активно обсуждаются геополитические аспекты. Также данная научная и политическая проблема рассматривается в рамках глобалистики и глобализации, культурно-идеологического влияния, порой в рамках исследования роли глобальных сил (глобалистов). Однако технологические аспекты и измерения борьбы за новый мировой порядок, к сожалению, становятся объектом научного изучения значительно реже. Между тем технологии вседесуци, и они влияют буквально на все, во многом обуславливая то, кто станет лидером, кто сможет войти в число сил, определяющих фундаментальные принципы и институты нового мирового порядка. В целом в настоящей работе мы стремились показать связь между развитием технологических направлений и их влиянием на политический

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-11-00160 «Моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в XXI веке в контексте мировой динамики»).

Для цитирования: Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. Статья первая. Технологическое соперничество и гибридные войны // Век глобализации. 2024. № 1. С. 72–94. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.06.

For citation: Grinin A. L. Struggle for a New World Order: Technological Dimension. Article one. Technological Rivalry and Hybrid Warfare // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 72–94. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.06 (in Russian).

** Гринин Антон Леонидович – к. б. н., н. с. МГУ имени М. В. Ломоносова, г. н. с. Международного центра образования и социально-гуманитарных исследований. E-mail: algrinin@gmail.com.

Anton L. Grinin – Ph.D. in Biology, Research Fellow at Lomonosov Moscow State University, Senior Research Fellow at the International Center for Education and Social and Humanitarian Studies. E-mail: algrinin@gmail.com.

и внешнеполитический курс ведущих и иных держав, а также на направления борьбы за сохранение / изменение мирового порядка, колебание баланса сил.

В первой статье «Технологическое соперничество и гибридные войны» будет больше материала, связанного с общими идеями о путях влияния технологий на баланс сил и мировой порядок. Читатель увидит, как много аспектов внешнеполитической активности и игры связано с технологиями. Во второй части «Военно-космические, кибернетические и иные аспекты технологического соперничества» это влияние будет рассмотрено в аспектах разных и многочисленных технологических и связанных с ними направлений.

Ключевые слова: технология, информационные технологии, искусственный интеллект, военные технологии, космические технологии, БПЛА, технологическое соперничество, гибридные войны, тайные войны, информационные войны, разведка, мировой порядок, новый мировой порядок, баланс сил, геополитика, международные отношения.

STRUGGLE FOR A NEW WORLD ORDER: TECHNOLOGICAL DIMENSION

Article One. Technological Rivalry and Hybrid Warfare

This research consists of two interrelated articles. The struggle for a new world order is currently becoming very relevant and popular topic. However, it is nearly as broad and multifaceted as the World System, within which there is the intensification of the struggle for the principles of coexistence and development, for what international life will be like in the context of a growing number of rapidly growing states and a declining role of the West. Usually, foreign policy and political aspects are explored within the framework of this topic; less frequently military and economic issues are explored. Recently, geopolitical aspects have been actively discussed. This scientific and political problem is also considered within the framework of global studies and globalization, cultural and ideological influence, sometimes within the framework of the study of the role of global forces (globalists). However, the technological aspects and dimensions of the struggle for a new world order become the object of scientific study much less frequently. Meanwhile, technologies are omnipresent, affecting literally everything, and largely determining who will become a leader, who will be able to become one of the forces determining the fundamental principles and institutions of the new world order. In general, in this work we sought to show the connection between the development of technological trends and their influence on the political and foreign policy course of leading and other powers, as well as on the directions of the struggle to maintain/change the world order and to change the balance of power.

The first article “Technological Rivalry and Hybrid Warfare” will provide more information related to general ideas about how technology affects the balance of power and world order. The reader will see how many aspects of foreign policy activity and game are related to technology. The second article “Military-Space, Cybernetic and Other Aspects of Technological Rivalry” will consider this influence in terms of diverse and numerous technological and related areas.

Keywords: technology, information technology, artificial intelligence, military technology, space technology, UAVs, technological rivalry, hybrid warfare, secret wars, information wars, intelligence service, world order, new world order, balance of power, geopolitics, international relations.

Введение. Технологии и геополитика: кто владеет технологиями, тот владеет миром

Тема борьбы за новый мировой порядок в настоящее время становится очень актуальной и популярной. Однако она едва ли не столь же широка и многоаспектна, как и Мир-Система, в рамках которой усиливается борьба за принципы сосуществования и развития, за то, какой будет международная жизнь в условиях множасьего числа быстрорастущих государств и сокращения роли Запада. Обычно в рамках этой темы исследуются внешнеполитические и политические аспекты, реже, но достаточно часто, – военные и экономические. В последнее время активно обсуждаются геополитические аспекты. Также данная научная и политическая проблема рассматривается в рамках глобалистики и глобализации, культурно-идеологического влияния, порой в рамках исследования роли глобальных сил (глобалистов). Однако технологические аспекты и измерения борьбы за новый мировой порядок, к сожалению, становятся объектом научного изучения значительно реже. Между тем технологии вездесущи, и они влияют буквально на все, во многом обуславливая то, кто станет лидером, кто сможет войти в число сил, определяющих фундаментальные принципы и институты нового мирового порядка.

Да, технологии обычно не определяют ежедневные изменения в международной жизни и даже не всегда оказывают решающее воздействие на те или иные тренды (например, финансы в определенных областях могут оказаться важнее). Однако именно технологии играют очень важную, часто определяющую роль в изменении баланса сил. А такое изменение рано или поздно трансформируется в изменение роли тех или иных стран и союзов на мировой арене. Но технологии во многом определяют ежедневную явную и тайную дипломатию, различную иную деятельность, влияют на внутриполитические и стратегические планы и т. д. и т. п. Об этом и пойдет речь в настоящей работе.

Статья названа «Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение». В такой борьбе необходимо выявить несколько уровней и направлений. Во-первых, это постоянная деятельность по использованию технологий к собственной выгоде; во-вторых, планирование развития технологий в самых разных сферах применения; в-третьих, анализ технологий и планов оппонентов, противников и союзников. В-четвертых, это технологический базис и оценка технологических возможностей перед каким-то решительным шагом, каким было, например, начало СВО для России. Довольно часто такая оценка оказывается далеко не полностью адекватной ситуации и реальным фактам. В этом случае развитие технологий может идти очень быстро.

Говоря об уровнях, на которых можно проследить влияние технологий на политику и баланс сил, мы должны понимать, что таких уровней можно выделить по крайней мере семь-восемь, от использования технологий агентами (скажем, разведчиками, контрразведчиками, военными, функционерами и т. п.) до глобальных уровней, когда технологии влияют на ситуацию в мире или в регионе. Обычные, низовые уровни – это постоянный поток деятельности, связанной с технологией (он еще будет описан), выше них – учет технологических трендов и соответствующее планирование. Все это накапливает как реальные, так и потенциальные (которые проявятся в особых обстоятельствах соперничества и столкновений)

проблемы или преимущества, отставание или лидерство. Условно это можно назвать уровнем поддержания баланса и накопления изменений. Таким образом, все это готовит возможность изменения баланса сил. Именно этот процесс, дойдя до определенной стадии, ведет к началу борьбы за изменение мирового порядка. Именно объем накопленных позитивных изменений дает шанс для выхода в лидеры, тогда как объем накопленных негативных изменений ведет к потере позиций. Смена мирового порядка – нечастый процесс, он происходит раз в несколько десятилетий. Роль в нем накопленных и потенциальных технологических инноваций и преимуществ исключительно велика, притом далеко не только в военной сфере. В 1980-е гг. СССР имел паритет с США в военной отрасли, а в чем-то даже опережал соперника. Однако его отставание в ИКТ, других технологиях оказалось фатальным, так как Советский Союз не смог решить важнейшие экономические задачи, что стало одним из главных факторов внутреннего кризиса и развала страны.

Таким образом, на первый план могут выходить разные технологии. Учить это, вовремя внедрить, опередить соперников – это важнейшая стратегия и путь к успеху.

Кибернетическая революция и ее возможности. В настоящий момент развитие технологий определяется продолжающейся кибернетической революцией. *Кибернетическая революция – это фундаментальный переход от индустриального принципа производства к производству услуг и товаров на базе широкого внедрения самоуправляемых систем, то есть систем, способных не просто функционировать в отсутствие (или при минимальном участии) людей, но и самостоятельно принимать сложные решения* [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б; 2023; 2024; Grinin L. E., Grinin A. L. 2016; 2023; Grinin et al. 2017а; 2017б; 2020; 2021; 2024]. О кибернетической революции мы писали и на страницах настоящего журнала [Гринин 2019; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022а].

Кибернетической данная революция названа потому, что в ее результате произойдут глубокие изменения не только в управлении производством, но и во всех других сферах жизни на основе широкого внедрения самоуправляемых систем. А кибернетика – это наука, занимающаяся такими системами.

Кибернетическая революция прошла начальную фазу (1950–1970-е гг.), в которой были сформированы информационные технологии¹, и в настоящее время завершает прохождение средней – модернизационной – фазы (1980–2020-е гг.). Соответственно, наиболее важной частью развития технологий являются в настоящий момент информационно-цифровые технологии, которые выступают как составная часть большинства других технологических направлений. Эта диффузия информационно-цифровых и коммуникационных технологий в последнее время приобрела огромный масштаб за счет различных форм искусственного интеллекта (нейросетей, технологий дистанционного контакта, лингвистических систем, систем распознавания лиц, мониторинга геолокации и передвижений людей, определения предпочтений и мн. др.). Искусственный интеллект (ИИ) является

¹ О начальной фазе кибернетической революции, которая получила название научно-технической, см., например: [Bernal 1965; Automation... 1962; Benson, Lloyd 1983; Sylvester, Klotz 1983; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б].

и будет оставаться неотъемлемой частью многих самоуправляемых систем, подобно тому как электродвигатель является неотъемлемой частью многих машин.

МАНБРИК-комплекс, или МАНБРИК-конвергенция. МАНБРИК – аббревиатура, образованная от начальных букв семи ведущих областей: медицина, аддитивные, нано-, био-, робото-, инфо-, когнитивные технологии². Эти технологические области тесно взаимодействуют и будут продолжать поддерживать друг друга³. Подробнее о развитии направлений МАНБРИК см.: [Гринин 2021; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021a: Приложение].

Мы также показывали, что в 2030-х гг. шестой технологический уклад и кибернетическая революция сольются в одну мощную технологическую волну. Ведущими инновационными направлениями как кибернетической революции (ее завершающей волны), так и шестого технологического уклада станут МАНБРИК-технологии.

Технологии: безграничные возможности и безграничные опасности. Очень важно подчеркнуть, что мы быстро приближаемся к началу того, что можно назвать эпохой самоуправляемых систем, то есть систем, способных не просто функционировать в отсутствие (или при минимальном участии) людей, но и самостоятельно принимать сложные решения. Этот переход уже начался и будет продолжаться вплоть до 2070-х гг.

В последнее время искусственный интеллект все активнее влияет на социальные, контрольно-надзорные и даже административные отношения. В настоящий момент именно информационно-цифровые технологии демонстрируют наиболее яркие примеры развития самоуправляемых систем (анализ различных аспектов ИИ см.: [Гринин и др. 2023a; 2023б]).

Важно отметить, что благодаря такому быстрому развитию технологии искусственного интеллекта представляют собой главный вызов для человечества [Singularity... 2012]. С тех пор как об этом заговорили, коммуникационные технологии, технологии анализа данных и наблюдения продвинулись очень значительно, даже радикально. В результате проблема стала еще более актуальной. Анализу различных ее аспектов в настоящем и будущем уже посвящен целый ряд работ [см., например: Westin 1966; Ashman *et al.* 2014; Cecere *et al.* 2015; Moustaka *et al.* 2019; Schwartz 1999; Solove 2008; Brammer *et al.* 2020; Alharbi 2020].

Технологии сегодня развиваются очень быстро. Но мы полагаем, что скорость технологического прогресса неизбежно еще увеличится на завершающей фазе кибернетической революции (то есть относительно скоро). При этом, независимо от того, в каких областях начнутся мощные технологические прорывы, они так или иначе приведут к формированию и широкому внедрению самоуправляемых систем. Но увеличение скорости технологических изменений неизбежно несет опасности и угрозы как в отношении ИИ, так и в области военных технологий.

² Порядок букв в аббревиатуре не отражает нашего понимания относительной важности областей комплекса. Например, биотехнологии будут важнее нанотехнологий, не говоря уже об аддитивном производстве. Порядок определяется просто удобством произношения.

³ Это очень наглядно проявилось в период пандемии COVID-19. Примеры растущей взаимозависимости медицины, биотехнологий, информационных технологий, аддитивных технологий и нанотехнологий см.: [Choong *et al.* 2020; Chauhan *et al.* 2020; Palestino *et al.* 2020; Tang *et al.* 2021; Weiss *et al.* 2020].

Завершая это введение, нельзя не сказать, что, на наш взгляд, систематических исследований о будущем развитии технологий и их влиянии на общество сейчас недостаточно⁴. Анализ глубины этих исследований см. подробнее: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2023; 2024; Grinin L., Grinin A. 2023; Grinin *et al.* 2024]. Но еще меньше исследований, которые связывают развитие будущих технологий с изменениями мирового порядка, то есть рассматривают борьбу за новый мировой порядок в технологическом аспекте⁵. Точнее, об этом довольно много говорят в публицистике, новостных обзорах и комментариях блогеров в соцсетях, однако непростительно мало – в общественной и политической науке. Между тем технологические инновации оказывают колоссальное влияние как на баланс сил в мире в целом, так и на военный баланс сил в частности. Об этом мы и будем подробно говорить. Отметим, что нельзя обойти вниманием идею о превентивном овладении наиболее важными направлениями шестого технологического уклада, которую разрабатывали в отечественной науке [Садовничий и др. 2012; Глазьев 2010] и которая даже вошла в политический лексикон, в том числе президента. Однако крайне важно понимать, что является ядром этого уклада (о дискуссиях по данному поводу и на тему ведущих технологий будущего см., например: [Рифкин 2015; Фюкс 2016; Шваб 2022; Fukuyama 2002; Nefiodow 2017; Lynch 2004; Bainbridge, Roco 2005; Dator 2006; Ковальчук 2011; Jotterand 2008]).

1. Системные связи: технология – внешняя и внутренняя политика, геополитика

Развитие технологий и изменение политических целей. С опорой на вышеуказанные и другие идеи, разработанные Л. Е. Грининым и частично автором настоящей статьи [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin *et al.* 2024], в данной работе будут показаны: а) связь между развитием технологических направлений и их влиянием на внутри- и внешнеполитический курс ведущих и иных держав; б) влияние технологий на выбор направлений борьбы за сохранение / смену мирового порядка, изменение баланса сил.

Станислав Лем [1968] справедливо отметил, что чем эффективнее технологии выполняют задачи, для которых созданы, тем сильнее они обесценивают важность этих задач. Это глубокая мысль, она объясняет многие связи в обществе в плане влияния на него технологий. В частности, чем эффективнее технологии решают те или иные задачи, тем сильнее они меняют общество, его моральный и правовой уклад, последствия чего мы начнем осознавать гораздо позже.

⁴ Большинство исследований связано с прогнозами развития некоторых крупных областей, таких как био-, нано- и информационные технологии [см., например: Venkatesh *et al.* 2003; Ressoud 2016], или новых кластеров, таких как зеленая энергетика, наномедицина [Moghimi 2005], клонирование [Gurdon, Colman 1999] или нанороботы [Mallouk, Sen 2009].

⁵ Разумеется, есть такие работы, как книги К. Шваба и его соавторов [Шваб 2022; Schwab, Malleret 2020]. Но это отдельная история, поскольку люди, возглавляющие или обслуживающие тех, кого мы называем глобалистами, и уже представившие проект нового мирового порядка, также активно работают в направлении захвата власти в мире и внедрения этого порядка. На страницах журнала «Век глобализации» мы подробно писали о попытках произвести так называемую глобалистскую революцию [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 20216; 20226].

Используя эту мысль для объяснения изменения мирового порядка (и соответственно геополитики, внешнеполитических и связанных с ними задач и стратегий), можно обозначить следующие важные идеи:

1) чем больше возможностей появляется у технологий, тем сильнее желание геополитических акторов использовать эти технологии для собственных целей: военных, внешнеполитических, разведывательных и иных. Так, до появления беспилотников уничтожение противников, находящихся вне пределов доступа, осуществлялось старыми средствами (образно говоря, кинжалом и ядом, но чаще путем подкладки бомб или с помощью управляемой автомобильной катастрофы), то есть достаточно сложными, дорогими и опасными для исполнителей способами. То же касается и санкций на финансовые операции, которые стало намного легче осуществлять с появлением глобальной сети оптоволоконных кабелей (см. ниже). Когда платежи шли по телетайпу, все было намного сложнее.

2) Внедрение эффективных технологий существенно изменяет не только внешнеполитические возможности (внешнеэкономические, военные), но и сами эти отношения, как межгосударственные, так и внутригосударственные, а также между различными акторами. Изменяется также баланс сил. До того как появилась возможность с помощью современных средств ИТК и ИИ следить (прослушивать, контролировать, отслеживать их финансовые операции через оптоволоконные кабели и т. п.) за политическими лидерами, европейские политики были гораздо более независимыми от США⁶. Вспомним, что еще в 2003 г. Франция и Германия отказались поддержать США в их агрессии против Ирака. Чем более европейские и иные политики оказывались «под колпаком» АНБ, тем стоворчивее и послушнее становились. Разумеется, мы не утверждаем, что технологии прослушивания и контроля сыграли определяющую роль в такой трансформации (этому было много причин, исследовать которые в настоящей статье нет возможности), но указанная корреляция вполне очевидна. И такую связь можно проследить в отношении целого ряда технологий. Это, к примеру, так называемые вторичные санкции против банков и корпораций, которые сотрудничают с Россией, поскольку несложно как отследить их отношения, так и ввести против них ограничения. Без соответствующего развития технологий по смене пола, естественно, роль трансгендеров в общественной и международной жизни не была бы столь высокой.

3) Появляются искушение, стратегия, желание: а) расширить применение такой технологии; б) усилить и, по возможности, увековечить отрыв в такой техно-

⁶ США имеют возможность контролировать не только огромную часть финансовых потоков в мире, но и основную часть финансовой информации. Дело в том, что большинство мировых оптоволоконных кабелей, по которым данные и финансовые сообщения передаются по всей планете, проходят через Соединенные Штаты. И там, где эти кабели выходят на берег США, Вашингтон практически контролирует их трафик. Во всех тех местах, где оптоволоконные кабели выходят на американскую территорию, правительство США установило «сплиттеры»: призмы, которые делят лучи света, несущие информацию, на два потока. Один поток направляется предполагаемым получателям, а другой – в АНБ, что позволяет последнему видеть все проходящие данные. Об этом, а также о других источниках финансовой мировой власти США подробно рассказывается в книге Г. Фаррелла и А. Ньюмана «Подпольная империя: Как Америка превратила мировую экономику в оружие» [Farrell, Newman 2023]. Таким образом, по словам авторов, Вашингтон медленно, но верно превратил расширяющиеся мировые экономические сети в инструменты собственного доминирования.

логии, чтобы пользоваться ею возможно дольше, не позволяя использовать ее против себя. Сегодня мы видим это в отношении санкций и запретов на поставки чипов в КНР.

4) Соответственно, начинается мощная конкуренция за лидерство в той или иной ведущей технологической сфере. В период двуполярного мира мы видели это, в частности, на примере борьбы ядерных и ракетных технологий (последняя, впрочем, активно продолжается и сегодня).

5) Наконец (но не последнее), чем активнее внедряются в жизнь соответствующие новые технологии, тем обширнее могут быть возможности и, соответственно, тем больше желание изменить внутреннюю и внешнюю политику, институты и т. п.: а) для подрыва прав и свобод (сегодня это становится уже обычным выводом в отношении ИИ, который неустанно следит за всеми); б) изменения общественных отношений; в) смены ценностей и т. п. (плюс навязывания новых ценностей, если это входит в стратегию влияния на другие страны).

Технологические волны. Как мы уже говорили, появление новых технологий может происходить в рамках технологических революций и волн. Количество и потенции новых технологий в этом случае резко возрастают, а вместе с этим возрастают и ожидания от технологий. Это существенно влияет на отношение к технологическому развитию, планирование и изменение стратегий.

Чем сильнее технологическая волна, чем больше технологических и связанных с ними инноваций, чем плотнее идут инновации, тем более ожесточенной может быть борьба за их использование в описанных выше и иных целях. И тем более резкими могут быть колебания баланса сил. Этот пункт особенно существенен в аспекте указанной выше завершающей фазы кибернетической революции и шестого технологического уклада (то есть новой технологической волны). Как часто образно говорят, кто оседлает эту волну, тот получит наибольшие дивиденды.

Но имеется и обратная связь. В случае резкого обострения конкуренции, усиления технологической гонки (каковая сегодня, например, идет в области ИИ) и тем более прямого военного столкновения плотность решающих инноваций может резко возрастать. Соответственно, наблюдается прямая связь между борьбой за изменение мирового порядка и инновациями (см. ниже о БПЛА).

Отсюда становится ясно, что любое технологическое преимущество используется либо может использоваться в подходящем случае – особенно в период обострения борьбы – либо для поддержания своего положения, либо для его изменения. *И тот, кто лучше, быстрее и эффективнее его использует, и получит преимущество.*

Чем более развиты технологии в разных сферах, чем плотнее технологическая волна, тем сильнее одни технологии могут влиять на другие даже в далеко не смежных сферах, создавая новые технологические симбиозы, которые способны дать неожиданный и мощный импульс. При этом влияние одних технологий может повлиять на крайне важные для военных и геополитических целей сферы и производства. Быстрое развитие отрасли сжиженного газа вдруг оказывается очень важным для космической сферы. Так, в современной космической гонке идет модернизация двигателей. При этом российские космические руководители хотят сменить (или, по крайней мере, диверсифицировать) вид космического топлива. «Тот вид горючего, который там предполагается использовать, – сжижен-

ный природный газ – имеет лучшие характеристики для полетов возвращаемой ступени, и цикл подготовки значительно ниже, чем, скажем, у ракет, которые используют классические компоненты ракетного топлива», – объясняет, например, глава Роскосмоса Юрий Борисов [Юрий... 2024].

Естественно, что развитие технологий и развитие экономики, а также поощрение (поддержка, возможность иметь политическую опору и т. п.) очень тесно связаны. Недаром развитие военных технологий всегда было очень важной частью промышленно-экономической политики государства и его международной экономической политики. Сегодня мы наблюдаем, как военные действия на Украине влияют на экономический (и технологический) рост в РФ и США, а также – хотя и в меньшей степени – на европейскую промышленность. Развитие Ираном военной промышленности помогает ему переживать санкции. Таким образом, зачастую крупные военные программы на самом деле оказываются замаскированной политикой стимулирования промышленности; ярким примером этому служит стратегическая оборонная инициатива Рональда Рейгана «Звездные войны». Аналогом этого является план Комиссии ЕС по значительному увеличению инвестиций в оружейную промышленность [Дель Корно 2024]. Очевидно, что экономические возможности и объем ВВП – это всегда мощное оружие в международной политике (см. ниже).

Таким образом, связь между технологиями и борьбой за новый мировой порядок (а также за удержание старого) очень тесная, а иногда (но далеко не всегда) и достаточно очевидная. Однако в принципе любая технология может стать орудием политической борьбы, в том числе за мировой порядок.

Медицина. Рассмотрим это на примере медицины. Казалось бы, как может медицина быть орудием политической борьбы, и тем более борьбы за мировую гегемонию? Однако может. Ранее для этого использовали психиатрию и соответствующие фармацевтические разработки, активно используют и сегодня. В годы войны на людях ставили медицинские опыты. Но все это бледнеет перед могуществом глобалистов, левых, медицинской и фармацевтической мафии («Большой фармы»). Операции по смене пола стали масштабным способом влияния на общество. Трансгендеры проникают везде, претендуя на лучшие места, в том числе и в руководстве армией, внешней политикой и т. п. [Donnelly 2023]. Медицина давно идет по пути увеличения власти врачей, медицинской диктатуры. Ковид показал, что она может использоваться для попыток установить мировую гегемонию [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021б; 2022б; Grinin *et al.* 2024: Ch. 14; о медиализации см.: Conrad 1992; 2005; Ilich 1975; Юдин 2008; Moynihan *et al.* 2008; Blasco-Fontecilla 2014; Grinin *et al.* 2024: Ch. 8, 9]. Ковид также показал остроту соперничества за биомедицинские технологии, в частности антиковидные вакцины (при этом российский «Спутник» всячески третировался). Наконец, представьте ситуацию, когда санкции будут наложены на поставку лекарств (с учетом направления, в котором движется мир, это вполне возможно). Являясь абсолютно недопустимой и антигуманной, эта мера, однако, могла бы оказать исключительно сильное влияние на соперников. Естественно, что в случае широкомасштабных военных действий такая мера частично может быть реализована. Наконец, биотехнологии, медицина и биооружие становятся все более плотно связанными. Пример с коронавирусом, когда SARS-CoV-2 оказался выпущен из секретной лаборатории в Ухани, во всей полноте доказал это. При этом ярко обрисовалась

и обратная связь. Именно ковид на время вывел медицину в центр общественной жизни, дал ей довольно сильный импульс к развитию и, по нашему мнению, это ускорило наступление завершающей фазы кибернетической революции [Grinin *et al.* 2021]. Наконец, медицина – это влияние на ВОЗ и другие международные организации, с помощью которых можно существенно усилить свое влияние и на оппонентов, и на другие страны, например африканские⁷. Медицина – это также возможность использовать фальшивые, или фейковые, технологии, особенно вакцины, но также хирургические и иные медикаментозные воздействия (в том числе операции по смене пола). Это и влияние, и огромные средства, и возможность увеличить вес своих фармацевтических компаний, и способ воздействия на подрастающее поколение в разных странах, и многое другое. Медицина – это и сильное влияние на демографию, начиная с евгенических практик и заканчивая развитием эвтаназии (о последней см.: [Grinin *et al.* 2024: ch. 7])⁸. Можно вспомнить о внедрении противозачаточных технологий, которое продолжается уже 60 лет или даже больше. При этом иногда использовались весьма варварские методы химической или физической кастрации.

Неэффективные технологии. Мы сказали о сфальсифицированных, фейковых технологиях. К ним же следует отнести и неэффективные, но активно навязываемые. Таким образом, развитие определенных технологий может оказывать негативное влияние на общество, особенно если их продвижение проводится искусственно, вопреки показателям эффективности. В советское время многие сельскохозяйственные технологии не давали нужного эффекта из-за идеологических установок на коллективное сельское хозяйство, а порой и вели к падению продуктивности.

Мы писали в 2021 г.: «Длительное время действовало правило – кто впереди по технологиям, производительности труда, объему производства, темпам роста, динамичности, тот и лидер, на ту систему и надо равняться. Смена лидера вызывала очень серьезные изменения в Мир-Системе, это получило название “циклы гегемонов” [Арриги 2006; 2009; Модельски 2005; Модельски, Томпсон 1992; Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Chase-Dunn, Podobnik 1995]. И социализм потерпел поражение в соревновании с капитализмом именно по причине отставания от последнего в технологиях, что привело к резкому снижению темпов роста. В настоящее время эти параметры лидерства у Запада ослабевают. В ре-

⁷ Есть авторитетные высказывания о том, что раздувание истерии вокруг СПИДа в Африке служит главным образом интересам фармацевтических компаний, а также расширению влияния на африканские страны. Дорогие лекарства далеко не всегда нужны. Французский доктор Люк Монтанье – лауреат Нобелевской премии по медицине 2008 г. за открытие вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) – высказался за питание и микроэлементы в борьбе с ВИЧ. Он поясняет, почему пренебрегают более простыми, естественными и дешевыми методами. Люди всегда думают о лекарствах и вакцинах, потому что на правильном питании заработать сложнее [HIV/AIDS... 2017]. О том, как раздувают истерию и стараются преувеличить число зараженных СПИДом в Африке, открыто рассказал в своей автобиографии Кэри Муллис – американский биохимик, создатель метода ПЦР, лауреат Нобелевской премии по химии 1993 г. [Mullis 2000].

⁸ Число умерших посредством эвтаназии в Канаде в 2022 г. достигло 13 500 человек, процент таких смертей в общей численности всех смертей составил 4,1 %, а в Квебеке даже 7 % [Reinl 2023]. Это уже серьезно. Практика добровольного ухода из жизни растет количественно и распространяется на новые группы населения.

зультате без ориентира на рост их общества ожидает глубокий внутренний кризис. Сначала он затронет (и уже очень существенно затрагивает) европейские общества. А если США так же будут жертвовать эффективностью ради идеологии, то, безусловно, затронет и США» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021в].

Для объяснения вышесказанного следует вспомнить, что теперь происходят удивительные вещи. Используя всю свою мощь, государства и надгосударственные организации внедряют зеленые электрические технологии и транспорт, которые явно уступают по производительности существующим. Внедряют по идеологическим соображениям, за которыми стоят гигантские финансовые интересы. Однако отметим: именно финансовые, а не производственные и экономические [Там же]. Понятно, что совсем непросто внедрять менее эффективные технологии. Для того чтобы удержать эти тренды, пытаются перекроить идеологию в разных странах и создать мировую идеологию (насадив ряд новых мифологем), а также трансформировать национальные цели государств (и соответственно их суверенитет), прежде всего их экономическую политику, заставляя, в частности, искусственно развивать дорогостоящую и неэффективную возобновляемую энергетику, производство электромобилей и пр. Но с эффективностью технологий спорить очень трудно. И, вполне вероятно, все триллионы долларов мировых финансистов и политиков окажутся бессильными перед упрямыми фактами слабой эффективности зеленых технологий.

Таким образом, попытки внедрить менее эффективные технологии по неэкономическим причинам могут существенно сказаться на устойчивости обществ и соответственно повлиять на баланс сил. То, что определенные технологии и связанные с ними проекты могут уничтожить общество, известно еще с далеких времен Древнего Египта, оставившего восхищающие нас фантастические по тем временам сооружения. Однако строительство гигантских пирамид фараонов IV династии Хеопса, Хефрена и Микерина (XXVII–XXVI вв. до н. э.) привело к истощению страны и, по некоторым сведениям, к восстаниям. Поэтому пирамида первого фараона новой V династии была уже намного меньше. Кроме того, продвижение этих технологий очень тесно связано с социальными фильтрами и лифтами, в результате чего принцип меритократии (оценки по личным и профессиональным качествам) перестает действовать, что ведет к деградации общества, военного, государственного и в целом управленческого слоя, а значит, и к ослаблению способности к борьбе за мировой порядок. «Эта гниль распространилась даже на западные оборонные ведомства и разведывательные службы. Одержимость НАТО и вооруженных сил США борьбой с изменением климата и белым национализмом граничит с безумием в то время, когда растет массовая обеспокоенность падением их боевых возможностей, начиная от снижения качества самих войск и заканчивая ухудшением военно-промышленной базы, которая их поддерживает», – с негодованием пишет искренний патриот США, который еще верит, что упадок Америки не является необратимым процессом [Kotkin 2024].

Демографические изменения. Помимо того, что выше сказано о влиянии медицинских технологий на демографию, можно также проследить влияние технологий на изменения в семейной структуре, поколенческие изменения, взаимоотношения между полами (феминистское движение) и др., что непосредственно или опосредованно влияет на политические пристрастия, итоги голосований и пр.

Так, поколенческий аспект влияет на мировоззрение, а это политические взгляды и выборы, которые (особенно если это выборы в США) могут изменить очень многое в мире и мировом порядке. Мы надеемся сделать отдельное исследование о демографическом аспекте борьбы за мировой порядок, но здесь он упоминается только в общем ряду технологических влияний⁹. Влияние контрацептивных технологий в настоящее время привело к очень сильному (в ряде стран просто катастрофическому) снижению рождаемости, что ведет к депопуляции и сильному сокращению доли молодежи. Мы уже много писали об этом (наиболее полно см.: [Grinin *et al.* 2024]), и в настоящей статье не станем повторяться. Однако ситуация, когда в странах глобального Юга, особенно в Африке, население растет очень быстро (соответственно, оно молодое), а в странах глобального Севера — начинает сокращаться, ведет к необратимым изменениям. Отсюда усиливается опасность формирования нового баланса сил и влияния его на мировой порядок, о чем часто говорят как о потенциальной борьбе между молодым Югом и стареющим Севером (Западом) [Фукуяма 2004; Powell, Khan 2013; Goldstone 2015; Goldstone *et al.* 2015; Haas 2015; Zimmer 2016; Bengtson 2018; Fichtner 2018]. В своем исследовании мы представили несколько (до семи) сценариев развития Мир-Системы в связи с потенциальными демографическими трендами [Grinin *et al.* 2024: Ch. 7]. Россия также входит в число стран, где началась депопуляция, и это очень серьезная и нарастающая слабость в усиливающейся борьбе за новый мировой порядок.

2. Технологии в информационных, тайных и гибридных войнах

Выскажем несколько важных идей, которые должны показать гораздо более важную роль технологий в геополитической и иной борьбе. Надо помнить, что, хотя мы живем в очень технологичном обществе, однако в дальнейшем этот процесс будет только развиваться и технологии опутают наши самые рутинные действия, преломляя наше поведение через свои технические особенности. И в области управления, администрирования и взаимоотношений правительств и населения роль технологий возрастет неимоверно. Соответственно, почти нет сферы, где роль технологий не росла бы сегодня и тем более в перспективе.

2.1. Тайные, информационная и пропагандистские войны

Технологии как способ внедрения, укрепления и развития агентуры и агентов влияния и борьба с чужим. Нет смысла говорить о важности агентур-

⁹ Например, общепризнано, что влияние на так называемое поколение Z (или зумеров) информационных технологий колоссально, в итоге среди этого поколения усилились пессимизм и «экзистенциальное одиночество» [Серебряный 2024а], что ведет к изменению политических взглядов. Пишут и о сильных изменениях у зумеров, также связанных с технологиями и в результате с изменением образа жизни в отношении к собственности, материальным благам и прочему, а также об их инфантильности [Его же 2024в], которая снижает их экономическую активность. Все это может существенно влиять на политическую повестку и в США, и в других странах. Благодаря развитию информационных технологий (и, естественно, активизации феминистских движений) резко усилился, если можно так выразиться, политический половой диморфизм, в результате которого все больше женщин в США склоняются к левым взглядам и, следовательно, поддерживают демократическую партию, а мужчины все чаще придерживаются консервативных взглядов, соответственно поддерживая республиканскую партию, в том числе и Д. Трампа [см.: Серебряный 2024б].

ной борьбы государств и в мирное, и тем более в военное время. Здесь мы только укажем на военно-промышленный шпионаж, который существовал всегда и роль которого трудно переоценить для СССР, современного Китая, а также для других стран. Для поддержания своей агентуры государства используют самые разные способы передачи денег, не подлежащих идентификации (в настоящее время – криптовалюта), информации, деструктивных средств, оружия и т. п. для различных НКО, подготовки подрывных элементов. Перевороты и цветные революции проводятся не только с помощью организационно-политических технологий, но всегда также и с помощью технических. Любая инновация, которая облегчает развитие таких агентур, может стать решающей.

Информационная и пропагандистские войны – это сочетание психологических, культурных, интеллектуальных и технических технологий. С помощью радио США очень значительно повлияли на умы советских людей. Сегодня возможности создавать фейки, цензурировать, искажать смыслы через поисковики, социальные сети оказывают непрерывное воздействие как на свою аудиторию, так и на чужую. Например, во время таких инцидентов, как сбитие пассажирского малайзийского самолета в 2014 г., для «доказательств» причастности к этому России использовались самые различные фейковые снимки и т. п. Сегодня и Россия, и Украина ведут очень агрессивную информационную войну, пожалуй, войну нового типа, когда целенаправленный поток информации предназначен одновременно и для собственного, и для вражеского населения (за счет общего языка и культуры). По мнению некоторых аналитиков, Россия имеет в этом преимущество, поскольку в ходе СВО первой поняла это и сделала главным инструментом пропаганды сотни телеграм-каналов, каждый из которых ориентирован на свою аудиторию. Естественно, что в основе такой возможности лежит особая IT-технология; при этом можно вспомнить, что не так давно Роскомнадзор пытался закрыть Telegram.

Влияние на собственное население. Это, казалось бы, внутреннее дело, однако чем сильнее режим может влиять на собственное население в нужном ему ключе, тем крепче его тыл в геополитической борьбе¹⁰. Ведь в жестоком соперничестве и тем более войне тыл и фронт – это одно целое. В частности, развитие информационных технологий дает нам отличную позицию для наблюдений за тем, как эти технологии используются в целях укрепления режима¹¹, прежде всего внутри обществ. Но с момента их появления, уже с началом книгопечатания, они стали и орудием международной борьбы, в том числе в виде печатания фальшивых денег.

¹⁰ Неудивительно, что радио очень быстро было внедрено в 1920–1930-е гг. в СССР, Германии и других странах. И если в США радио в это время прежде всего было развлекательным коммерческим предприятием, то в СССР – мощнейшим средством влияния. То же касается и кино, которое В. И. Ленин недаром называл важнейшим искусством. Нет нужды говорить о роли телевидения и других средств информации. В то же время магнитофоны оказались разрушительным техническим средством для СССР, так как чужая музыкальная культура прорывалась в страну именно через эту технологию.

¹¹ Большую роль играют информационные технологии в революциях, в том числе и в современный период [см.: Гринин 2017; Grinin 2022]. А поскольку в последние десятилетия США стали чрезвычайно активно влиять на другие страны путем цветных революций, это, конечно, крайне немаловажно. Например, революционный эпизод в Молдове был назван «твиттерной революцией» [Tkachuk *et al.* 2022].

2.2. Гибридная война как непрерывное и многоаспектное технологическое противостояние и соперничество

Технологии непрерывно оттачиваются и совершенствуются в самых разных сферах. Гибридная война – это перманентное состояние в геополитическом противостоянии, она идет на всех уровнях и во всех сферах. В условиях гибридных войн могут быть использованы любые технологии, в том числе и комбинированные (например, пропагандистские и технические, новый искусственный интеллект – прекрасный тому пример). С 1990-х гг. спецслужбы активно используют интернет-технологии, в том числе вирусы, обвиняя в их распространении мифических хакеров. Применение цифровых технологий стало настолько массовым, что сложно даже указать область, где они не используются для гибридной войны.

Цензура с помощью специальных алгоритмов – очень показательный пример, когда такие технологии используются и внутри государства, и для борьбы с другими странами, и для собственной защиты в этой борьбе. Информационные технологии, как уже сказано, в сочетании с иными – реальная возможность организации цветных революций. **Таким образом, мы видим симбиоз различных технологий и целей. А технологические инновации действуют в комплексе с технологиями иной природы, образуя инновационную комбинированную технологию.** Хотя журналистика всегда служила большому бизнесу, правительствам или иным силам, возникновение цифрового формата и большие потери в плане рекламы (ранее СМИ были основной рекламной площадкой) ведут к еще большей ее зависимости [Farhi 2024].

Гибридная война – это использование технологий в финансовой сфере, в анализе информации, в слежке за теми или иными заметными людьми с целью заставить их служить своим интересам, это отслеживание научных или иных достижений, скупка технологических предприятий и многое-многое другое, включая диверсии, поддержку оппозиции, террористических групп. Это также дезинформация и фейковые новости, проведение информационных и пропагандистских кампаний (вспомним кампанию со Скрипалями или обвинение Д. Трампа в связях с Россией). Это также цветные революции, для проведения которых, как мы видели, необходимы технологии [Манойло 2015]. Наиболее опасна гибридная война – конечно, в сочетании с ведением реальной войны или активной поддержкой противной воюющей стороны. Именно такая война развернулась с 2022 г. В ней интенсивно применяются разнообразные технические средства, включая спутники, средства связи, военно-воздушную разведку и прямые поставки вооружения. Однако нередко гибридная война ведется вообще без каких-либо военных действий [Marton 2018]. Она просто является формой сосуществования конфликтующих и соперничающих государств. Гибридная война также может быть реальной прокси-войной или «войной по доверенности нового типа» [Кашин, Сушенцов 2023], которую сейчас и ведут в отношении России США, а также европейские страны на Украине.

Таким образом, **участие технических технологий в борьбе за изменение баланса сил и за новый мировой порядок:** а) начинается с самых, казалось бы, малозначительных вещей; б) состоит в поддержании статус-кво; в) расширяется до мир-системных масштабов, и – что особенно важно – **оно гораздо шире, чем обычное представление о соперничестве в области вооружений. При этом**

многие изменения являются вторичными, третичными и далее в отношении первичных целей тех, кто начинал их или задумывал. И это очень важно, так как цепочка последствий у технологических изменений очень длинная, при этом постоянно формируются новые звенья (то есть новые последствия, о которых никто не думал и которые никто не мог предсказать)¹².

3. Технологии и международные отношения

3.1. Технологии в международных делах действуют в режиме нон-стоп

Поскольку международные отношения есть непрерывный процесс сосуществования государств и их агентов (а также их частей, регионов и т. п.), постольку соперничество, борьба, комбинирование и прочее всегда есть часть процесса этого сосуществования. А следовательно, конкуренция, слежка, шпионаж, дезинформация, те или иные кампании, попытки навредить и прочее имеют место всегда, ежедневно и ежечасно. И это неизбежно происходит с помощью технологий, а часто (поскольку не хватает людей, возможностей и т. д.) почти исключительно с их помощью. Возьмем разведку и контрразведку. Здесь технические инновации стоят на почетном, если не на первом месте. Подслушивание, кража чужих секретов, слежка и т. п. немыслимы без техники и постоянного ее развития. При этом техника работает 24 часа семь дней в неделю (или готова заработать в любой момент, если включается на звук или движение), например, записывая переговоры или видео. Спутники постоянно передают информацию, дата-центры постоянно ее получают и т. п. Здесь представлено огромное многообразие технических средств. При этом одна из задач разведки, как уже было сказано выше, – промышленный и технический шпионаж, точнее, воровство чужих технологических достижений с целью внедрения их у себя в том или ином виде. А задача контрразведки, соответственно, не допустить этого. Идет постоянная технологическая гонка. С учетом же того, что дипломаты по большей части являются разведчиками, деятельность посольств, консульств, атташе и пр. также связана с использованием технологий – как для получения данных, так и для защиты собственных секретов.

3.2. Международные отношения и организации как способ усилить (сохранить) технологическое преимущество

Возглавить контроль, переиграть противника в договоренностях или сделать так, чтобы контроль не работал. Важнейшим полем контактов, попыток усилиться за счет других, соблюдения или изменения баланса и т. п. являются переговоры об ограничении, нераспространении, контроле над какими-либо технологиями¹³. При этом не только военными, но и, например, атомными, энергетическими или недавно появившимся искусственным интеллектом. Таких соглашений много, какие-то из них играют важную роль в уменьшении международной

¹² Кто, например, мог подумать, что увлечение электронными играми может готовить молодежь (а теперь уже и зрелых людей, так как история таких игр уже насчитывает более 40 лет) к управлению боевыми беспилотниками, когда и БПЛА толком еще не было?

¹³ Стоит упомянуть, что военные секреты похищают не только у соперников, но и у союзников. Так, предполагают, что Израиль похитил секрет ядерной бомбы у США, а КНДР – у СССР или Китая. Сам же Китай, по-видимому, украл эту технологию у СССР.

напряженности, загрязнения окружающей среды и т. п. Из других выходят, либо их нарушают, либо соглашения модернизируют. Прежде всего это, конечно, зависит от того, насколько та или иная страна преуспела в развитии определенных технологий, насколько обогнала соперников. Естественно, что все это облекается в идеологические и пропагандистские одежды, начинаются обвинения в агрессии, несговорчивости, развязывании гонки вооружений или технологической гонки и т. п. Этот аспект сам по себе достоин исследования, но в настоящей статье мы можем лишь упомянуть о нем. Для контроля за исполнением договоренностей также нужны специальные технологии (например, способные распознать ядерный взрыв, видеть, что делает оппонент, и т. п.).

Борьба за то, чтобы некоторые страны не могли овладеть определенной технологией, особенно атомным или ядерным оружием, становится стержневой в политике. Так, сначала США активно пытались воспрепятствовать появлению ядерного оружия у Индии и Пакистана, а примерно с 2011 г. (вот уже более 10 лет) вопрос о том, чтобы не допустить создания ядерного оружия Ираном, является одним из ключевых во внешней политике не только США, но также Израиля и европейских стран. В процесс переговоров была вовлечена даже Россия. Во время военных действий передача и похищение военных и иных секретов становятся крайне интенсивными. А в условиях гибридной войны, в которой оказалась Россия, последняя в сфере военных секретов вынуждена сотрудничать с Ираном и КНДР. Официальных подтверждений, конечно, нет, но активизация Северной Кореи в плане запуска спутников говорит о многом.

Нередко регуляция международных отношений в сфере технологий передается в руки международных организаций. США всегда стремились поставить эти организации под свой фактический контроль. Пример с энергетическим агентством МАГАТЭ – вполне репрезентативный. МАГАТЭ нередко используется именно как структура, исполняющая указания США. Так было с иранской ядерной программой и контролем над ней. Так же было и с Запорожской АЭС, и в других случаях.

Однако нередко идея контроля обсуждается, но фактически для страны, преуспевшей в той или иной технологии, он нежелателен, и тогда его заменяют имитацией этого процесса. В отношении искусственного интеллекта, судя по всему, пока так и происходит.

В нашей статье [Гринин и др. 2023а: 26–27] мы указывали, что бурное развитие технологий ИИ, безусловно, требует различных ограничительных мер, которые, к сожалению, сильно запаздывают. Тем не менее в конце июля 2023 г., вскоре после появления ChatGPT и других подобных генеративных ИИ, Совет Безопасности ООН провел заседание на тему «Искусственный интеллект: возможности и риски для международного мира и безопасности». На нем Генеральный секретарь ООН поддержал призывы ряда стран-членов к созданию в рамках всемирной организации нового органа по вопросам ИИ, который бы способствовал устранению будущих угроз, а также установлению и реализации выработанных на международном уровне механизмов мониторинга и контроля. Конечно, такой орган будет полезен. Но с учетом того, что наиболее сильные государства стремятся максимально использовать генеративный ИИ для контроля, разведки и военных целей, его возможности на фоне секретности и возрастающей конкуренции госу-

дарств в плане максимально быстрого создания все новых и более мощных ИИ, очевидно, будут невелики. О том, что разные страны стремятся использовать рост могущества ИИ в политических целях, свидетельствует, в частности, заявление главы британского МИД об искусственном интеллекте, который должен поддерживать свободу и демократию (что на практике означает – использоваться в борьбе против геополитических соперников). В ноябре 2023 г. прошел глобальный саммит по безопасности ИИ в Лондоне. Как и можно было предположить, этот форум стал очередной попыткой коллективного Запада обойти ООН и другие универсальные структуры, то есть продолжить путь к подрыву миропорядка [Смирнов, Хохтюлина 2023].

И это также показывает, что Большая семерка (G-7) стремится объединить свои усилия в плане контроля над растущим генеративным ИИ. Тем не менее нельзя не отметить, что именно парламент Евросоюза принял первый в мире закон об искусственном интеллекте [Deutsch 2024].

Мы также писали: «В то же время существуют могущественные силы, которые хотели бы использовать ИИ не просто для поддержания своих выгод, но для того, чтобы радикально переформатировать общество, поставить его под полный контроль и подорвать возможность всякой оппозиции. Недаром гуру высоких технологий и “пророки” Силиконовой долины создают новый универсальный нарратив, который узаконивает власть алгоритмов и Big Data. В результате они смогут наделить властью “Большого брата”, предоставив алгоритмам право принимать самые важные решения в жизни людей. Эта цель – отобрать у человека право принимать самые важные (и не только) решения в своей жизни и передать его искусственному интеллекту (см. философское эссе с описанием и апологетикой такой идеологии: [Harari 2016]) – и является мечтой глобалистов, политиков и финансовых воротил. Но «передать это право ИИ» в реальности означает, что данная группа сверхмогущественных людей стремится узурпировать право навязывать человечеству свои цели» [Гринин и др. 2023а: 26–27].

Российское дипломатическое ведомство, при всем уважении к нему и его активной работе, по-видимому, недопонимает, что работа в области контроля и ограничения, единых правил технологического развития (по крайней мере, на тех площадках, где это возможно) в какой-то мере связывает руки оппонентам и глобалистам, особенно с учетом того, что последним вообще свойственно действовать, ни на кого не оглядываясь.

Краткое заключение

Таким образом, мы видим, что технологии, во-первых, многообразны, а во-вторых, вездесущи и мы наблюдаем их ежедневно. При этом они являются важной или даже важнейшей частью огромной системы международного явного и тайного, официального и кулуарного, дружественного и враждебного, коллективного и индивидуального международного взаимодействия на всех уровнях. Правительства, различные правительственные и околоправительственные органы, а также иные акторы постоянно стремятся к достижению каких-то целей, среди которых стремление к улучшению своего положения, к достижению превосходства над соперником, к укреплению своих слабых мест и дальнейшему ослаблению таких мест у соперников, приобретению центрального положения в какой-то системе

и т. п. И технологии играют в этом очень важную роль. В итоге возникают тренды, которые постепенно меняют положение различных акторов в лучшую или худшую сторону. Технологические прорывы в этом случае могут сыграть огромную, порой решающую роль. Но хотя изменение баланса сил – небыстрый и нечастый процесс, по степени влияния в нем технологии занимают одно из главных мест; в случае войн – главное. Далее изменение в балансе сил ведет через сложные процессы к созданию нового мирового порядка, во время становления которого технологии играют не менее важную роль.

Таким образом, технологическое измерение борьбы за новый мировой порядок исключительно важно, оно многообразно, тесно связано с другими измерениями и направлениями. Только правильная общая стратегия, включающая в себя различные аспекты, опирающаяся на передовые технологии и прогноз появления новых технологий, способна помочь занять достойное место в новом мировом порядке. В следующей нашей статье мы поговорим об отдельных направлениях технологического измерения.

Литература

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М. : Ин-т общественного проектирования, 2009.

Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.

Гринин Л. Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017. № 2. С. 5–42.

Гринин Л. Е. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. 2019. № 3. С. 3–24. DOI: 10.30884/vglob/2019.03.01.

Гринин Л. Е. Пятый технологический уклад // Кондратьевские волны: технологические и экономические аспекты / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград : Учитель, 2021. С. 188–199.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015а. № 8(1). С. 172–197.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015б.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Шестой технологический уклад // Кондратьевские волны: технологические и экономические аспекты / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград : Учитель, 2021а. С. 200–216.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир.) Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте // Век глобализации. 2021б. № 4. С. 3–26. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Размышления об экономическом росте и будущем. Статья первая. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада» // Философия и общество. 2021в. № 3. С. 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Будущие технологии XXI столетия: возможности и опасности // Век глобализации. 2022а. № 4. С. 3–27. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир.) Статья вторая. Глобалистская революция и ее цена для мира // Век глобализации. 2022б. № 1. С. 3–28. DOI: 10.30884/vglob/2022.01.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Возможности и опасности технологий будущего // История и современность. 2023. № 1. С. 63–87. DOI: 10.30884/iis/2023.01.03.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Гл. 7. Технология. Безграничные возможности, эффективный контроль // Преодолевая пределы роста. Доклад для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовниченко, А. А. Акаева, И. В. Ильина, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья первая. Информационные технологии и искусственный интеллект: прошлое, настоящее и некоторые прогнозы // Философия и общество. 2023а. № 3. С. 5–35. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья вторая. Искусственный интеллект: terra incognita или управляемая сила? // Философия и общество. 2023б. № 4. С. 5–32. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.01.

Дель Корно М. От оружия до газа, от «зеленой» экономики до автомобилестроения: как США воспользовались конфликтом на Украине, чтобы разграбить промышленность ЕС [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2024. 8 марта. URL: <https://inosmi.ru/20240308/promyshlennost-es-268175983.html>.

Кашин В. Б., Сушенцов А. А. Большая война: из прошлого в настоящее // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6. С. 100–118.

Ковальчук М. В. 2011. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. № 3. С. 134–158.

Лем С. Сумма технологии. М. : Мир, 1968.

Манойло А. В. Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. 2015. № 10. С. 1400–1405. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.10.15308.

Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–82.

Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 49–57.

Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир. М. : Альпина нон-фикшн, 2015.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М. : ИСПИ РАН, 2012.

Серебряный И. Нагрузка не по возрасту [Электронный ресурс] : Эксперт. 2024а. 22 февраля. URL: <https://expert.ru/obshchestvo/nagruzka-ne-po-vozzrastu/>.

Серебряный И. Девочки налево, мальчики направо [Электронный ресурс] : Эксперт. 2024б. 30 января. URL: <https://expert.ru/goroda/yubileynyy-master-plan/>.

Серебряный И. Враг общества потребления [Электронный ресурс] : Эксперт. 2024в. 6 февраля. URL: <https://expert.ru/mnenie/vrag-obshchestva-potrebleniya/>.

Смирнов А., Кохтюлина И. Глобальный саммит по безопасности искусственного интеллекта в Лондоне как тест Тьюринга [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2023. 3 ноября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43059>.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004.

Фюкс Р. Зеленая революция. Экономический рост без ущерба для экологии. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2022.

Юдин Б. Г. Медицина и конструирование человека [Электронный ресурс] : Знание, понимание, умение. 2008. № 1. С. 12–20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-i-konstruirovanie-cheloveka>.

Юрий Борисов: «Ракета “Амур-СПГ” и сверхлегкий носитель будут многоразовыми». 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/40252/>.

Alharbi F. S. Dealing with Data Breaches Amidst Changes in Technology // *International Journal of Computer Science and Security (IJCSS)*. 2020. Vol. 14(3). Pp. 108–115.

Ashman H., Brailsford T., Cristea A. I., Sheng Q. Z., Stewart C., Toms E. G., Wade, V. The Ethical and Social Implications of Personalization Technologies for E-learning // *Information & Management*. 2014. Vol. 51(6). Pp. 819–832. DOI: 10.1016/j.im.2014.04.003.

Automation: Implications for the Future / ed. by M. Philipson. New York : Vintage Books, 1962.

Bainbridge W. S., Roco M. *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society*. Dordrecht : Springer, 2005.

Bengtson V. *Global Aging and Challenges to Families*. New York : Routledge, 2018.

Benson I., Lloyd J. *New Technology and Industrial Change: The Impact of the Scientific-Technical Revolution on Labour and Industry*. London; New York : Kogan Page, 1983.

Bernal J. D. *Science in History*. 3rd ed. New York : Hawthorn Books, 1965.

Blasco-Fontecilla H. Medicalization, Wish-Fulfilling Medicine, and Disease Mongering: Toward a Brave New World? // *Revista Clinica Espanola*. 2014. Vol. 214(2). Pp. 104–107.

Brammer S., Branicki L., Linnenluecke M. COVID-19, Societalization and the Future of Business in Society. *Science of the Total Environment*. 2020. Vol. 34(4). Pp. 2–7. DOI: 10.5465/amp.2019.0053.

Cecere G., Le Guel F., Soulié N. Perceived Internet Privacy Concerns on Social Networks in Europe // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 96. Pp. 277–287. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.01.021.

Chase-Dunn Ch., Podobnik B. The Next World War: World-System Cycles and Trends // *Journal of World-Systems Research*. 1995. Vol. 1(6). Pp. 1–47.

Chauhan G., Madou M. J., Kalra S., Chopra V., Ghosh D., Martinez-Chapa S. O. Nanotechnology for COVID-19: Therapeutics and Vaccine Research // *ACS Nano*. 2020. Vol. 14(7). Pp. 7760–7782. DOI: 10.1021/acsnano.0c04006.

Choong Y. Y. C., Tan H. W., Patel D. C., Choong W. T. N., Chen C.-H., Low H. Y. *et al.* The Global Rise of 3D Printing During the COVID-19 Pandemic // *Nature Reviews Materials*. 2020. Vol. 5(9). Pp. 637–639. DOI: 10.1038/s41578-020-00234-3.

Conrad P. Medicalization and Social Control // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. Pp. 209–232.

Conrad P. The Shifting Engines of Medicalization // *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46(1). Pp. 3–14.

Dator J. Alternative Futures for K-Waves // *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / ed. by T. C. Devezas. Amsterdam : IOS Press, 2006. Pp. 311–317.

Deutsch J. World's Most Extensive AI Rules Approved in EU Despite Criticism [Электронный ресурс] : Bloomberg. 2024. March 13. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-13/eu-embraces-new-ai-rules-despite-doubts-it-got-the-right-balance>.

Donnelly E. Biden Pentagon Orders Military Chaplains to Bless Putting Male Soldiers in Female Showers and Bedrooms [Электронный ресурс] : *The Federalist*. 2023. February 24. URL: <https://thefederalist.com/2023/02/24/biden-pentagon-orders-military-chaplains-to-bless-putting-male-soldiers-in-female-showers-and-bedrooms/>.

Farhi P. Is American Journalism Headed Toward an “Extinction-Level Event”? [Электронный ресурс] : *The Atlantic*. 2024. January 30. URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/01/media-layoffs-la-times/677285/?utm_source=msn.

Farrell H., Newman A. *Underground Empire: How America Weaponized the World Economy*. New York : Henry Holt and Co., 2023.

Fichtner J. J. Global Ageing and Public Finance // *Business Economics*. 2018. Vol. 53(2). Pp. 72–78.

Fukuyama F. 2002. *Our Post-Human Future: Consequences of the Bio-Technology Revolution*. New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2002.

Goldstone J. A. Population Aging and Global Economic Growth // *History and Mathematics: Political Demography and Global Aging* / ed. by J. Goldstone, L. E. Grinin, A. Korotayev. Volgograd : Uchitel, 2015. Pp. 147–155.

Goldstone J. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. Introduction. Research into Global Aging and Its Consequences // *History & Mathematics: Political Demography and Global Aging* / ed. by J. A. Goldstone, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd : “Uchitel” Publishing House, 2015. Pp. 5–9.

Grinin L. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution // *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022. Pp. 69–104. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_3.

Grinin L. E., Grinin A. L. *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-regulating Systems*. Moscow : Moscow branch of “Uchitel” Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Grinin A. L. *Technologies: Limitless Possibilities and Effective Control // Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome* / ed. by V. Sadovnichy, A. Akaev, I. Ilyin, S. Malkov, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2023. Pp. 139–154. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_8.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017a. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // *Technological Forecasting and Social Change*, 2017. Vol. 115. Pp. 52–68. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.09.017.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017b. *The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution // Industry 4.0 – Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape: What is Coming on Along with the Fourth Industrial Revolu-*

tion / ed. by T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. N. p. : Springer, 2017. Pp. 243–261. DOI: 10.1007/978-3-319-49604-7_13.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 155. Pp. 1–19. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.119955.

Grinin L. E., Grinin A. L., Korotayev A.V. COVID-19 Pandemic as a Trigger for the Acceleration of the Cybernetic Revolution, Transition from E-Government to E-State, and Change in Social Relations // *Technological Forecasting & Social Change*. 2021. Vol. 175. Pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121348.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. *Cybernetic Revolution and Global Aging*. N. p. : Springer, 2024 (in print).

Gurdon J. B., Colman A. The Future of Cloning // *Nature*. 1999. Vol. 402(6763). Pp. 743–746.

Haas M. L. Population Aging and the Future of the Great Powers // *History & Mathematics: Political Demography & Global Aging* / ed. by J. A. Goldstone, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd : “Uchitel” Publishing House, 2015. Pp. 133–146.

Harari Y. N. Yuval Noah Harari on Big Data, Google and the End of Free Will [Электронный ресурс] : *Financial Times*. 2016. August 26. URL: <https://www.ft.com/content/50bb4830-6a4c-11e6-ae5b-a7cc5dd5a28c> (дата обращения: 29.08.2023).

HIV/AIDS: Nobel Laureate Advocates Natural Cure [Электронный ресурс] : Dr. Rath Health Foundation. 2017. August 24. URL: <https://www.dr-rath-foundation.org/2017/08/hiv-aids-nobel-laureate-advocates-natural-cure/>.

Illich I. The Medicalization of Life // *Journal of Medical Ethics*. 1975. Vol. 1(2). Pp. 73–77.

Jottrand F. *Emerging Conceptual, Ethical and Policy Issues in Bionanotechnology*. Dordrecht : Springer, 2008.

Kotkin J. The Coming War of Civilizations. America’s Decline is not Irreversible. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://americanmind.org/salvo/the-coming-war-of-civilizations/>.

Lynch Z. Neurotechnology and Society 2010–2060 // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2004. Vol. 1031(1). Pp. 229–233.

Mallouk T. E., Sen A. Powering Nanorobots // *Scientific American*. 2009. Vol. 300(5). Pp. 72–77.

Marton P. Evolution in Military Affairs in the Battlespace of Syria and Iraq // *Corvinus Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 2(2–3). Pp. 30–41.

Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. Seattle : University of Washington Press, 1987.

Modelski G., Thompson W. R. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1996.

Moghimi S. M. Nanomedicine: Current Status and Future Prospects // *The FASEB Journal*. 2005. Vol. 19(3). Pp. 311–330. DOI: 10.1096/fj.04-2747rev.

Moustaka V., Theodosiou Z., Vakali A., Kounoudes A., Anthopoulos L. G. Enhancing Social Networking in Smart Cities: Privacy and Security Borderlines // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 142. Pp. 285–300. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.10.026.

Moynihan R., Doran E., Henry D. Disease Mongering is Now Part of the Global Health Debate // *PLoS Medicine*. 2008. Vol. 5(5). e106. DOI: 10.1371/journal.pmed.0050106.

Mullis K. *Dancing Naked in the Mind Field*. New York : Vintage, 2000.

Nefiodov L. *The Sixth Kondratieff: A New Long Wave in the Global Economy*. Sankt Augustin : CreateSpace, 2017.

Palestino G., Garcia-Silva I., González-Ortega O., Rosales-Mendoza S. Can Nanotechnology Help in the Fight against COVID-19? // *Expert Review of Anti-infective Therapy*. 2020. Vol. 18(9). Pp. 849–864. DOI: 10.1080/14787210.2020.1776115.

Peccoud J. *Synthetic Biology: Fostering the Cyber-biological Revolution // Synthetic Biology*. 2016. Vol. 1(1). Pp. 1–7.

Powell J. L., Khan H. T. Aging and Globalization: A Global Analysis // *Journal of Globalization Studies*. 2013. Vol. 4(1). Pp. 137–146.

Reinl J. Canada is on Track for Another Record-busting Year of Euthanasia Deaths, with a 35 % Jump to Some 13,500 State-sanctioned Suicides in 2022, a DailyMail.com Projection Shows [Электронный ресурс] : *Daily Mail*. 2023. June 7. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12166823/Canada-track-record-busting-year-euthanasia-deaths-35-jump-13-500-cases.html> (дата обращения: 09.01.2024).

Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva : World Economic Forum, 2020.

Schwartz P. M. Internet Privacy and the State // *Connecticut Law Review*. 1999. Vol. 32. Pp. 815–829.

Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment / ed. by A. H. Eden, J. H. Moor, J. H. Søraker, E. Steinhart. Berlin : Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-3-642-32560-1.

Solove D. J. *Understanding Privacy*. Harvard : Harvard University Press, 2008.

Sylvester E., Klotz L. C. *The Gene Age: Genetic Engineering and the Next Industrial Revolution*. London : Scribner, 1983.

Tang Z., Zhang X., Shu Y., Guo M., Zhang H., Tao W. Insights from Nanotechnology in COVID-19 Treatment // *Nano Today*. 2021. Vol. 36. Pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.nantod.2020.101019.

Tkachuk M., Romanchuk A., Timotin I. 2022. “Moldovan Spring” 2009. The Atypical “Revolution” of April 7 and the Days that Followed // *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer. Pp. 549–569. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_21.

Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // *MIS Quarterly*. 2003. Vol. 27(3). Pp. 425–478.

Weiss C., Carriere M., Fusco L., Capua I., Regla-Nava J. A., Pasquali M. *et al.* 2020. Toward Nanotechnology-enabled Approaches against the COVID-19 Pandemic. *ACS Nano* 14(6): 6383–6406. DOI: 10.1021/acsnano.0c03697.

Westin A. F. Science, Privacy, and Freedom: Issues and Proposals for the 1970’s. Part I. The Current Impact of Surveillance on Privacy // *Columbia Law Review*. 1966. Vol. 66(6). Pp. 1003–1050.

Zimmer Z. *Global Aging in the Twenty-First Century: Challenges, Opportunities and Implications*. London : Routledge, 2016.

КРИПТОРЕГУЛИРОВАНИЕ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕ*

Мосакова Е. А.**

В статье исследуются подходы национальных правительств к нормативно-правовому регулированию оборота криптовалют в постпандемийный период. Показано, что в настоящий момент позиции властей диаметрально отличаются – от запрета или значительного ограничения до разработки специального крипторегулирования. Обоснован вывод о том, что в целях минимизации рисков от внедрения криптовалют в финансовую сферу уже в ближайшем будущем необходимо разработать криптозаконодательство, и начинать целесообразно с создания региональных механизмов регулирования и эффективной наднациональной регуляторной структуры.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), регулирование рынка криптовалют, финансовая сфера, политика по предотвращению отмывания денежных средств и финансирования террористических действий (ПОД/ФТ), пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19), центральный банк.

CRYPTOCURRENCY REGULATION IN THE POST-PANDEMIC PERIOD: THE PRESENT AND THE FUTURE

The article examines the approaches of national governments to the legal regulation of cryptocurrency circulation in the post-pandemic period. It is shown that at present the positions of the authorities are diametrically different – from prohibition or significant restriction to the development of a special crypto-regulation. The conclusion is substantiated that in order to minimize the risks from the introduction of cryptocurrencies into the financial sector, it is necessary to develop crypto-legislation in the near future and it is advisable to start with the creation of regional regulatory mechanisms and an effective supranational regulatory structure.

* **Для цитирования:** Мосакова Е. А. Крипторегулирование в постпандемийный период: настоящее и будущее // Век глобализации. 2024. № 1. С. 95–102. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.07.

For citation: Mosakova E. A. Cryptocurrency Regulation in the Post-Pandemic Period: The Present and the Future // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 95–102. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.07 (in Russian).

** Мосакова Елизавета Александровна – к. э. н., доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: lizavetam@mail.ru.

Elizaveta A. Mosakova – Ph.D. in Economics, Associate Professor at UNESCO Department for the Study of Global Problems, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lizavetam@mail.ru.

Keywords: *cryptocurrency, CBDC, cryptocurrency market regulation, financial sphere, anti-money laundering and combating the financing of terrorism policies (AML/CFT), novel coronavirus disease pandemic (COVID-19), central bank.*

В период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) во всех странах мира на фоне вводимых ограничений наблюдалось существенное снижение экономической активности по отраслям экономики, за исключением криптовалютного рынка, который демонстрировал стремительное развитие. Так, к концу пандемии насчитывалось уже более 20 000 видов криптовалют. И несмотря на то что значительная их часть была создана в спекулятивных целях, что способствует сдержанному и «скептическому» отношению многих финансовых регуляторов к перспективам его развития и объемам нормативно-правового регулирования, в краткосрочном и среднесрочном периодах число криптовалют будет продолжать увеличиваться [Мосакова 2022]. В результате вопросы развития криптовалют как новейшей формы денег и их законодательного регулирования в постпандемийный период становятся чрезвычайно актуальными.

В настоящее время существуют различные подходы национальных правительств к нормативно-правовому регулированию оборота криптовалют и крипторынка. Так, в одних странах обращение криптовалют полностью запрещается или в значительной степени ограничено. Сюда относятся, например, исламские страны, в которых криптовалюты запрещены в связи с тем, что по своим сущностным характеристикам они не согласуются с принципами шариата: криптовалюта не поддерживается каким-либо органом, потому что ее стоимость основана только на спекуляциях; кроме того, финансовые операции с криптовалютами не контролируются и не регулируются национальными и/или международными институтами, и, соответственно, они представляют собой финансовый риск для тех, кто инвестирует в них. Это прямое противоречие принципам шариата.

В других странах, наоборот, криптовалюта рассматривается как один из этапов эволюции финансовой системы, обусловленный цифровизацией, и активно развивается нормативно-правовое регулирование. В первую очередь сюда относятся страны ЕС, Япония, Сингапур, США, Япония, Канада [Мосакова 2020; Долгиева 2018].

Еще в ряде стран криптозаконодательство значительно менялось вместе с изменением позиции властей по отношению к криптовалютам как к новой форме денег. В авангарде этого процесса находится Китай, в котором криптовалюты то запрещаются, то разрешаются и осуществляется регулирование их оборота. Так, в последние несколько лет на территории страны снова действует запрет на использование криптовалют и осуществление любой криптодеятельности. Это связано с тем, что с целью минимизации угроз от криптовалют Китай избрал путь на построение своей национальной цифровой валюты. Так, в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в КНР резко активизировалась работа по созданию собственной цифровой валюты – цифрового юаня (E-CNY), которая была начата еще в 2014 г. В частности, было запущено тестирование. В постпандемийный период тестирование продолжилось, но акцент был сделан уже на внедрение цифрового юаня в финансовую сферу. Залогом введения цифрового юаня на территории всей страны является то, что реализация проекта осуществляется государственными органами власти, параллельно происходит формирова-

ние криптовалютного законодательства. Кроме того, Китай относится к числу стран с наибольшей численностью населения, что обуславливает и значительные экономические и социально-политические потребности, удовлетворению которых во многом будет способствовать введение в оборот цифрового юаня.

В целом общемировое признание криптовалюты и формирование криптозаконодательства происходит в странах с разной интенсивностью – одни проводят политику полного запрета криптовалют; другие их легализуют, но вводят ряд ограничений; третьи страны пока воздерживаются от принятия каких-либо мер и занимают выжидательную позицию для изучения опыта других стран и международных организаций. Тем не менее главной тенденцией развития системы нормативно-правового регулирования крипторынка в постпандемийный период является переход от полного запрета криптовалют до официального признания и начала законодательного регулирования, которое, однако, в настоящее время пока носит точечный характер и происходит лишь в момент контакта криптовалют с правовым полем.

В рамках этого закономерно встает вопрос о создании целостного наднационального и/или регионального криптовалютного регулирования уже в ближайшее время. Так, в ЕС в настоящее время отсутствует общеевропейское крипторегулирование, но постоянно идут дискуссии о целесообразности его создания. На общеевропейском уровне в постпандемийный период пока все еще принимаются отдельные директивы, носящие консервативный характер и связанные главным образом с политикой по предотвращению отмывания денежных средств и финансированию террористических действий (далее – ПОД/ФТ) [Мосакова, Мирзабеков 2023]. Наиболее активную позицию в области разработки общеевропейского криптозаконодательства уже в краткосрочном периоде занимают Франция и Германия. Интересно отметить, что в этих странах нормативно-правовое регулирование оборота криптовалют и крипторынка развивалось по-разному. Так, Франция за почти полтора десятилетия существования криптовалют прошла путь от «политики скептицизма» до создания эффективного национального крипторегулирования, причем одной из первых среди всех европейских стран. Более того, сегодня стоит вопрос о создании общеевропейского криптозаконодательства на основе французской модели. В Германии же за это время нормативно-правовое регулирование оборота криптовалют и крипторынка практически не изменилось и по-прежнему остается либеральным [Any Rule...].

В долгосрочной перспективе целесообразно создать модель глобального регулирования криптовалют [Бауэр 2017]. Для этого необходим качественно новый регуляторный механизм, возможно, глобального характера. Его разработкой может заниматься ООН, МВФ или другая международная организация. На начальном этапе необходимо юридическое определение понятий и явлений, связанных с криптосферой, а в дальнейшем – разработка международных правил регулирования функционирования крипторынков, а также создание механизмов, предотвращающих кибермошенничество [Концепция...].

Однако о создании системы глобального регулирования криптовалют пока говорить преждевременно, и целесообразно начать с создания принципиально новых региональных механизмов регулирования криптовалют. В качестве достоинств данного шага можно определить следующие факторы: как правило, госу-

дарства одного региона имеют схожие правовые традиции; более высокий уровень кооперации; схожие цели, направленные на взаимовыгодное развитие и процветание региона и т. д. [Бауэр 2017]. Примером структурной развитости и разрабатанности регуляторных механизмов является единая азиатская цифровая валюта: во-первых, восточноазиатский регион в большинстве своем отличается высокой степенью технологической развитости; во-вторых, высокий уровень обменных связей между странами региона повышает уровень кооперации.

В рамках исследования перспектив развития криптовалют и системы их регулирования следует отметить появление центральных валют центральных банков (ЦВЦБ), эмитентом которых выступает центральный орган – монетарные власти. Как правило, это центральный банк страны. Практической разработкой и тестированием ЦВЦБ в постпандемийный период занимаются уже в большинстве стран мира – в Китае, Сингапуре, Японии, Швейцарии, Канаде и др. Важно отметить, что успешное внедрение ЦВЦБ внутри отдельной страны создает возможности для создания стандартов взаимодействия ЦВЦБ разных стран на международном уровне¹, поэтому разработка национальных ЦВЦБ на текущий момент является чрезвычайно актуальной.

Параллельно с вовлечением финансовых регуляторов в создание национальных ЦВЦБ менялось и их законодательное регулирование. Так, если при разработке первых подобных проектов монетарные власти преимущественно относились к ЦВЦБ достаточно настороженно и скептически, вводя запретительные и/или ограничительные нормативно-правовые меры, то за время пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) многие из них кардинально изменили свою позицию, и во многих странах крипторегулирование стало носить более либеральный характер. Такая смена позиции властей во многом была обусловлена необходимостью облегчения доступа к денежным средствам в условиях пандемии, а ЦВЦБ решают эту проблему, выступая дополнением к уже функционирующим денежным средствам.

В целом, на международном уровне преобладающее количество стран выступает за принятие цифровой валюты, выпущенной центральным банком, хотя существуют как положительные, так и отрицательные последствия ее внедрения.

Положительные перспективы внедрения ЦВЦБ в финансовую сферу обусловлены тем, что, как отмечают руководители Deutsche Bank, это сократит количество посредников, комиссий, сроки транзакций и, главное, упростит осуществление международных переводов [Carstens 2021].

Международные организации, такие как МФВ и ФАТФ, также занимаются изучением развития ЦВЦБ с целью поддержания финансовой безопасности. Так, эксперты МВФ отмечают, что реализация таких проектов, как создание ЦВЦБ, будет способствовать повышению доступности финансовых услуг, безопасности, а также защите потребителей при сохранении конфиденциальности платежей [Lagarde 2023].

Однако существуют ограничения для осуществления полномасштабного использования национальных ЦВЦБ – законодательные, экономические и технические.

¹ Китай отчасти уже оказывает влияние на данный процесс, принимая участие в проекте «m-CBDC» и выдвигая инициативу создания единой азиатской цифровой валюты.

К числу правовых проблем в первую очередь следует отнести то, что юридические полномочия центральных банков по выпуску ЦВЦБ во многих странах достаточно сложные и противоречивые. В частности, формально многие центральные банки не имеют права эмитировать собственные цифровые валюты, и поэтому требуется внесение соответствующих изменений в действующее законодательство [Сахаров 2021]. Кроме того, функционирование ЦВЦБ должно осуществляться строго в рамках политики ФАТФ по ПОД/ФТ в целях минимизации мошеннических схем и развития нелегального денежного оборота [Rogoff 2017; Voag *et al.* 2020; Обзор... 2021].

Основными экономическими рисками внедрения национальных ЦВЦБ в финансовую сферу являются: потеря центральным банком полного контроля над валютой, разрушение традиционной системы коммерческих банков, сведение наличности к минимуму, переход к полному исчезновению частных криптовалют с рынка [Carstens 2021]. Важно отметить, что на начальных этапах центральным банкам целесообразно эмитировать относительно небольшие объемы ЦВЦБ с целью проверки устойчивости финансовой системы на новый вид денег в обращении [Лебедева и др. 2020].

К числу технических проблем в первую очередь следует отнести техническую совместимость разных национальных ЦВЦБ.

При разработке ЦВЦБ крайне важным является вопрос о моделях их внедрения в финансовую сферу. Основываясь на взглядах ведущих мировых экономистов, можно выделить несколько прогнозов развития ЦВЦБ:

1. ЦВЦБ – единая цифровая валюта для осуществления международных расчетов. Однако в данном сценарии присутствуют препятствия, которые заключаются в отсутствии верховного мирового финансового регулятора и гаранта ценности валюты.

2. ЦВЦБ в «валютных блоках» – страны будут использовать единую цифровую валюту с целью осуществления внутренних расчетов и в торговле между собой. Для развитых и лидирующих в экономической мировой системе стран данный сценарий только улучшит их внутреннее взаимодействие и укрепит экономическое сотрудничество. Однако для стран со слабой экономической системой может развиваться риск вытеснения национальной валюты иностранной ЦВЦБ. Главным условием развития данного плана является открытость стран внутри данных блоков в области формирования, а также реализации экономических и политических задач ЦВЦБ. В целом данный сценарий нацелен на укрепление международных связей.

3. ЦВЦБ – внутригосударственный расчетный инструмент – замена наличных денежных средств, а также оживление рынка финансовых услуг внутри страны. В этом случае государствам необходимо провести тщательную проверку возможных рисков при осуществлении как внутренних, так и международных расчетов [Ссуре́ 2019].

Можно прийти к выводу, что данные сценарии являются наиболее вероятными и имеют перспективу своего развития в ближайшее десятилетие. В постпандемийный период уже наблюдается попытка практической реализации в рамках различных интеграционных объединений.

БРИКС разрабатывает цифровую валюту в рамках объединения. Так, с 2015 г. идет работа над проектом единой платежной системы – BRICS Pay (запуск планируется на 2025 г.). Предполагается, что BRICS Pay объединит уже существующие платежные сети стран-участников, что ускорит и обезопасит процесс расчетов, а также избавит от лишних посредников [BRICS... 2019]. Также планируется, что данная система может быть использована для расчетов не только между государствами, но и между частными лицами. Кроме того, она позволит избавиться от затрат на обмен валют – участники новой платежной системы смогут совершать оплату по транзакции в своей национальной валюте, а контрагент получит оплату уже в своей национальной валюте [BRICS...; BRICS... 2019].

Ожидается, что BRICS Pay станет аналогом системы SWIFT. К BRICS Pay планируется также подключить ЕАЭС и, возможно, еще и ШОС. Во многом это обусловлено стремлением стран – участниц этих интеграционных объединений к дедолларизации экономики и переходу к расчетам в рублях.

Евразийская экономическая комиссия ввиду большого западного санкционного давления также занимается разработкой единой цифровой валюты в рамках ЕАЭС. Основной целью ее создания является переход на расчеты в криптовалюте как способ обойти западные санкции и уменьшить экономический ущерб от их введения [В странах... 2023].

Активная работа сегодня ведется и над проектом по созданию единой азиатской цифровой валюты. Предполагается, что она будет привязана к корзине из валют 13 стран (Китай, Япония, Южная Корея и страны АСЕАН). Важно отметить, что данный проект отличается структурной и функциональной разработанностью и обращает на себя внимание в силу своей перспективности.

Стремительно разрабатывается и проект mCBDC Bridge (mBridge), который был инициирован Гонконгом и Таиландом еще в 2019 г.² Проект нацелен на создание системы мультивалютных обменов при помощи ЦВЦБ входящих в него стран – главной целью системы mBridge является объединение рынков стран-участниц для осуществления трансграничных переводов [Inthanon-LionRock...]. В рамках данного проекта мультивалютная ЦВЦБ определяется как система, в которой может принимать участие неограниченное количество центральных банков, осуществляя эмиссию. В ближайшем будущем проект по ускорению трансграничных переводов mBridge должен предоставить возможность развивать взаимосвязь объединенных ЦВЦБ-систем.

В процессе развития проекта была проверена модель ЦВЦБ на базе технологии распределенных реестров, где были осуществлены международные мультивалютные расчетные операции, и при этом с очень высокой скоростью – транзакции проводятся за считанные секунды. Более того, предполагается, что комиссии за осуществление переводов в системе mBridge будут в два раза ниже существующих сегодня для развития трансграничных межбанковских переводов. Поэтому можно говорить о высоком потенциале системы mBridge как альтернативы корреспондентской банковской системе.

Важно отметить, что перспективы наднациональной цифровой валюты в рамках интеграционного объединения во многом зависят от масштабов самого ин-

² В феврале 2021 г. к данному проекту присоединился и Китай, что является косвенным свидетельством высокой степени готовности проекта.

теграционного объединения. Так, чем большее число государств входит в состав объединения, тем масштабнее объем ее применения как новой формы денег, и, соответственно, процесс создания и выпуска становится гораздо более длительным по времени и сложным по своей сути [Запорожан 2021].

Можно заключить, что процесс общемирового признания криптовалют как новой формы денег и их регулирования является малоэффективным, главным образом в силу их трансграничности и неоднородности нормативно-правового регулирования по странам мира, отсутствия полноценных механизмов крипторегулирования как на национальном, так и на международном уровне. Однако необходимость создания такого законодательства уже в ближайшее время не вызывает сомнений ни среди политической и экономической элиты, ни среди значительного числа национальных правительств. В настоящий момент представляется весьма сложным создание глобального механизма регулирования крипторынка, и поэтому целесообразно начинать с создания региональных механизмов регулирования, так как именно межстрановое взаимодействие в вопросах законодательного регулирования оборота криптовалют и криптодеятельности позволит минимизировать риски их внедрения в финансовую сферу. Для этого национальные правительства уже в ближайшем будущем должны решить, по какому пути будет развиваться мировая финансовая система в контексте развития криптовалют как новой формы денег.

Литература

Бауэр В. П. Проблемы на пути создания унифицированной цифровой платформы цифровой экономики. М. : РАЕН, 2017.

В странах ЕАЭС может быть создана единая криптовалюта [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/v-stranakh-eaes-mozhet-byt-sozdana-edinaya-kriptovalyuta/> (дата обращения: 18.07.2023).

Долгиева М. М. Зарубежный опыт регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // *Lex Russica*. 2018. № 10(143). С. 116–129.

Запорожан А. Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // *Управленческое консультирование*. 2021. № 6. С. 32–39.

Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 18.07.2023).

Лебедева Н. Ю., Назаренко Г. В., Седракян Л. К. Цифровая валюта Центрального Банка: перспективы и риски эмиссии // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 2. С. 147–153. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-147-153.

Мосакова Е. А. Криптовалюта как новейшая форма денег в XXI веке // *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2020. № 2(89). С. 127–133.

Мосакова Е. А. Криптовалюта как новый инструмент в глобальном управлении // *Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика*. 2022. № 3. С. 70–83. DOI: 10.56429/2414-4894-2022-41-3-70-83.

Мосакова Е. А., Мирзабеков Н. Р. Международный опыт нормативно-правового регулирования оборота криптовалют // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 89. № 1. С. 253–265. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.026.

Обзор событий в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс] : Официальный сайт Банка России. 2021. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39631/Oct_2021.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

Сахаров Д. М. Цифровые валюты центральных банков: ключевые характеристики и влияние на финансовую систему // Финансы: теория и практика. 2021. № 5(25). С. 133–149. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-5-133-149.

Any Rule on Bitcoin Must be Global, Germany's Central Bank Says [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-bitcoin-regulations-germany/any-rule-on-bitcoin-must-be-global-germanys-central-bank-aysidUSKBN1F420E?il=0> (дата обращения: 18.07.2023).

Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending Arrival – a Sequel to the Survey on Central Bank Digital Currency. BIS Papers No. 107. N. p. : Bank for International Settlements, 2020.

BRICS Pay – единая платежная система стран БРИКС [Электронный ресурс] : Информационно-аналитический портал NFC Эксперт. 2019. 2 апреля. URL: <https://finfexpert.ru/bris-pay-edinaya-platezhnaya-sistema-stran-briks-tv-bris-020419> (дата обращения: 18.07.2023).

BRICS Pay – основные моменты проекта [Электронный ресурс]. URL: <https://bricspay.org.ru> (дата обращения: 18.07.2023).

Carstens A. Central Bank Digital Currencies: Putting a Big Idea into Practice // BIS Speech. 2021. Vol. 5. Pp. 1–14.

Cœuré B. Investigating the Impact of Global Stablecoins. N. p. : Bank for International Settlements, 2019.

Inthanon-LionRock to mBridge: Building a Multi CBDC Platform for International Payments [Электронный ресурс]. URL: https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-functions/financial-infrastructure/Inthanon-LionRock_to_mBridge_Building_a_multi_CBDC_platform_for_international_payments.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

Lagarde C. Winds of Change: The Case for New Digital Currency. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/11/13/sp111418-winds-of-change-the-case-for-new-digital-currency> (дата обращения: 18.07.2023).

Rogoff K. Dealing with Monetary Paralysis at the Zero Bound // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 3. Pp. 47–66.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Шермухаммадов Б. Ш.**

В статье рассматриваются мировые тенденции в высшем образовании, влияние академических обменов между странами на эффективность реформ в данной сфере. Также анализируются необходимость вхождения в процесс глубокой международной интеграции высшего образования и тот факт, что академические обмены в условиях глобализации создали потребность в развитии межкультурной коммуникативной компетенции у студентов, а также функции ее развития. Проанализированы интегративный, аксиологический, психологический и организационный аспекты педагогической деятельности.

Ключевые слова: образование, глобализация, межкультурная коммуникация, психологический фактор, социальные группы, монокультура, поликультура.

ISSUES OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF STUDENTS IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION OF HIGHER EDUCATION

The article considers global trends of higher education, the impact of academic exchanges between countries on the development and effectiveness of reforms in this field. It also analyzes the necessity of entering the process of deep international integration of higher education, the fact that academic exchanges in the context of globalization have created the need for the development of intercultural communicative competence among students, as well as the functions of its development. The integrative, axiological, psychological and organizational aspects of pedagogical activity are analyzed.

Keywords: education, globalization, intercultural communication, psychological factor, social groups, monoculture, multicultural.

* **Для цитирования:** Шермухаммадов Б. Ш. Вопросы развития межкультурной коммуникации студентов в процессе глобализации высшего образования // Век глобализации. 2024. № 1. С. 103–112. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.08.

For citation: Shermukhammadov B. Sh. Issues of Development of Intercultural Communication of Students in the Process of Globalization of Higher Education // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 103–112. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.08 (in Russian).

** Шермухаммадов Баходиржон Шермухаммадович – д. пед. н., профессор, ректор Ферганского государственного университета (Республика Узбекистан).

Bakhodirzhon Sh. Shermukhammadov – Dr. Ped. Sciences, Professor, Rector of Fergana State University (Republic of Uzbekistan).

Введение

Процесс глобализации, носящий объективно-исторический и многоаспектный характер, затрагивает изменения во всех сферах жизни современного человечества, что проявляется и в сфере образования. В мире расширяется международное сотрудничество по академическим обменам и исследовательским программам с зарубежными высшими учебными заведениями, тем самым создавая возможность интернационализации высшего образования. В связи с этим глобализация образования расширяется в результате деятельности Tempus, Erasmus Mundus, Немецкой службы академических обменов (DAAD), международных образовательных программ США, консульства Великобритании, Корейского агентства международного сотрудничества (KOICA) и политики интернационализации высшего образования во всем мире. За последний 41 год количество иностранных студентов в мире увеличилось в 8,3 раза и достигло почти 5 млн человек. По прогнозам ЮНЕСКО к 2025 г. число иностранных студентов достигнет 7 млн человек. Тот факт, что за последнее десятилетие доход от обучения иностранных студентов в США составляет около 20 млрд американских долларов, также показывает, насколько глобализация и интернационализация образования приносят экономические выгоды. Однако в результате этого процесса обостряются и проблемы, связанные с культурной коммуникацией.

Высшее образование постепенно становится полноценным субъектом рыночных отношений, функционирующим на основе принципа безграничного образования. И это побуждает его активно менять масштабы и структуру своей деятельности и задач, приобретать новые источники финансирования, искать новые методы обучения, экспортировать и импортировать студентов, контролировать знания. Расширяются деятельность высших учебных заведений, студенческие и образовательные обмены с другими странами, сотрудничество, методический обмен, возможности установления культурных связей.

На основе реформ в сфере образования, проведенных в Узбекистане в последние годы, стало возможным направить молодежь в зарубежные страны и создать для нее условия для получения качественного образования, организовать образовательные гранты, наладить отношения сотрудничества с развитыми зарубежными высшими учебными заведениями, обмен с ними студентами, развитие познавательного туризма. В таких условиях, помимо возможностей действующих в нашей стране высших учебных заведений, возникают задачи повышения эффективности использования опыта ведущих университетов развитых стран в подготовке современных кадров.

В связи с необходимостью интернационализации высшего образования в новой стратегии развития Узбекистана, дальнейшего совершенствования системы подготовки кадров, повышения квалификации и прохождения практики в зарубежных ведущих вузах, научных центрах и других организациях обмена студентами с развитыми международными вузами, осуществляется создание образовательных программ. В этом процессе в результате расширения масштабов и возможностей межкультурного общения возрастает потребность в разработке методики педагогической деятельности по развитию навыков межкультурного общения у нашей молодежи. Это делает разработку новых способов, технологий и механизмов раз-

вития межкультурной коммуникативной компетенции у студентов актуальной задачей в условиях глобализации образования [Чумаков 2013].

Ведь представители разных наций и народов, культур и религий уже много веков мирно живут на нашей древней и щедрой земле. Гостеприимство, доброта, щедрость сердца и буквальная терпимость всегда были свойственны нашему народу и составляют основу его менталитета. Около 140 национальных культурных центров играют ведущую роль в развитии этнической идентичности и дальнейшей гармонизации межкультурных отношений. Одной из неотложных задач остается добиться того, чтобы они развивали свою культуру, язык, обычаи и традиции, народные промыслы, вносили весомый вклад во взаимообогащение разных культур, укрепляя чувство единой многонациональной семьи в каждом из нас [Мирзиёев 2021: 305–307].

Указы Президента Республики Узбекистан № ПФ-60 от 28 января 2022 г. «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.», № ПФ-5847 от 8 октября 2019 г. «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 г.», Постановление № PQ-3775 от 5 июня 2018 г. «О дополнительных мерах по повышению качества образования в высших учебных заведениях и обеспечению их активного участия в комплексных реформах, реализуемых в стране» имеют большое значение в развитии высшего образования Республики Узбекистан.

Количество узбекских студентов, обучающихся за рубежом, достигло почти 86 тыс. человек. В этом отношении Казахстан является лидером в регионе, а Китай – лидером в мире. По данным Госкомстата, на начало 2021/2022 учебного года количество иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях нашей республики, составляло 5100 человек. В 2021 г. по данным Института статистики ЮНЕСКО количество узбекских студентов, обучающихся за рубежом, составило 85,9 тыс. человек.

За год количество узбекских студентов, обучающихся в зарубежных странах, увеличилось почти на 33 тыс. человек. По этому показателю Республика Казахстан лидирует в регионе с 90,3 тыс. студентов. В мире Китайская Народная Республика имеет абсолютное лидерство по количеству обучающихся за границей студентов – 1,1 млн человек. К началу 2022/2023 учебного года количество иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Узбекистана, составляло 5 тыс. человек.

В 2016 г. количество вузов в Узбекистане составляло 77, по программе бакалавриата обучались более 58 тыс. студентов, в магистратуре – 5 тыс. Шесть лет назад студентов обучали 24 тыс. 368 профессоров и 7 тыс. 766 преподавателей с учеными степенями. К 2022 г. указанные выше цифры значительно выросли. За этот период количество вузов в стране увеличилось на 122, и общее их количество теперь составляет 199. В частности, в Ташкенте действует 86 вузов, в других регионах – 113. Из них количество государственных вузов достигло 114, негосударственных и иностранных – 85.

В целях повышения качества и эффективности образования в высших учебных заведениях по состоянию на сентябрь 2022 г. привлечено 1035 зарубежных ведущих ученых, специалистов-практиков и высококвалифицированных преподавателей для проведения учебных занятий по соответствующим специальностям

бакалавриата, магистратуры и мастер-классов для специалистов различных отраслей. В программах взаимного сотрудничества и грантовых программах отечественных и зарубежных вузов в 2021 г. принимали участие 1345 профессоров, а в 2022 г. в зарубежные высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения на стажировку было направлено 2,5 тыс. профессоров.

Подобные образовательные обмены дают молодежи возможность познакомиться с образовательной системой и методикой развитых стран, получить там образование, усовершенствовать свои знания и навыки. Они смогут ознакомиться с последними новшествами науки, достижениями научно-технического развития, безграничными возможностями информационных технологий. При общении молодежи, приехавшей учиться из разных стран в развитые государства, иногда могут возникать разные конфликтные ситуации, связанные с различиями в мировоззрениях. Необходимость усвоения правил межкультурного общения с представителями разных национальностей и народов, верований и слоев, а также культурных особенностей требует развития у учащихся компетенции межкультурного общения.

В условиях межкультурного общения люди часто меняют свои коммуникативные модели поведения и подстраиваются под коммуникативную модель своих собеседников. В этом случае смена способа общения происходит быстрее, чем при непринужденной, свободной беседе или при отсутствии существенной разницы между собеседниками [Фалькова 2007: 53–54].

Материалы исследования, методология

В условиях глобализации образования целесообразно разделить уровень проработки данной темы о развитии межкультурной коммуникативной компетенции у студентов на три такие части, как исследования в странах Запада, странах СНГ и Узбекистана.

Д. Грин, М. Ли, Р. Сколлан, Д. Фейлдс, Г. Бланшар, И. Бендер, Н. Джексон, Х. Лэнд, Дж. Метюсиц, Ф. Рубин исследуют научно-педагогические аспекты процесса межкультурного коммуникации и культурные связи на Западе; Дж. Спендолини, М. Заири, Д. Хенс, С. Маргинсон, М. Венде, З. Саригил, Э. Каракоч, А. Робинсон – проблемы развития межкультурной коммуникации в странах СНГ; З. Азимова, О. Мусурмонова, Д. Розиева, З. Салиева, Б. Ходжаев, М. Куронов, Т. Эгамбердиева, Н. Эгамбердиева – научно-педагогические, общественно-политические и экономические аспекты процесса межкультурной коммуникации в Узбекистане.

Результаты исследования

Обеспечение интернационализации управления высшим образованием становится одной из актуальных задач университетов в новом тысячелетии. По словам нашего соотечественника Азамата Акбарова, профессора Пусанского университета иностранных языков Южной Кореи, «привлекательность системы высшего образования подтверждается степенью интернационализации. За последний 41 год количество иностранных студентов в мире увеличилось в 8,3 раза и достигло почти 5 млн человек. По прогнозам ЮНЕСКО к 2025 г. число иностранных студентов достигнет 7 млн человек. Интернационализация высшего образования прино-

сит максимальную экономическую выгоду за короткий промежуток времени и укрепляет геополитические позиции страны.

Например, в 2013–2014 учебном году Франция получила в 1,5 раза больше денег, чем было выделено на привлечение иностранных студентов: на стипендии и субсидии было потрачено 3,5 млрд долларов, а на проживание, проезд и командировочные расходы иностранных студентов – 5,4 млрд долларов. За 2014–2015 гг. иностранные студенты заплатили за обучение в вузах Великобритании 4,8 млрд долларов, дополнительно потратив 5,4 млрд долларов на различные товары и услуги, было создано 207 тыс. рабочих мест» [Akbarov 2019].

Особое внимание азиатские страны также уделяют интернационализации высшего образования, учреждений и развитию студенческого туризма. Иностранные студенты приносят пользу экономике страны, при этом происходят образовательный обмен, межкультурная коммуникация и образовательная трансформация. «К 2020 г. Китай планирует стать самым привлекательным местом в Азии для иностранных студентов – по плану правительства в китайских вузах должно обучаться 500 тыс. иностранных студентов. В мае 2017 г. Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам была утверждена задача утроить количество иностранных студентов очной формы обучения в российских вузах: с 220 тыс. студентов в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г. В Турции 115 тыс. иностранных студентов» [*Ibid.*]. Однако тот факт, что Турция планирует увеличить количество студентов из зарубежных стран до 350 тыс. в последующие годы, показывает, насколько неотложной задачей стала интернационализация образования.

Увеличивается количество филиалов зарубежных вузов, действующих в Узбекистане. В частности, были открыты филиалы Вебстерского университета (США) и Технологического института Ёджу (Республика Корея), Кремского университета (Австрия), Уральского государственного экономического университета (Россия), Университета Амита, Университета Шармы (оба – Индия).

Почему в разных странах существует большое желание привлекать иностранных студентов в глобальном масштабе? Вполне естественный вопрос. Причина этого проста. В развитых странах экспорт образовательных услуг приносит миллиардные расходы на обучение и другие расходы в период обучения за границей. Экспорт образовательных услуг создает новые высокооплачиваемые рабочие места и увеличивает государственные доходы. В 2010 г. доход от обучения иностранных студентов в США составил около 20 млрд долларов США. В Великобритании объем поступлений от этого сектора в государственный бюджет превышает долю автомобильной промышленности и даже финансовых услуг. А в Австралии доход от образовательных услуг, оказываемых иностранным студентам, немного отстает от золотодобычи и занимает третье место [Краснова 2014].

В целях развития толерантности в межкультурном общении в Узбекистане регулярно организуются образовательные или культурные мероприятия в сотрудничестве с культурными центрами разных стран или на основе проектов многих стран. В частности, Министерство инновационного развития создало возможность для студентов, обучающихся в вузах страны, принять участие в этом международном мероприятии в рамках проекта “Creative Spark” Британского совета. “Creative Spark” – пятилетняя программа, направленная на расширение междуна-

родных связей между университетами и учебными заведениями Великобритании и стран Центральной Азии для развития активных сфер предпринимательства. Поскольку креативная экономика является новинкой для республики, Министерство инновационного развития активно поддерживает продвижение этих навыков среди студентов местных вузов путем проведения тренингов, учебно-практических занятий, мастер-классов.

Предполагается, что на занятиях студенты приобретут практические навыки ведения активной предпринимательской деятельности и в будущем внесут свой вклад в социально-экономическое развитие страны. В ходе проекта были организованы тренинги по подготовке активных бизнес-проектов с участием сотрудников Университета Лондон Метрополитен и специалистов партнерских организаций. Студенты, активно участвующие в тренингах, представляют свои стартап-проекты специальной комиссии [Вы студент? 2019]. В таких мероприятиях важно, чтобы межкультурная коммуникация была хорошо организована, а у молодежи формировалась толерантность к культурным отношениям. В общем основной целью межстрановых культурных мероприятий является дальнейшее развитие, улучшение и сближение межкультурного общения и отношений наряду с достижением обмена культурными ценностями. В таком процессе большое значение имеет развитие межкультурной коммуникативной компетенции молодежи каждой страны.

Международное сотрудничество по академическим обменов и исследовательским программам с зарубежными высшими учебными заведениями является достижением интернационализации высшего образования. В этом отношении была проделана ценная работа с Tempus, Erasmus Mundus, Германской службой академических обменов (DAAD), консульством Великобритании, Корейским агентством международного сотрудничества (KOICA) и др. Развитие международных связей в сфере образования происходит в результате финансирования международных научно-исследовательских центров и фондов. Сумма грантов, полученных из средств зарубежных научно-исследовательских центров и средств высших учебных заведений Узбекистана, составляет 27,8 % от общей суммы расходов на финансирование научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений.

Обсуждение

Мы считаем мнение профессора П. Лутфуллаева об отождествлении интернационализации высшего образования с транснациональным образованием противоречивым. В этом смысле ташкентский Международный Вестминстерский университет, филиалы Московского государственного университета (МГУ), Сингапурского института управления, Туринского политехнического университета, действующие в Узбекистане, не могут быть примерами транснационального образования. Транснациональное образование по своей природе является масштабным, предполагается, что оно оказывает образовательные услуги не одной стране, а целому ряду стран мира [Лутфуллаев 2014: 75]. Таким образом, система образования стала массовой формой бизнеса, начав предоставлять свои услуги разным странам мира. Роль качественного высшего образования в социальном развитии и экономической стабильности стран мира возрастает. Сегодня мировое сообщество возлагает большие надежды на высшее образование и требует от него вы-

полнения масштабных задач, способствующих росту экономики и формированию общества знаний. Помимо традиционной образовательной, исследовательской и инновационной деятельности, высшие учебные заведения призваны активно участвовать в развитии страны и обеспечивать непрерывный рост своего интеллектуального и инновационного потенциала.

В условиях глобализации образования во многих странах особое внимание уделяется вопросам повышения компетентности будущих специалистов на основе поднятия содержания высшего образования на международный уровень, организации модульного обучения, внедрения передовых методов обучения. В частности, появление таких интеграционных процессов и программ, как Европейское пространство высшего образования, показывает, что в настоящее время высшее образование не может развиваться в рамках одной страны [de Wit 2007].

Кроме того, подведены итоги работы ЮНЕСКО по выводу высшего образования на новый уровень, а в заявлении «Высшее образование: уроки опыта» признана необходимость увеличения инвестиций в образование в странах со средним уровнем дохода, налаживания студенческого обмена, создания возможности для обучения на стипендиальной основе тех, кто хочет учиться в других странах. Необходимо также принять срочные меры для вложения средств в высшее образование. В этом заявлении подробно рассматривается важность высшего образования для мирового развития, сокращения бедности, подчеркивается необходимость экспериментировать с образовательными стратегиями, предлагаемыми научно-исследовательскими институтами. В нем основное внимание сосредоточено на вопросах создания вузов мирового уровня, повышения конкурентоспособности высшего образования, влияния глобальной образовательной среды на развитие страны.

Правительства и академические круги разных стран, стремясь занять лидирующие места в списке лучших высших учебных заведений мира, стали пытаться вырабатывать новые представления о предназначении и месте образования в современном мире. Сегодня некоторые страны стремятся подчеркнуть, что их не устраивает их система образования, которая служит только местным или национальным интересам. Для развития высшей школы все большее значение приобретают показатели, позволяющие их сравнивать.

Сегодня вузы мирового уровня – это не только высшие учебные заведения, дающие качественное образование и развивающие интеллект и культуру; они стали предметом гордости, поскольку страны оценивают статус своих учебных заведений, сравнивая их с учебными заведениями других стран.

В последнее десятилетие термин «глобальные образовательные учреждения» стал синонимом не только для повышения качества преподавания и исследований, но и, что более важно, для приобретения, адаптации и расширения студенческого обмена на глобальном рынке образования. Парадокс вузов мирового масштаба заключается в том, что «все хотят создавать такие образовательные учреждения, но никто не знает, что это такое и как это организовать» [Altbach 2004]. В настоящее время молодые люди стремятся поступить в лучшие школы, которые являются для них экономически выгодными, а правительства – максимизировать отдачу от своих инвестиций в образовательные учреждения. Наиболее эффективным способом для этого является развитие образовательных грантов в междуна-

родном масштабе и привлечение большего количества студентов из зарубежных стран.

В результате глобализации образования высшие учебные заведения превращаются в «базы науки» и «учреждения общей культуры» [Махаматов, Касимова 2021]. Согласно новым подходам, форма высшего образования черпает свою легитимность из культуры, синтезирующей обучение и исследования, процесс и результат, институциональность и индивидуальность [Гельмгольц 2003]. В то же время глобализация образования становится сферой возникновения межкультурных противоречий. Поэтому сегодня перед вузами стоят серьезные задачи: популяризация образования; коммерциализация и приватизация науки и образования; можно включить сюда также глобализацию рынка услуг в сфере образования. Массовость образование сначала получило в результате революции в системе среднего образования, а затем этот процесс распространился и на систему высшего образования. Образовательная революция представляет собой беспрецедентное увеличение числа учащихся на всех уровнях образования. Это привело к увеличению числа студентов, приходящихся на одного преподавателя вуза, и серьезно затруднило межличностное общение внутри учебных заведений.

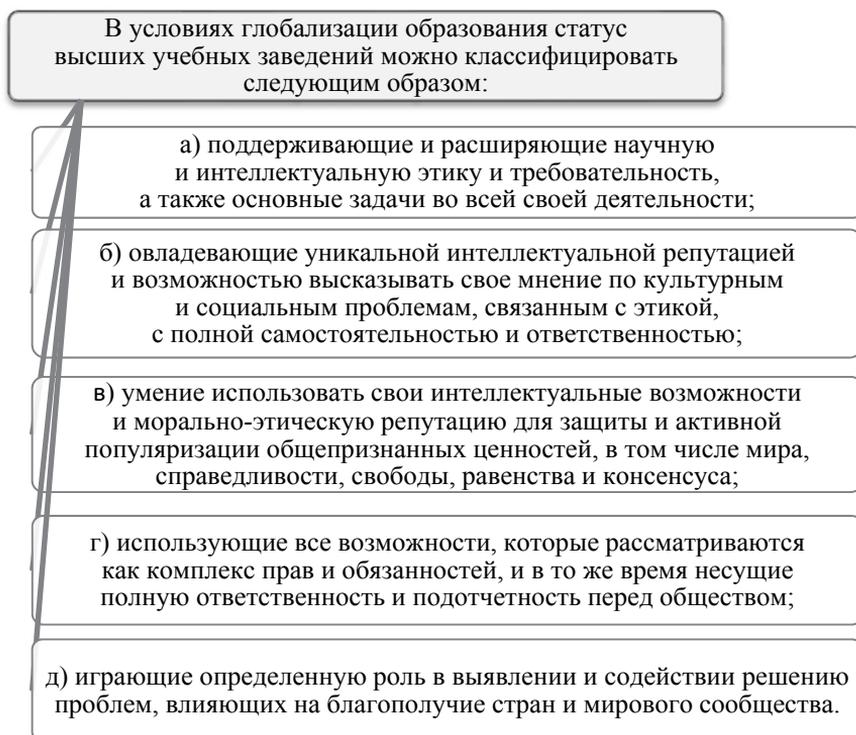

Рис. Статус высших учебных заведений в условиях глобализации образования

Сегодня в результате «академической глобализации» высшие учебные заведения поощряются к активному участию в борьбе за контрактников из зарубежных стран. Прежде чем изучать новые механизмы регулирования, созданные

высшими учебными заведениями в новой конкурентной среде, целесообразно рассмотреть особенности существующей системы регулирования и причины ее реформирования. С глобализацией образования обучаться в зарубежных странах стало намного проще. Это расширило возможности для глобального студенческого обмена и сотрудничества, привело к расширению культурных связей, необходимости развития у учащихся определенных навыков межкультурного общения. В то же время во многих странах предоставляются гранты и финансовые стимулы для обучения студентов за рубежом. Принимаются меры по расширению доступа к финансированию обучения за границей. В Скандинавских странах, Австрии, Греции и Нидерландах были внедрены или внедряются системы помощи студентам, которые учатся по программе получения степени за границей. Во Фландрии предоставляется государственная помощь по программам, предлагаемым признанными голландскими высшими учебными заведениями.

Заключение

Взаимодействие между представителями разных культур, общение, при котором применяется опосредованная форма общения (язык, речь, письмо, электронное общение), считается межкультурным. Помимо культурных различий на процесс межкультурной коммуникации влияют возраст, пол, профессия и социальный статус собеседников, а также их терпение, настойчивость и личный опыт.

В современных условиях культурные связи проявляются в различных сферах жизни человека – туризме, спорте, личных отношениях и студенческом обмене в результате глобализации образования. В межкультурных отношениях, особенно в многонациональных государствах, участвуют как большие, так и малые народы, имеющие административно-государственные формы, регулирующие национальный состав, и не имеющие таких форм. В этом случае имеющие численное большинство и культурно сформированные нации могут влиять на процесс взаимодействия больше, чем малые нации [Чумаков 2018].

Исторические процессы в мире издавна характеризовались двумя противоречивыми, но взаимно необходимыми и имеющими равное основание тенденциями – с одной стороны, тягой культур к общению и близким отношениям, а с другой стороны, стремлением к сохранению своей этнокультурной самобытности и защите от внешних воздействий. В наше время эти традиции принимают противоречивый вид, что опасно. На данном этапе развития глобализации, то есть неоглобализации, ученым и специалистам необходимо находить золотую середину решения этого феномена, разработать варианты избежания крайностей во взаимоотношениях социума на научной основе, а властям – иметь политическую волю и мудрость при решении таких вопросов.

Сегодня, в ситуации, когда в жизни каждой нации происходят такие процессы, как поликультурализм, полиэтничность, монокультурализм, межкультурный диалог, никто не может гарантировать, что в межкультурном общении не возникнет противоречий, недопонимания, конфликта интересов и т. п. Основной целью межстрановых культурных мероприятий является улучшение межкультурного общения и сближение отношений, а также достижение обмена культурными ценностями. В таком процессе большое значение имеет развитие межкультурной коммуникативной компетенции молодежи каждой страны. Потому в настоящее

время высшие учебные заведения мирового уровня – это институты, не только дающие качественное образование, но и развивающие интеллект и культуру общения с носителями других культур.

Литература

Вы студент? // Kun.uz. 2019. 17 января.

Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. 2003. № 6(15). С. 29–33.

Краснова Г. Российское образование на экспорт [Электронный ресурс] : ТАСС. 2014. 8 октября. URL: <https://tass.ru/opinions/1597477>.

Лутфуллаев П. Особенности интернационализации высшего образования: международный опыт // Перспективы развития высшего образования. Ташкент : Vita color, 2014.

Махаматов Т. М., Касимова З. Г. Глобальная цивилизация и эффективность культурной политики как «мягкой силы» // Век глобализации. 2021. № 4(49). С. 90–103.

Мирзиёев Ш. М. Новая стратегия Узбекистана. Ташкент : Узбекистан, 2021.

Фалькова Е. Г. Межкультурная коммуникация и основные понятия и определения. Методическое пособие. СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2018. № 1 (январь – март). С. 30–44.

Akbarov A. Oliy ta'lim vaziriga ochiq xat // Daryo. 2019. 22 iyul.

Altbach Ph. G. The Costs and Benefits of World-Class Universities [Электронный ресурс] : Academe. 2004. Vol. 90 (1, January-February). URL: <http://www.aaup.org/AAUP/pubsres/academe/2004/JF/Feat/altb.htm> (дата обращения: 19.01.2024).

De Wit H. 2007. European Integration in Higher Education: the Bologna Process towards a European Higher Education Area // International Handbook of Higher Education / ed. by J. J. F. Forest, P. G. Altbach. Dordrecht : Springer. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_23.

ГЛОБАЛЬНАЯ НАУКА И АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ОТКРЫТОСТИ*

Шугуров М. В.**

Процессы глобализации оказались тесно связаны с санкциями в научной сфере. Рассматриваются проблемы, возникшие в отношении последовательной реализации парадигмы открытой науки в связи с текущими антироссийскими санкциями. Анализируется закономерность, выразившаяся в сокращении объема международной научной коммуникации, охватываемой парадигмой открытости. Как следствие происходит замедление научно-технического прогресса, направленного на решение глобальных проблем. Автор рассматривает ситуацию антироссийских санкций в сфере науки в контексте наметившегося тренда, заключающегося в переходе от идеалистической к прагматической модели научной дипломатии. Сделан вывод о сохранении элементов открытой науки в современной геополитической ситуации при одновременном возрастании гетерогенности в глобальном научном сообществе в отношении степени и форм продолжения научного сотрудничества с Россией.

Ключевые слова: геополитический кризис, глобализация науки, санкции в сфере науки, антироссийские санкции, научная дипломатия, открытая наука, научно-технический прогресс.

GLOBAL SCIENCE AND ANTI-RUSSIAN SANCTIONS: PROBLEMATIZING THE PARADIGM OF OPENNESS

The processes of globalization turned out to be closely connected with sanctions in the scientific field. The problems that have arisen in relation to the consistent implementation of the open science paradigm in connection with the current anti-Russian sanctions are examined. The author analyzes the regularity resulting in the reduction of international scientific communication, covered by the paradigm of openness. As a result, there is a slowdown in scientific and technological progress aimed at solving global problems. The author considers the situation of anti-Russian sanctions in the field of science in the context of the emerging trend,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01296; <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>).

Для цитирования: Шугуров М. В. Глобальная наука и антироссийские санкции: проблематизация парадигмы открытости // Век глобализации. 2024. № 1. С. 113–126. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.09.

For citation: Shugurov M. V. Global Science and Anti-Russian Sanctions: Problematizing the Paradigm of Openness // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 113–126. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.09 (in Russian).

** Шугуров Марк Владимирович – д. ф. н., профессор Саратовской государственной юридической академии. E-mail: shugurovs@mail.ru.

Mark V. Shugurov – Dr. Phil., Professor of Saratov State Academy of Law. E-mail: shugurovs@mail.ru.

which consists in the transition from idealistic to pragmatic model of science diplomacy. The author concludes that the elements of open science are preserved in the current geopolitical situation, while increasing the heterogeneity in the global scientific community regarding the degree and forms of continuation of scientific cooperation with Russia is increasing.

Keywords: *geopolitical crisis, globalization of science, sanctions in the field of science, anti-Russian sanctions, scientific diplomacy, open science, scientific and technological progress.*

Введение

По общему признанию век глобализации идентифицируется с комплексом признаков, отражающих переход мирового развития на новую стадию. Она характеризуется повышением взаимозависимости государств и формированием интегрированной миросистемы. Налицо формирование глобальной науки, представляющей собой высокую степень развития многостороннего сотрудничества на основе разветвленной сетевой инфраструктуры в русле парадигмы открытости. Однако глобальное развитие мира далеко от благостной картины. Действительно, глобализация, будучи естественно-историческим процессом, представляет собой сферу взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов [Чумаков 2020]. Одновременно с этим процессы глобализации сопровождаются целой серией негативных явлений, ряд которых подрывает саму ее идею. К ним можно отнести не только модель так называемой односторонней глобализации, но и нарастающий каскад односторонних ограничительных мер (санкций) в экономической, торговой, технологической и финансовой сферах.

Беспрецедентные в мировой истории экономические санкции, на перманентной основе вводимые против России с начала 2022 г., оказались теснейшим образом сопряженными с санкциями в отношении российской науки. Это выразилось в сворачивании сотрудничества на уровне значительного числа двусторонних и многосторонних программ и проектов в сфере исследований и разработок, в том числе важных для решения глобальных проблем. Масштабные санкции, синхронно введенные недружественными странами, их университетами и научными учреждениями, а также рядом глобальных научных центров класса «мегасайенс», породили целый круг вопросов (основания введения ограничительных мер в сфере науки, их виды, последствия), ставших предметом специального анализа в зарубежной и отечественной научной и экспертной среде [Stüwe, Flink 2023; Plackett 2022; Дежина, Егерев 2022; Фомкин 2022].

Среди указанной серии вопросов большую актуальность приобретает вопрос о воздействии антироссийских санкций на глобальную науку и перспективы ее развития. Суть проблемы заключается не только в неполучении запланированных совместных научно-технических результатов в рамках международных коллабораций, но и в деформации самого каркаса глобального научно-технического сотрудничества, столь длительное время выстраиваемого мировым научным и научно-техническим сообществом. В качестве данного каркаса выступают принципы международного права, научная дипломатия и ценностно-целевые ориентиры, составляющие содержание парадигмы открытой науки.

По этой причине *цель* статьи заключается в экспликации негативного воздействия современных санкций в отношении российской науки на реализацию парадигмы открытой науки, характеризующейся большой популярностью в глобальном научном сообществе.

1. Достижения и проблемы открытой науки в свете научных санкций

Процессы глобализации науки оказались «окаймлены» разного рода ограничительными мерами, касающимися тех или иных форм международного научного сотрудничества с различными целевыми государствами (*sanctioned states*). Подобные меры применялись или продолжают применяться против научного сектора Венесуэлы, КНДР, Ирака, Сомали и т. д. В научной литературе последнее столетие было метко охарактеризовано «веком научных бойкотов» [Gordin 2022]. Санкции в сфере науки, иногда именуемые «научными санкциями», пагубным образом отражаются на развитии научно-технологического потенциала, а вместе с тем на уровне экономического развития целевых стран со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями для социальной сферы и прав человека. На этом фоне в условиях антироссийских научных санкций возникают очаги деформации научной открытости [Gaidin *et al.* 2022]. Все это сопряжено с ситуацией неопределенности в мировых научных кругах. Как отмечает Ф. Зубаску, ученые спорят о том, ограничивают ли научные санкции академическую свободу и следует ли по-прежнему использовать научное сотрудничество в качестве открытого канала связи с Россией [Zubascu 2022]. И дело здесь заключается не в простой теоретической заинтересованности, а в поиске алгоритма действий, снижающих возникшую неопределенность.

Сложный характер возникшей дилеммы определяется не только правовым аспектом, связанным с обоснованностью прекращения или приостановки выполнения международно-правовых обязательств в сфере научного сотрудничества, но и аксиологическим аспектом. В последнем случае это идеалы и ценности открытой науки, имеющие парадигмальное значение. В этом свете указанный выбор, в ситуации которого оказались ученые, а также научные учреждения из недружественных стран, означает выбор в пользу приверженности парадигме открытой науки либо отказа от ее последовательной реализации. Современный геополитический кризис стал фактором резкого сокращения открытости. Как отмечает К. Мартин, физика, космические и климатические исследования, где особенно востребовано участие России, могут вступить в новую холодную войну [Martin 2022].

Научное сотрудничество, как, впрочем, и культурное, действительно способствует углублению связей между народами и государствами. Это становится особенно важным в условиях политической напряженности. Во время политических конфликтов научное сотрудничество порой служит ресурсом для содействия переходу к постконфликтным отношениям. Примеров научной дипломатии множество. Это научное сотрудничество с СССР в период холодной войны, взаимодействие ряда неправительственных организаций с Северной Кореей, продолжение, пусть и в ограниченной форме, международного научного сотрудничества с Ираном.

Помимо США, активизмом в сфере международного научного сотрудничества отличается Европейский союз, нацеленный на самоформатирование в каче-

стве «Инновационного союза». Опираясь на Стратегию международного сотрудничества в области исследований и инноваций с третьими странами 2012 г., ЕС самым активным образом вовлекает в Европейское научное пространство (ERA) различные государства из других регионов, одновременно не забывая получить доступ к знаниям, генерируемым вне Европейского региона. В Стратегии ясно сказано о том, что научная дипломатия предполагает использование международного сотрудничества в области исследований и инноваций в качестве инструмента «мягкой силы» и механизма улучшения отношений с ключевыми странами и регионами. В поле такой политики длительное время находилась Россия, активно участвовавшая в 7-й Рамочной программе, а далее в программе «Горизонт 2020». Санкции, введенные в отношении России в 2014–2021 гг., в принципе, не затронули сферу научных отношений.

Несмотря на всю притягательность пафоса политики научной дипломатии и разрекламированного открытого сотрудничества, существует скептический взгляд на данный подход. По мнению Т. Флинка, квазикосмополитическая идея сотрудничества не должна использоваться в качестве общего нормативного положения. Крайне насущным оказывается вопрос о том, следует ли сотрудничать с государствами, которые не разделяют всего комплекса западных ценностей [Flink 2022: 197]. Подобного рода скептическая позиция не претендует на полное отрицание ни научной дипломатии, ни реализуемой в ее рамках парадигмы открытой науки, имеющей, кстати говоря, не только внешнее (международное), но и внутреннее (национальное) измерение. Здесь имеет место стремление усмотреть их пределы. За фасадом безграничного идеализма преследование внешнеполитических интересов и нацеленность на привлечение лучших «научных мозгов» из других зарубежных стран со временем оказали воздействие на трансформацию парадигмы открытой науки в направлении ее прагматизации. Представляется, что антироссийские санкции лишь ускорили реализацию данного тренда.

Приверженность парадигме открытой науки высказывают не только институционализованные и неинституционализованные сообщества исследователей, но и международные организации. Прежде всего это ЮНЕСКО. В п. 5 своей широко известной Рекомендации об открытой науке 2021 г. [UNESCO 2021] данная международная межправительственная организация указала на то, что открытая наука опирается на основополагающие принципы академической свободы, добросовестность в исследовательской работе и стремление к высокому научному уровню. Согласно парадигме открытой науки научная деятельность включает методы повышения уровня воспроизводимости, прозрачности, обмена информацией и сотрудничества на основе расширения открытого доступа к научным материалам, инструментарию и процессам. Укажем на ценности открытой науки, следование которым, как оказалось, также достаточно проблематично в условиях санкций. Это аксиологическая триада «сотрудничество – участие – инклюзивность», предполагающая сотрудничество на всех уровнях научного процесса, невзирая на географические, языковые, поколенческие и ресурсные барьеры. Парадигма открытой науки, задающая установки исследователям во всем мире, – это не способ «заниматься наукой правильно», а, скорее, убеждение или даже поведение, которое должно соответствовать обязательствам исследователей [Imming, Tennant 2018]. Данные обязательства формулируются в качестве принципов FAIR – нахо-

димось, доступность, интероперабельность и многообразие методов, обеспечивающих простоту сотрудничества, воспроизводимость научных результатов и эффективность продвижения науки [Miedema 2022].

ЮНЕСКО ориентирует государства-члены на необходимость создания на институциональном, национальном, региональном и международном уровнях такой политической среды, которая благоприятствовала бы внедрению методов открытой науки и эффективного применения ее практических инструментов (п. 17). Все это должно найти свое выражение в устранении барьеров, которые препятствуют развитию открытой науки (п. 20). Санкционные режимы в сфере науки, направленные против определенных государств, создают существенные барьеры для сотрудничества. Россия в сложившей ситуации в международном научном сотрудничестве утрачивает качество полноценного бенефициара научной открытости. Но поскольку научные санкции подвержены той же логике, что и санкции экономические, а именно логике обратного негативного воздействия на сторону, которая их ввела, то западные государства также сталкиваются с проблемой доступа к процессу генерирования знания, имеющего место в России.

Напомним, что преимущества открытости нашли свое отражение, например, в совместной разработке вакцин против COVID-19, а также в усилиях в сфере достижения понимания факторов изменения климата и решения проблемы сохранения биоразнообразия. Одновременно не меньшее значение имеет функционирование алгоритма открытой науки. Так, Т. Росс-Хеллауэр отмечает, что «открытая наука, если она организована неправильно, усугубит неравенство. Сторонники реформ в области исследований должны остерегаться непредвиденных последствий» [Ross-Hellauer 2022: 363]. Аналогичных представлений придерживаются российские авторы. В частности, Л. Клеева и С. Максимов полагают, что к рискам открытой науки относится приватизация глобальным Севером научных данных, выработанных глобальным Югом [Клеева, Максимов 2021: 27]. Данное обстоятельство приводит не к сокращению, а к углублению научно-технологического разрыва. Все это, по сути, есть отражение модели односторонней глобализации в научно-технологической сфере. Из-за прекращения нормальных обменных процессов в научной сфере возникает новый риск скатывания государства, против которого направлены санкции, на периферию мировой науки. Применительно к России риск научной маргинализации весьма актуален и никем не скрывается. Положение спасает то, что продолжается научное сотрудничество с дружественными странами.

2. Современные тренды научной открытости

О том, что алгоритм открытой науки в более широком масштабе начинает выстраиваться в ключе, который вряд ли ориентирует международное научное сотрудничество на решение проблемы научно-технологического разрыва, свидетельствуют тенденции в развитии научной дипломатии ЕС. Мы не будем подробно останавливаться на направлениях, организационных основах и результатах политики ЕС в сфере открытой науки [Eugorean... 2023], а лишь подчеркнем, что введение антироссийских санкций в сфере науки со стороны ЕС и его государств-членов приводит к противоречию с ориентацией на открытость. Но, надо заметить, налицо корректировка модели научной открытости в направлении перехода от наивности (либерального идеализма) к прагматизму и предосторожности.

В качестве примера обратимся к Регламенту 2021/695/EU [Regulation... 2021], являющемуся правовой основой новой программы “Horizon Europe”. В преамбуле Регламента говорится о том, что концепции «открытой науки», «открытых инноваций» и «открытости миру» должны обеспечивать превосходство и эффективность инвестиций Союза в НИОКР, защищая при этом интересы Союза (п. 2 ст. 14 «Открытая наука»). Но если учитывать тот факт, что Европейская комиссия исключила возможность участия российских научных учреждений в программе “Horizon Europe”, то у работающих в них исследователей не будет доступа ни к участию в международных научных проектах, ни к экспериментальным данным. Доступ российских научных учреждений, а также самих исследователей к результатам, отраженным в научных работах, сохранится. Но это будет иметь место помимо воли ЕС и отнюдь не должно рассматриваться в качестве результата проводимой с его стороны политики открытой науки.

Незадолго до событий 2022 г. в зарубежной экспертной среде отмечалось, что «в последние годы растущая геополитическая напряженность привела к пересмотру международного академического сотрудничества» [Jorgensen 2022]. Конечно, в Европе, как и в других регионах, продолжает бытовать широкий консенсус относительно того, что международное сотрудничество – это важнейший канал реализации миссии университетов и научных центров по накоплению и распространению знаний. Базовые идеологемы международной политики в сфере исследований и разработок, на первый взгляд, продолжают оставаться прежними. Сюда относится поддержка научной открытости и глобального обмена. Но одновременно с этим стали подниматься вопросы о том, в какой степени сотрудничество ведет к зависимости, особенно в сфере стратегически значимых технологий.

В дополнение к этому стала актуализироваться и другая сторона вопроса – каким образом распространяемые в ходе сотрудничества знания и технологии используются в государствах, которые функционируют на основе ценностей иных, чем европейские? Европейской ассоциацией университетов (EUA) в 2022 г. был организован вебинар относительно практических последствий международного научного сотрудничества¹. В ходе встречи представителей Европейской комиссии с представителями университетов было продекларировано, что открытость в рамках международного сотрудничества является вариантом по умолчанию. Но в том случае, если такие ценности, как академическая свобода или гражданские права, в государстве-партнере недостаточно защищены, Европа сохраняет за собой право ограничить научное сотрудничество и технологический обмен. Более того, ключевым трендом стало встраивание научной интернационализации в политические рамки, предполагающие учет глобальных вызовов и рисков, связанных с авторитаризмом и геополитической поляризацией.

Буквально через несколько дней после принятия Регламента о программе “Horizon Europe” Европейская комиссия приняла новый Стратегический подход к международному сотрудничеству с третьими странами в сфере исследований и разработок [см.: Communication... 2021]. Основной идейный стержень новой фазы научной дипломатии состоит в том, что открытость миру в сфере научно-технического и инновационного сотрудничества была заменена на открытость ЕС

¹ См.: https://www.youtube.com/watch?v=E_HqW4z7ltk&list=PLq0J1sJGsmQ7VslkE04wHUEoaLc1PNJDS&index=6 (дата обращения: 30.07.2023).

для «большой части мира». Это свидетельствует о переходе к большей разборчивости и осторожности в выборе партнеров и направлений сотрудничества. Уточненные правила взаимодействия с зарубежными странами основаны на принципах взаимности, равных условиях и, что особенно важно для нашей статьи, уважении основных прав человека и общих ценностей.

Идеологические клише, будучи усилены интересами технологической безопасности и обеспечения технологического суверенитета ЕС, привели к возникновению тенденции по ограничению научного взаимодействия ЕС с третьими странами. Однако назвать эти ограничения в полном смысле санкциями нельзя. Здесь налицо сокращение сотрудничества. Например, наибольшие опасения, которые возникли еще до широкомасштабного введения антироссийских научных санкций, вызвало – как в ЕС, так и в США – отсутствие взаимности со стороны Китая. Поэтому сейчас ведется разработка политики по сокращению сотрудничества с КНР. Но поражает другое, а именно введение ограничительных мер в отношении сотрудничества с такими ближайшими партнерами, как Великобритания, Израиль и Швейцария, в сфере квантовых и космических исследований.

Поэтому нет ничего странного в том, что основой введения научных санкций в отношении России со стороны европейских университетов и научных центров, ЕС и его государств-членов стало указание на ценностные мотивы. Однако здесь есть один нюанс. Если в отношении России доминирует ценностная мотивация, то в отношении Китая это прежде всего мотивы обеспечения безопасности. Однако и в случае с КНР ценностный аспект планируемых ограничений начинает все более явственно заявлять о себе. Все это свидетельствует о том, что комфортные дни глобальной эйфории и сотрудничества после холодной войны прошли. И первую скрипку в этих изменениях играет Германия, стремящаяся воплотить новый реализм в своей исследовательской политике [Stüwe, Flink 2023].

Как можно видеть из последующих событий, определенная деформация открытости науки удивительным образом сочетается с пропагандистскими мероприятиями, сигнализирующими о верности данной парадигме. В принципе, в этом можно невольно усматривать основу избегания сценария полной научной изоляции России. Достаточно парадоксально, что США, которые ввели антироссийские научные санкции – правда, без особой поспешности, – объявили 2023 год Годом открытой науки [Fact... 2023]. До этого в сентябре 2022 г. была утверждена Новая политика открытой науки ЦЕРН [CERN... 2022]. Политика направлена на то, чтобы сделать все исследования данного центра полностью доступными, инклюзивными, демократичными и прозрачными как для других исследователей, так и для общества в целом. Заметим при этом, что ЦЕРН также сформировал санкционный режим в отношении российской науки, но его отличает растянутость во времени введения ограничительных мер.

Зарубежные эксперты замечают, что «новая атмосфера холодной войны воцарилась в Европе с шокирующей внезапностью, сопровождаемой надеждой на то, что военный конфликт не распространится дальше. Сегодня мы обсуждаем это разделение в контексте исследовательского сотрудничества, научного обмена и научной коммуникации» [Hinchliffe, Schonfeld 2022]. Если говорить образно, то формальные и неформальные мосты международной коммуникации (конференции, совместные проекты и публикации), возведенные в науке во время хо-

лодной войны и после нее, стремительно разрушились в результате введения ограничительных мер, лейтмотив которых заключается в использовании научной изоляции России в качестве инструмента достижения ее политической изоляции. В практическом плане это означает свертывание с беспрецедентной скоростью взаимодействия в рамках коллабораций, которые формировались порой десятилетиями.

Однако не все так однозначно. Поэтому вполне обоснованно использовать термин «деформация». Дело в том, что мосты не столько разрушились, сколько прекратили свое полноценное функционирование. При этом пунктирное движение по ним все же сохранилось. Это означает, что сфера науки, к ее чести, полностью не стала «приводным ремнем» политики. Налицо неоднозначная ситуация, в которой сторонники открытой науки оказались перед необходимостью самоопределения, когда, по замечанию Д. Мэтьюза, «наивная» эра научной дипломатии закончилась [Matthews 2022b]. Тем не менее это не означает завершения эры научной дипломатии как таковой, как в период СВО, так и после нее. Вполне очевидно, что на новой стадии дипломатия начинает, во-первых, в большей степени учитывать геополитические реалии, а во-вторых – акцентировать внимание на ценностях. Так, в своей декларации 2022 г. министры науки G7 призвали демократические государства объединить исследовательские усилия, подчеркнув при этом, что свобода и демократия являются основой для научного обмена [G7... 2022]. Иными словами, установка на то, что научные связи будут продолжаться «несмотря ни на что», утрчивает свою действенность.

3. Антироссийские научные санкции в зеркале международного диалога

В целом существуют три позиции, которые разделяет глобальное научное сообщество. Единое мнение о том, в каком направлении должны измениться академические отношения с Россией, отсутствует. Заметим, что от доминирования той или иной позиции зависит сохранение парадигмы открытой науки на весьма важном участке международного научного сотрудничества, стороной которого являются Россия и российские исследователи. Более того, это может стать свидетельством сохранения влияния данной парадигмы, но, разумеется, в ее модифицированном виде.

Согласно непримиримым сторонникам бойкота российской науки, нашей стране должен быть дан бескомпромиссный международный ответ. К аргументам «отмены» научной дипломатии и, как следствие, научной изоляции России можно отнести тезис государственного секретаря Германии по исследованиям Т. Заттельбергера о том, что «не может быть научной дипломатии перед лицом жесткой, нарушающей международное право агрессии» [цит. по: Matthews 2022a]. По мнению Д. Клементса, астрофизика из Имперского колледжа Лондона, «научное сотрудничество в значительной степени является отраслью дипломатии, и дипломатия потерпела неудачу, поэтому вполне разумно отказаться от научного сотрудничества в настоящее время» [цит. по: *Ibid.*].

В соответствии с позицией противников изоляции России, разрыв связей накажет российских ученых и нанесет ущерб дипломатическим каналам. Дж. Моран, старший научный сотрудник Центра европейских политических исследований, полагает, что научный мир должен продолжать разговаривать с Россией [Мо-

gan 2022]. По его мнению, важно сохранить некоторые каналы открытыми для диалога и в конечном итоге само сотрудничество. Как мы полагаем, в ситуации антироссийских научных санкций, означающих разрывы институциональных связей с Россией, фокус предосторожности смещается в пространство межличностных контактов ученых.

Большинство ученых из недружественных стран придерживаются умеренной позиции и полагают, что академические связи в той или иной форме должны быть сохранены. При этом в сохранении академических связей усматривается миротворческий потенциал. Это находит свое выражение в том, что в мировой науке достаточно уверенные позиции занимает подход, согласно которому научное сотрудничество с Россией должно продолжаться в рамках научных направлений, касающихся глобальных проблем. Одновременно с этим такой подход сочетается с ярко выраженной негативной оценкой части международного исследовательского сообщества СВО [Gaird, Else 2022]. На наш взгляд, это вызвано недопониманием сути происходящих процессов. Но, несмотря на это, принципиальные сторонники открытой науки стремятся отстоять ее фундаментальные параметры на фоне глобальных политических кризисов.

Так, в Открытом письме участников третьего выездного семинара «Влияние глобальных кризисов на движение за открытую науку» (июнь 2022 г.; см.: [“Open...” 2022]), предполагающего его подписание всеми заинтересованными лицами, делается попытка осмыслить то, в какой мере в условиях глобальных политических кризисов уместна закрытость. Как следует из письма, парадигма открытой науки не означает абсолютной открытости. Последняя определяется имеющимися возможностями. Соответственно, при необходимости допускается закрытость для осуществления контактов. Для ситуации геополитических катаклизмов мера соотношения открытости и закрытости – особая. Но в этой ситуации открытую науку ни в коем случае не следует рассматривать, а тем более превращать в инструмент наказания. В Открытом письме допускаются ограничения в институциональном сотрудничестве. Это как раз и следует обозначить как научные санкции. Одновременно с этим в основе прекращения или приостановки межличностного взаимодействия между исследователями должно находиться усмотрение самих исследователей. Но главное заключается в том, что это взаимодействие необходимо всеми усилиями сохранять, насколько это возможно, в рамках соответствующих соглашений.

Вполне в духе парадигмы открытой науки звучат положения Открытого письма ученых из университетов США, Канады и Великобритании, то есть стран, проводящих достаточно жесткую санкционную политику в отношении российской науки [Fedoroff 2022]. В документе подчеркивается, что не следует полностью приостанавливать все взаимодействия с российскими учеными.

Здесь также надо понимать, что в условиях санкций возникает дилемма не только применительно к формам продолжения коммуникации, но и в отношении доступа к исследовательским знаниям. Напомним, что парадигма открытой науки включает в себя целый ряд принципов – открытый доступ, открытые данные, открытый исходный код и т. д. Реализация парадигмы открытой науки в условиях санкций означает, что данные принципы должны применяться в равной степени ко всем, а не превращаться в инструменты исключения. Тем более что в некото-

рых случаях осуществить всестороннее ограничение доступа технически невозможно.

Как мы полагаем, это означает, что ограничительные меры не должны включать в себя ограничение доступа к знаниям. В частности, не представляется возможным наложить запрет на чтение бывшими коллабораторами научных работ друг друга, хотя, конечно, институциональные разрывы объективным образом могут сократить объем доступной научно-технической информации. Например, после прекращения сотрудничества с ЦЕРН в 2024 г. российские исследователи уже не получают доступа к данным, накапливаемым в ходе тех или иных экспериментов в рамках различных коллабораций Центра. Но знания, полученные на их основе, не перестанут быть доступными российским физикам.

Академическое сообщество недружественных стран не стремится к тому, чтобы механически следовать рекомендациям профильных министерств, а подчеркивает необходимость опоры на собственные доводы. Формулировка оснований со стороны зарубежных исследовательских организаций и объединений предполагала в начале 2022 г. решение важной дилеммы, а именно – изолировать или не изолировать Россию в научном плане, а если изолировать, то какова мера такой изоляции.

Зарубежные университеты и исследовательские центры, констатирующие переход к эре постнаивной научной дипломатии с характерной для нее предосторожностью в научных контактах, весьма ревниво относятся к своей институциональной автономии и соответствующей ей академической свободе. Они не намерены быть простым орудием геополитики. Отсюда становится понятен их призыв к европейским правительствам быть осторожными, не вмешиваться в институциональную автономию собственных университетов и не устанавливать контроль над их зарубежными связями. По их мнению, крайне важно укреплять глобальное академическое сотрудничество и обмена между университетами. Открытый диалог, обмен идеями и содействие взаимопониманию могут помочь преодолеть разрывы, возникающие из-за различных геополитических рамок [Björnholm 2023].

Смена модели научной дипломатии при одновременном сохранении элементов открытой науки отражена в совместной декларации группы французских институтов Udice и Гильдии европейских исследовательских университетов [Declaration... 2022]. основополагающий лейтмотив документа – признание важности трансграничных исследований и оценка международного сотрудничества, имеющего важное значение для научного прогресса в качестве полезного дипломатического инструмента. Вместе с тем лейтмотивом стал тезис о том, что сотрудничество не всегда является безусловным благом, выходящим за рамки геополитики. Другими словами, оно должно продолжаться, но в весьма продуманных форматах. Весь вопрос в том, как осуществлять сотрудничество с государствами, которые придерживаются других ценностей. Здесь также показателен подход британской организации “Universities UK”, объединяющей 140 учебных заведений. В частности, она рекомендовала своим членам не объявлять тотальный бойкот научному сотрудничеству с Россией [Universities UK 2022]. На конференциях ректоров нидерландско- и франкоязычных регионов Бельгии было опубликовано совместное заявление, в котором содержится просьба ко всем правительствам убедиться в том, что академическое сотрудничество может продолжаться в максимально воз-

можной степени [Upton 2022]. Но это сотрудничество главным образом рассматривается в приватной сфере. Это своего рода результат признания того, что в ряде научных областей без российского участия не обойтись [van der Walle 2022]. Кроме того, поддержание личных контактов с отдельными преподавателями и студентами университетов, с которыми институциональное сотрудничество было приостановлено, также остается возможным и даже желательным в нынешних обстоятельствах.

Таким образом, вполне прослеживается модель научной политики, сочетающей в себе как продолжение сотрудничества в одних направлениях, так и ограничения в других. Однако эта модель не имеет всеобщего охвата: она характерна для недружественных России государств. Для академического же сообщества из дружественных стран подобного рода проблематика нехарактерна: сотрудничество идет своим ходом, насколько это возможно. Соответственно, в мировом научном сообществе в отношении обоснованности введения антироссийских научных санкций имеются расхождения. Ученые из дружественных стран, например ЮАР, не считают нужным введение научных санкций против России. Следовательно, современный ландшафт глобальных научных коммуникаций оказывается весьма гетерогенным: сохранение открытости сочетается с частичной открытостью и очагами закрытости.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что современные геополитические катаклизмы все же не стали источником разрушения парадигмы открытой науки как таковой. Важнейший фактор сдерживания такого разрушения – понимание глобальным научным сообществом того факта, что наука призвана не только усиливать национальную конкурентоспособность, но и решать глобальные проблемы современности. В последнем случае нужно поддержание необходимого уровня институциональной и межличностной научной коммуникации поверх идеологических и ценностных предубеждений. Вместе с тем уверенность в том, что научная открытость будет постоянно преобладать даже во времена серьезных конфликтов, а само сотрудничество будет постоянно поддерживаться, ушло в прошлое. Но это не останавливает усилия исследователей по удержанию каналов взаимодействия в условиях санкций, так как разъединение нарушает ход научных исследований или же приводит к их полной остановке. Одновременно это побуждает делать прогнозы в отношении того, насколько глубоким может быть последующее разъединение в долгосрочной перспективе. На восстановление отношений между Россией и Западом потребуются годы, если не десятилетия. В этих условиях оказывается востребованной новая научная дипломатия, нацеленная на максимально возможную открытость науки в условиях, когда очевидным становится тренд на научное разъединение как весьма распространенную стратегию научного взаимодействия в глобальном мире.

Литература

Дежина И. Г., Егоров С. В. Движение к автаркии в российской науке сквозь призму международной кооперации // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2022. № 1. С. 35–53.

Клева Л. П., Максимов С. В. «Открытая» наука: критический анализ нового проекта ЮНЕСКО // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1. С. 22–29.

Фомкин Ф. С. Российская наука в период санкций // *Respublica Literaria*. 2022. № 3. С. 106–117.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020.

Björnmalm M. Universities Should Take Steps to Safeguard Their Autonomy in the Face of Geopolitical Challenges. 2023. June 27 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-business.net/viewpoint/Universities/viewpoint-universities-should-take-steps-safeguard-their-autonomy-face-geopolitical> (дата обращения: 17.12.2023).

CERN Open Science Policy. Approved by the Director General on 01 October 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://cds.cern.ch/record/2835057/files/CERN-OPEN-2022-013.pdf> (дата обращения: 17.12.2023).

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Global Approach to Research and Innovation Europe's Strategy for International Cooperation in a Changing World [Электронный ресурс] : COM (2021) 252 final (Brussels, 18.5.2021). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2021%3A252%3AFIN>.

Declaration of German U15, The Guild of European Research-Intensive Universities and Udice on International Cooperation. 2022. April 27 [Электронный ресурс]. URL: https://www.the-guild.eu/news/2022/the-guild_juild_joint-statement-on-international-cooperation27april2022.pdf. (дата обращения: 17.12.2023).

European Commission. Open Science. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/our-digital-future/open_en (дата обращения: 19.12.2023).

Fact Sheet: Biden-Harris Administration Announces New Actions to Advance Open and Equitable Research. 2023. January 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2023/01/11/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-new-actions-to-advance-open-and-equitable-research/> (дата обращения: 17.12.2023).

Fedoroff N. Let's not Abandon Russian Scientists // *Science*. Vol. 376. No. 6590. Pp. 256–267.

Flink T. Taking the Pulse of Science Diplomacy and Developing Practices of Valuation // *Science and Public Policy*. 2022. Vol. 49. No. 2. Pp. 191–200.

G7 Science Ministers' Communiqué (Frankfurt am Main, 12–14 June 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1082498/g7-science-ministers-communicu%C3%A9-2022.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

Gaind N., Abbott A., Witze A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R. Seven Ways the War in Ukraine is Changing Global Science // *Nature*. 2022. Vol. 607. No. 7919. Pp. 440–443.

Gaind N., Else H. Global Research Community Condemns Russian Invasion of Ukraine // Nature. 2022. Vol. 603. No. 7900. Pp. 209–210.

Gordin M. D. A Century of Science Boycotts // Nature. 2022. Vol. 606. No. 7912. Pp. 27–29.

Hinchliffe L., Schonfeld R.C. Decoupling from Russia. 2022. March 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2022/03/02/decoupling-from-russia> (дата обращения: 18.12.2023).

Imming M., Tennant J. Sticker Open Science: Just Science Done Right? 2018. June 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://zenodo.org/record/1285575> (дата обращения: 18.12.2023).

Jorgensen Th. Academic Cooperation and Geopolitics in a New World. 2022. January 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20220106110659254> (дата обращения: 19.12.2023).

Martin C. Here's How Russia's War in Ukraine Is Still Reshaping Global Science [Электронный ресурс] : ScienceNews. 2022. December 16. URL: www.sciencenews.org/article/russia-war-invasion-ukrainereshaping-science-climate (дата обращения: 17.12.2023).

Matthews D. Europe Divided on whether to Isolate Russia Scientifically. 2022a. March 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/news/europe-divided-whether-isolate-russia-scientifica> (дата обращения: 18.12.2023).

Matthews D. Ukraine Invasion Ends “Naïve” Era of Science Diplomacy. 2022b. April 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/news/ukraine-invasion-ends-naive-era-science-diplomacy>.

Miedema F. Open Science: The Very Idea. Dordrecht : Springer, 2022.

Moran J. The Science World Should Keep Talking to Russia. 2022. March 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/viewpoint/viewpoint-science-world-should-keep-talking-russia> (дата обращения: 18.12.2023).

“Open Science should Provide Support, not Impose Sanctions”. Open Letter from Some Participants of the 3rd Open Science Retreat Organised by ZBW – Leibniz Information Centre for Economics. 2022. 14/15 June [Электронный ресурс]. URL: https://openscience.shouldsupport.zbw.eu/wp-content/uploads/2022/09/Open_letter_3rd_Open_Science_Retreat.pdf (дата обращения: 18.12.2023).

Plackett B. The Future of Research Collaborations Involving Russia [Электронный ресурс] : Nature. 2022. March 18. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-022-00761-9> (дата обращения: 18.12.2023).

Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 Establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, Laying Down its Rules for Participation and Dissemination, and Repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013 (Text with EEA Relevance) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32021R0695> (дата обращения: 18.12.2023).

Ross-Hellauer T. Open Science, Done Wrong, will Compound Inequities. Research-reform Advocates Must Beware Unintended Consequences // *Nature*. 2022. Vol. 603. No. 7901.

Stüwe R., Flink T. How a Year of War has Changed German Science and Higher Education Policy. 2023. February 21 [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/viewpoint/International/news/how-year-war-has-changed-german-science-and-higher-education-policy> (дата обращения: 18.12.2023).

UNESCO Recommendation on Open Science. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949_rus (дата обращения: 18.12.2023).

Universities UK. Our Latest Statement on Ukraine. 2022. April 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universitiesuk.ac.uk/latest/news/our-latest-statement-ukraine> (дата обращения: 17.12.2023).

Upton B. More Russian Ties Cut as Europe Offers Help to Ukraine Colleagues. 2022. March 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/more-russian-ties-cut-europe-offers-help-ukraine-colleagues> (дата обращения: 18.12.2023).

Walle R. van de. In Russia Relations, Academic Freedom and Universities Do Matter. 2022. March 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/viewpoint/view-point-russia-relations-academic-freedom-and-universities-do-matter> (дата обращения: 19.12.2023).

Zubaşcu F. How the War in Ukraine Reshaped the World of Science in 2022 // *Science/Business*. 2022. December 22 [Электронный ресурс]. URL: sciencebusiness.net/news/International-news/how-warukraine-reshaped-world-science-2022 (дата обращения: 17.12.2023).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ЭКОТОПИЯ, СОЛЯРТОПИЯ И ДРУГИЕ ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ: КУДА ИДЕМ?*

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С.**

В статье обсуждаются некоторые футуристические сценарии устойчивого развития (в основе лежат восемь зеленых шагов). «Доведение информации до потребителя» реализуется через представление сложной проблемы в форме относительно небольшого числа альтернатив. Проведенный социологический опрос позволил оценить респондентов в шкале «комфортность проживания» в одном из сценарно описанных миров. Рассматривается международный индекс счастья как показатель благосостояния нации.

Ключевые слова: экология, экوفутуристика, устойчивое развитие, сценарии развития, социологический опрос, индекс счастья.

ECOTOPIA, SOLARTOPIA AND OTHER FUTURISTIC SCENARIOS: WHERE ARE WE GOING?

The article discusses some futuristic scenarios for sustainable development (based on eight green steps). “Bringing information to the consumer” is realized through the presentation of a complex problem in the form of a relatively small

* **Для цитирования:** Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экотопия, соляртопия и другие футуристические сценарии: куда идем? // Век глобализации. 2024. № 1. С. 127–139. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.10.

For citation: Rozenberg A. G., Kudinova G. E., Rozenberg G. S. Ecotopia, Solartopia and Other Futuristic Scenarios: Where are We Going? // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 127–139. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.10 (in Russian).

** Розенберг Анастасия Геннадьевна – к. б. н., н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН – филиала Самарского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: chicadivina@yandex.ru.

Anastasiya G. Rozenberg – Ph.D. in Biology, Researcher at the Institute of Ecology of the Volga River Basin of RAS. E-mail: chicadivina@yandex.ru.

Кудинова Галина Эдуардовна – к. э. н., доцент, с. н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН – филиала Самарского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: gkudinova@yandex.ru.

Galina E. Kudinova – Ph.D. in Economy, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS. E-mail: gkudinova@yandex.ru.

Розенберг Геннадий Самуилович – д. б. н., член-корреспондент РАН, г. н. с. Института экологии Волжского бассейна – филиала Самарского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

Gennady S. Rozenberg – Dr. Biol., Corresponding Member of the RAS, Chief Scientist at the Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

number of alternatives. The sociological survey allowed us to assess the respondents on the scale of “comfort of living” in one of the scenario-described worlds. The Happy Planet Index is considered as an indicator of the well-being of the nation.

Keywords: *ecology, eco-futuristics, sustainable development, development scenarios, sociological survey, Happy Planet Index.*

Введение

Через доклад [Our... 1987; Наше... 1989] в обиход вошло понятие *sustainable development*¹. В 1989 г. доклад был издан у нас в стране [Наше общее... 1989], и это понятие перевели как «устойчивое развитие» (редакторы перевода – С. А. Евтеев и Р. А. Перелет). Сразу заметим (в среде экологов это стало признаком хорошего тона), что данный перевод весьма неудачен (вспомним хотя бы фразу: «Постоянна только изменчивость, а устойчива только смерть»²). Правильнее было бы перевести *sustainable development* как «допустимое развитие» [Моисеев 1997; Розенберг и др. 2012], «не истощающее развитие» или «развитие, сохраняющее целостность». Следует согласиться с В. И. Даниловым-Данильяном [2003: 123], что «часто дискуссии об устойчивом развитии вырождаются в споры о словах. Критикуют русский перевод английского *sustainable development*, и в самом деле, устойчивое неадекватно отражает смысл *sustainable*. Но дело не в переводе, а в том, как мы договоримся понимать термин. Переводы *sustainable* на другие языки тоже не слишком хороши: если буквально перетранслировать на русский, получается несдвигаемое, твердое и т. п. Русский вариант – один из самых удачных». Далее приводятся официально принятые переводы термина *sustainable development* на некоторые языки мира [Оленьев, Федотов 2003]:

Таблица 1

Язык мира	Перевод оригинального термина <i>sustainable development</i> на язык мира	Дословный перевод с языка мира на русский язык
Английский	Sustainable development	Самообеспеченное развитие, устойчивое развитие
Французский	Développement durable	Долговременное развитие
Итальянский	Sviluppo sostenibile	Развитие, заслуживающее поддержки
Немецкий	Nachhaltige Entwicklung	Продолжительное развитие
Шведский	Hållbar utveckling	Прочное развитие
Норвежский	Bærekraftig utvikling	Устойчивое развитие
Японский	Jizoki-tekina kaihatsu	Продолжительное развитие

¹ Скорее всего, одной из первых, кто применил это понятие еще в первой половине 1970-х гг., была английская писательница и экономист Барбара Уорд [см.: Ward, Dubos 1972; Zuckerman 1992]. В начале 1980-х гг. американский экономист Лестер Браун [Brown L. T., Brown L. R. 1982] использовал его в более широком плане по отношению к различным сферам человеческой деятельности.

² Эта фраза взята из «Речи памяти Жан-Поля» (1825) выдающегося немецкого публициста Людвиг Бёрне (1786–1837). В качестве эпиграфа к «Путешествию по Гарцу» она была заимствована Генрихом Гейне [1971: 511, 770] (в переводе В. О. Станевич эти слова звучат так: «Постоянна только смена, нерушима только смерть»); ее повторяли Бернард Шоу и др.

Отметим, что понятие «устойчивое развитие» имеет фактически три различающихся группы противоречивых определений [Gatto 1995]:

- поддерживаемая продуктивность (урожай) биологических ресурсов (определение *прикладного биолога*);
- поддерживаемое биологическое разнообразие отдельных видов в экосистемах, подвергающихся эксплуатации или находящихся под тем или иным антропогенным воздействием (определение *эколога*);
- поддерживаемое экономическое развитие, не подвергающее угрозе существующие ресурсы для будущих поколений (определение *экономиста*).

Все это приводит к выводу о том, что «потребление (возобновляемых ресурсов. – *Авт.*) должно быть уменьшено до уровня намного ниже максимального уровня урожая, чтобы компенсировать ожидаемые и неожиданные изменения обилия» [Ludwig 1993: 556].

Результаты

Одна из возможных классификаций сценариев развития системы «Природа – Общество» была предложена американским экономистом Робертом Костанцей [Costanza 1999; Костанца 2000; Розенберг и др. 2009]. Автор исходит из представлений о том, что один из самых эффективных способов «доведения информации до потребителя» (от рядового члена общества до политика, принимающего решение) состоит в том, чтобы представить сложную проблему в форме относительно небольшого числа альтернатив, которые, по его выражению, «захоронены в технической информации». Предлагаемые им сценарии начинаются с 2100 г., что позволяет более или менее четко сформулировать некоторые их детали. Сценарии включают и желательные, и нежелательные аспекты, и надежды, и опасения, позволяя более полно исследовать то, что может содержать будущее, и на этой основе осуществить сознательный выбор среди заданных альтернатив.

В данном конкретном случае Р. Костанца выделяет (по нарастающей) четыре сценария:

Таблица 2

Сценарии, механизмы развития	Ресурсы	
	не ограничены	ограничены
Технологический оптимизм, конкуренция способствует прогрессу	Star Trek, «Путь к звездам» – освоение термоядерной реакции, экспансия в космос и пр.	Mad Max, «Безумный Макс» – мир во власти транснациональных корпораций (ТНК, по Н. Н. Моисееву)
Технологический пессимизм, кооперация – двигатель прогресса	Big Government, «Большое правительство» – государство общественного регулирования	Ecotopia, «Экотопия» – отказ от идеологии потребительства

Здесь «технологический оптимизм» – предположение о технологической возможности решить все текущие и будущие социальные проблемы развития цивилизации (научные фантасты особенно постарались в становлении этих представлений; назовем лишь «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова), «технологический пессимизм» – зависимость от технологических возможностей в решении этих проблем намного меньше и преимущество получает социальное переустрой-

ство общества. Два технологически оптимистичных сценария названы по американским фильмам, которые воплотили много аспектов такого подхода. «Экотопия» – это название достаточно популярной в середине 70-х гг. книги Эрнста Кэлленбахха [Callenbach 1975]. Суть сценария состоит в изменении системы налогов для обеспечения «общества меньшего потребления» и замены оптимизации ВВП (валового национального продукта) на QLI (индекс качества жизни). «Большое правительство» (Костанца в свое время еще называл этот сценарий «худшим кошмаром Рейгана») – это сценарий существенно большего контроля правительств и общества над крупными корпорациями.

Три из предлагаемых сценариев (кроме современного «Безумного Макса») интуитивно представляются пригодными для развития цивилизации, правда, очень трудно (невозможно?) оценить, во что нам это обойдется.

Р. Костанца провел «социологический опрос» 418 жителей США и Швеции (в основном слушателей его лекций в университетах штатов Мэриленд и Айова, в Упсале и Стокгольме). Всем им предлагается оценить по шкале $[-10, +10]$ «комфортность» их «проживания» в одном из сценарно описанных миров. Мы провели аналогичные опросы [Розенберг Г. С., Розенберг А. Г. 2006; Розенберг и др. 2009; 2014; Кудинова и др. 2010; 2011]³, в основном среди студентов вузов некоторых городов Самарской области (Самара, Тольятти, Жигулевск, Отрадный) и г. Нижневартовска (Ханты-Мансийский национальный округ). Всего было охвачено 450 респондентов и получены такие результаты:

Таблица 3

	Американцы (n = 316)	Шведы (n = 102)	Всего (n = 418)	Россияне (n = 450)
Star Trek	2,38 (±5,03)	2,48 (±5,45)	2,48 (±5,13)	2,36 (±5,04)
Mad Max	-7,78 (±3,41)	-9,12 (±2,30)	-8,12 (±3,23)	-6,32 (±3,48)
Big Government	0,54 (±4,44)	2,32 (±3,48)	0,97 (±4,29)	1,00 (±3,63)
Ecotopia	5,32 (±4,10)	7,33 (±3,11)	5,81 (±3,97)	4,00 (±3,01)

Интересно, что «Путь к звездам», хотя и является своего рода расширением современной уверенности во всемогуществе Человека, получил сравнительно низкую (правда, положительную) оценку. «Безумный Макс» был воспринят хуже всего, хотя наши соотечественники оказались заметно благосклоннее к этому сценарию (особенно по сравнению со шведами). Значительно заметнее различия в подходах к оценке сценария «Большое правительство»: шведы более благоприятно (почти как «Путь к звездам» и с меньшим стандартным отклонением) восприняли этот сценарий, россияне – посередине (память о «развитом социализме»?). Это можно было предположить, учитывая традиционно различное отношение к правительству в этих странах. Лидером стал сценарий «Экотопия» (и здесь шведы оценили его выше, чем американцы и россияне; последние к этому в какой-то мере «коммунистическому» сценарию оказались заметно равнодушнее).

³ Пользуясь случаем, хотим поблагодарить коллег, которые помогли с проведением опросов: сотрудников ИЭВБ РАН (Е. В. Быкова, А. В. Иванову, Т. М. Лысенко, С. В. Саксонова, В. Ф. Феоктистова, Н. А. Юрицыну), Самарского государственного экономического университета (Н. В. Лазареву), учителей тольяттинской школы № 45 (Т. В. Паюсову) и нижевартовской академической школы № 31 (Б. А. Середовских).

Интересны и различия в восприятии «будущих миров», связанные с различиями возраста и полов (финансовое положение респондентов практически не оказало влияния на выбор сценариев):

Таблица 4

	Всего				Россияне			
	Американцы и шведы (n = 418)		Россияне (n = 450)		17–19 лет (n = 314)		20 лет и старше (n = 136)	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Star Trek	3,66	1,90	2,18	2,42	2,52	2,44	1,13	2,38
Mad Max	-7,11	-8,20	-5,24	-6,72	-4,70	-7,35	-6,87	-5,39
Big Government			1,76	1,32	1,74	1,22	1,80	1,42
Ecotopia			3,27	4,27	3,49	4,05	2,60	4,73

Здесь представляет интерес наметившаяся тенденция различия отношений к сценарию **«Путь к звездам»** у отечественных мужчин и женщин по сравнению с зарубежными: российским женщинам этот сценарий нравится больше, а вот мужчинам – меньше по сравнению с американцами и шведами. Наблюдаются и возрастные различия в отношении этих сценариев. В частности, молодые россияне-мужчины и более «взрослые» женщины, если можно так сказать, более «экстремистски настроены» (см. более благосклонное отношение к сценарию **«Безумный Макс»**), и в то же время молодежь питает больше иллюзий (сценарий **«Путь к звездам»** оценивается ими в 3–4 раза выше, чем старшим поколением).

Данное сравнение подтверждает справедливость слов отечественного философа А. Н. Чумакова [2015: 44]: «... для западной (техногенной) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы... Восток же (а можно взять и шире – “незапад”), напротив, ассоциируется с преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы. Здесь традиционно доминирует коллективистское начало, в то время как на Западе – индивидуальное; и потому человек на Востоке больше *ориентирован на адаптацию, а не на ее преобразование* (курсив наш. – Авт.), как это характерно для западного менталитета».

Наш опрос позволяет (очень осторожно) сделать вывод и о зависимости предпочтений в выборе сценариев от профиля обучения. В Тольятти были опрошены студенты Волжского университета им. В. Н. Татищева («экологи»), Тольяттинского государственного университета сервиса и Международного института рынка («гуманитарии»), Тольяттинского государственного университета («технари») и рабочие старше 45 лет завода «Синтезкаучук»:

Таблица 5

	«Экологи» (n = 38)	«Гуманитарии» (n = 186)	«Технари» (n = 132)	«Рабочие» (n = 12)	Все («наши» и «не наши») (n = 868)
Star Trek	1,61	2,34	2,39	-1,33	2,38
Mad Max	-5,68	-7,02	-7,52	-6,08	-7,59
Big Government	1,32	0,80	1,51	-0,58	1,05
Ecotopia	6,08	3,82	3,48	7,00	4,88

Самое заметное расхождение наблюдается по отношению к сценарию «**Эко-топия**» («экологи» и «рабочие» оценили этот сценарий почти в два раза выше, чем «гуманитарии» и «технари») и «**Путь к звездам**» (здесь обратная картина – «гуманитариям» и «технарям» этот сценарий в два раза симпатичнее).

Интересно сравнить и «географический» аспект восприятия этих сценариев. Ниже представлены результаты их оценки «гуманитариями» Тольятти (Тольяттинский государственный университет сервиса), Самары (Международный институт рынка) и Нижневартовска (Нижневартовский государственный гуманитарный университет, специальность «Социальная работа»):

Таблица 6

	«Гуманитарии Тольятти» (А) (n = 186)	«Гуманитарии Нижневартовска» (В) (n = 49)	В – А
Star Trek	2,34	2,71	0,37
Mad Max	-7,02	-4,67	2,35
Big Government	0,80	2,18	1,38
Ecotopia	3,82	4,29	0,47

Опять можно констатировать, что порядок предпочтений одинаков, а вот абсолютные значения расходятся, хотя и «в одном направлении» (разница **В – А** имеет по всем сценариям одинаковый знак). В этом контексте интересна анкета, которую заполнила одна респондентка из Нижневартовска: она дала оценки сценариев не только в шкале «нравится – не нравится», но и выставила наиболее вероятные (с ее точки зрения) «оценки»:

Таблица 7

	«нравится – не нравится»	вероятно
Star Trek	7	4
Mad Max	-10	-6
Big Government	5	5
Ecotopia	3	7

Сравнительно недавно появился сценарий еще одного возможного развития нашего будущего, названный «соляртопия» [Wasserman 2006]⁴, в основе которого лежат «восемь зеленых шагов к устойчивому развитию»⁵:

1. Запрет на производство отходов и военные действия (не должно быть произведено ничто, что не могло бы быть полностью переработано или биодegradировано, включая вооружение, так как военные действия воспринимаются как акт окончательного экологического самоубийства).

2. Достижение максимальной эффективности и экономии в целях сохранения ресурсов.

3. Запрет использования в энергетике ископаемых и ядерного топлива («Кинг-Конг [King C.O.N.G. – Coal, Oil, Nukes & Gas] должен занять свое место в мусор-

⁴ «SOLARTOPIA!» – это классический футуристический роман о Земле в 2030 г. нашей эры, после того как революция в зеленой энергетике изменила планету.

⁵ Этот список близок к «Четырем Благородным Истинам» («отпечаткам слоновьих ног») и «Благодарному Восемьричному Пути к Просветлению» буддизма; заметим, что все религии в своей основе призывают к всеобщей гармонии между Человеком и Землей.

ной куче истории»). Наше пристрастие к «грязной» топливной энергетике привело нас на грань экономического и экологического бедствия. В новом «зеленом» тысячелетии либо мы отпихнем этот порядок (kick the habit), либо он нас убьет. Заметим, что этот «зелено-экономический» шаг не выдержал испытания временем: уже через 15–17 лет все добрые пожелания зеленой экономики, Греты Тунберг и пр. разбились о реальность зависимости человечества от традиционных энергетических ресурсов (С.О.Н.Г.) и невозможность быстро, повсеместно и сравнительно дешево осуществить переход к «экологически чистой энергетике».

4. Активное использование возобновляемых источников энергии (солнечной, ветровой, приливной, геотермальной, течений, биотоплива и пр.). У каждого из таких источников есть свои недостатки (главный – это очень дорого, особенно если правильно считать все издержки такого перехода; об этом предупреждал еще Говард Одум [Розенберг 2014]), вводя представления об эмергии (emergy – это количество *всей* энергии, затраченной на прямые и косвенные преобразования для создания продукта или услуги), но ни один из них не должен доминировать.

5. Надежно организованное («органическое», «зеленое») сельское хозяйство – ключ к преодолению голода и к здоровью (через «экологически безопасную» пищу).

6. Преобразование корпораций: созданный человеком самый мощный и разрушительный «институт корпораций» безответственен; он должен перенести акцент своей деятельности на социальное обслуживание и экологическую ответственность для создания барьера между капитализмом и каннибализмом.

7. Гарантия социальной демократии: универсальный ручной подсчет (двойной) избирательных бюллетеней и сдерживание влияния денег на результаты выборов – это суть глобальной демократии, что и требуется для достижения социальной справедливости. До тех пор пока люди уверены, что главное в жизни – еда, жилье, одежда, медицинское обслуживание и образование, демократия и свобода будут мелкими иллюзиями.

8. Расширение прав и возможностей женщин в управлении народонаселением: для здоровья планеты (союз женщины с Матерью-Землей) следует найти естественный уровень рождаемости, когда все дети были бы любимыми и желанными.

В рамках этих представлений о соляртопии было проведено новое эколого-социологическое исследование. По той же шкале ([–10, +10]) студентам Самарского государственного экономического университета (3-й курс) предлагалось оценить «комфортность проживания» в следующих сценарно описанных мирах: «Путь к звездам», «Свободная жизнь» («Life of Leisure»), «Экотопия» и «Соляртопия» (сценарии «Большого правительства» и «Свободной жизни» описывали фактически одну и ту же ситуацию, но во втором случае сценарий был насыщен «более оптимистическими» примерами):

Таблица 8

	«Гуманитарии Самарь» (С) (n = 38)	В – А	С – А	С – В
Star Trek	2,44	0,37	0,10	–0,27
Life of Leisure	–4,27	2,35	2,75	0,40
Solartopia	1,98	1,38	1,18	–0,20
Ecotopia	4,45	0,47	0,63	0,16

Напомним, что А – «гуманитарии Тольятти», В – «гуманитарии Нижневарттовска» (см. выше). Можно сделать аналогичный вывод о том, что порядок предпочтений респондентов Тольятти и Самары, а также Нижневарттовска и Тольятти одинаков, абсолютные значения расходятся незначительно и «в одном направлении» (разница $B - A$ и $C - A$ имеет по всем сценариям одинаковый знак). А вот различия Самары и Нижневарттовска «разнонаправленны», но относительно малы. Причины такого рода различий требуют дополнительных исследований.

Еще одна, пока не укоренившаяся футуристическая мера – **валовое национальное счастье** (ВНС, GNH – от Gross National Happiness); это целостный (комплексный) показатель качества жизни, который включает не только материальные (в отличие от валового национального продукта – GNP, от Gross National Product), но и морально-психологические ценности. Данное понятие было введено в обиход в качестве неофициальной государственной философии Королевства Бутан (Южная Азия) в 1972 г. четвертым королем этой страны Джигме Сингье Вангчуком (род. 1955; королевская власть – 1972–2006). «Счастье народа важнее процентов валового внутреннего продукта», – заявил король. Смысл этого понятия для Бутана состоит в развитии такой экономики, которая соответствовала бы уникальной бутанской культуре, основанной на буддийских духовных ценностях. В Бутане практически ВНС реализуется через пятилетнее планирование развития экономики, при котором прогресс осуществляется без спешки и по возможности без разрушения традиционных ценностей – семьи, культуры, природы, буддийской религии. В 1998 г. был принят новый план правительства Бутана, получивший название «Четыре столпа счастья». Такими «столпами» стали *устойчивое экономическое развитие, охрана окружающей среды, пропаганда национальной культуры и эффективное правление*. Согласно плану, именно в таких условиях можно добиться счастья для каждого жителя страны [Снусмумрик 2014]. Подробный обзор отечественной и зарубежной литературы по этой проблеме см.: [Чепурных 2012; Шматова, Морев 2015].

В развитие этих представлений измерить счастье в цифрах впервые предложил британский Фонд новой экономики (New Economic Foundation) в 2006 г. через введение *международного индекса счастья* (Happy Planet Index, HPI). Расчет HPI основан на четырех основных показателях [см., например: Попова 2021: 4]:

1) благополучие (wellbeing [W]), рассчитываемое с помощью опроса (респондентам был задан вопрос «Лестница жизни»: «Представьте себе лестницу, где 0 означает худшую из возможных, а 10 означает лучшую из возможных жизнь. На какой ступеньке между 0 и 10 вы сейчас находитесь?»);

2) ожидаемая продолжительность жизни (life expectancy [LE]) – средняя продолжительность жизни человека в каждом государстве на основе данных, собранных Программой развития ООН (UNDP);

3) «экологический след» (ecological footprint [EF]) – показатель, определяющий влияние на окружающую среду жителя каждого государства. EF измеряется в глобальных гектарах земли (ГНА) в расчете на человека, необходимых для устойчивого поддержания уровня потребления в государстве [Кудинова и др. 2018; Rozenberg *et al.* 2019];

4) неравенство результатов (inequality of outcomes [IO]) между людьми внутри одного государства определяет разброс данных о благосостоянии и продолжительности жизни внутри регионов одной страны и выражается в процентах; этот компонент введен в 2016 г.

Расчет индекса счастья происходит следующим образом:

$$HPI = W * LE * IO / EF.$$

Замысел разработчиков HPI состоит в том, чтобы показать, насколько эффективно жители разных государств используют природные ресурсы, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь.

Работоспособность HPI продемонстрируем на примере стран мира и регионов Волжского бассейна (см. табл. 9, 10).

К нашему большому сожалению, последняя информация по Волжскому бассейну собиралась в 2008–2011 гг. [Розенберг и др. 2012], и поэтому индекс счастья HPI был рассчитан на этот период (табл. 10). Если введем «поправочный коэффициент» для пересчета и сравнения данных 2010 г. с данными на начало 2023 г. по России ($K = I_{2023} / I_{2010} = 5.66 / 4.66 = 1.2$), то можно сравнить регионы Волжского бассейна со странами мира.

Таблица 9

Рейтинг стран мира по индексу счастья людей, 2023⁶

А	В	С	А	В	С	А	И	С
1	Финляндия	7.804	15	США	6.894	49	Бразилия	6.125
2	Дания	7.586	16	Германия	6.892	69	Боливия	5.684
3	Исландия	7.530	21	Франция	6.661	70	Россия	5.661
4	Израиль	7.473	26	ОАЭ	6.571	79	Армения	5.342
5	Нидерланды	7.403	27	Тайвань (Китай)	6.535	82	Гонконг (Китай)	5.308
13	Канада	6.961	32	Испания	6.436	99	Палестина	4.908
14	Ирландия	6.911	33	Италия	6.405	100	Марокко	4,903

Примечание. А – номер в рейтинге; В – государство; С – значение HPI.

Таблица 10

Рейтинг регионов Волжского бассейна по индексу счастья людей, 2010

Регион	HPI				
В среднем по РФ	4.66				
Астраханская (53)	2.68	Московская (4)	5.61	Рязанская (21)	4.11
Брянская (15)	4.30	Нижегородская (9)	4.65	Самарская (17)	4.21
Владимирская (28)	3.71	Новгородская (61)	2.32	Саратовская (40)	3.21
Волгоградская (44)	3.00	Оренбургская (58)	2.50	Свердловская (10)	4.61
Вологодская (32)	3.38	Орловская (50)	2.73	Смоленская (33)	3.35
Ивановская (59)	2.43	Пензенская (36)	3.33	Тамбовская (30)	3.56
Калужская (26)	3.79	Пермский край (35)	3.33	Тверская (20)	4.11
Кировская (49)	2.83	Башкортостан (37)	3.32	Тульская (27)	3.78
Костромская (67)	1.76	Калмыкия (81)	0.34	Удмуртия (52)	2.71
Курская (19)	4.13	Коми (46)	2.91	Ульяновская (38)	3.29
Ленинградская (14)	4.31	Марий Эл (78)	0.56	Челябинская (47)	2.90
Липецкая (13)	4.55	Мордовия (70)	1.47	Чувашия (43)	3.01
г. Москва (2)*	6.10	Татарстан (11)	4.60	Ярославская (12)	4.56

Примечание. В скобках – место в общероссийском рейтинге; на первом месте – г. Санкт-Петербург (7.00); выделены регионы с максимальным и минимальным HPI.

⁶ См.: <https://top-rf.ru/places/548-rejting-stran-po-urovnyu-schastyia.html>.

Сравнение позволяет (иллюстративно) указать на то, что Москва, например, занимает пятое место (между Израилем и Нидерландами); Московская область – в конце второго десятка (между Чехией и Великобританией), Татарстан, Свердловская, Ярославская области и другие регионы с $HPI > 4$ «цепляются» за первую сотню, а вот все остальные – позади Марокко... Этот индекс (как, впрочем, и другие похожие показатели – индекс развития человеческого потенциала [Human Development Index, HDI], индекс качества жизни [Quality-of-Life Index, QLI] и пр.) и данные результаты должны восприниматься как дополняющие и раскрывающие положение и различия стран в социо-эколого-экономическом пространстве (например, Россия, по данным из Интернета: $ВВП_{2018}$ – 6-е место, $ВВП_{2018}$ на душу населения – 44-е, HDI_{2021} – 52-е, QLI_{2023} – 66-е, HPI_{2023} – 70-е...). Естественно, такие индексы полезны в разного рода футуристических спекуляциях.

Заключение

Образ гармонично преобразованной человеком природы можно найти во многих произведениях, начиная с древних греков. У нас в России – это незаконченный роман-утопия В. Ф. Одоевского [2022] «4338 год. Петербургские письма» (1835); конечно, это и фантастика Ивана Ефремова («Туманность Андромеды», «Час Быка» и т. д.), и другие футуристические сценарии.

Самая простая, дихотомическая классификация возможных схем развития цивилизации была дана еще Н. Н. Моисеевым [1997: 295]. Она настолько очевидна, что не требует комментариев: «Мы действительно стоим на развилке цивилизационных путей. Один – это *предельный животный эгоизм и индивидуализм* (сценарий 1), оперирование лишь сиюминутными категориями. Другой я бы назвал путем “героизма” и возрождения древних традиций, призывающих *жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей* (сценарий 2)». Не менее очевидная классификация путей развития современной цивилизации предполагает три сценария [Розенберг и др. 1996; 2009]: «*назад к Природе*», «*вперед к Природе*» и «*вместе с Природой*». Три близких сценария описаны и в работе [Миркин, Наумова 2006: 102–118] – *консервационизм, сциентизм и экологический центризм (реализм)*. Процесс пошел...

На научно-практической конференции «Экологическая модернизация России: роль науки и гражданского общества» прозвучала мысль о том, что экологическая модернизация – это изменение экологической политики государства, в результате которой будут достигнуты по крайней мере три основных результата [Вишневский 2010]: повышение качества жизни, повышение экономической эффективности и обеспечение «зеленого роста» экономики и энергетики (а не сиюминутный рост ВВП любой ценой), сохранение и восстановление природной среды. В свете происходящих сегодня в мире событий согласимся с выводами А. Н. Чумакова [2018: 13–14]: «...диапазон возможных сценариев развития для современного мира в целом находится в пределах между плохим и худшим, ...в обозримой перспективе не видно конца внутривосточным и международным конфликтам, усилению торговых, информационных, кибернетических войн, с тем лишь уточнением, что революционные преобразования культурно-цивилизационных систем не только нежелательны, но и крайне опасны для международной стабильности.

...Также и в духовной сфере, где остро стоит вопрос о формировании нового гуманизма и пересмотре существующей системы ценностей, ...мировое сообщество стоит сегодня перед необходимостью серьезных, и прежде всего мировоззренческих, ценностных, духовных, перемен». И еще одна цитата: «Следует заметить, что все существующие футуристические сценарии (к их числу относятся и экологические теории) несут на себе отпечаток старых евгенических традиций. Во-первых, они преследуют ту же цель, что и классическая евгеника – создание более совершенного человечества (в экологической редакции – совершенного человеческого общества, живущего в гармонии с окружающей средой). Во-вторых, этим теориям присущи структурные элементы, характерные именно для евгенического дискурса: идея вырождения, отсылки к объективному знанию как основе прогнозов и апелляция к государственному контролю как основному механизму осуществления прогрессивных преобразований» [Хен 2010: 224].

Разработка научно обоснованных критериев развития достаточно отдаленного будущего (на века) затруднительна, если не сказать, что невозможна. Среди трех основных сценариев развития цивилизации наиболее реалистичным представляется «вместе с Природой» (или экологический реализм), лежащий в основе концепции устойчивого развития. Однако за прошедшие после принятия этой концепции на саммите в Рио-де-Жанейро 30 лет она практически не оказала никакого влияния на развитие социо-эколого-экономических систем ни одной из стран Земли. И, как верно заметил Борис Заходер:

Куда идем мы с Пятачком –
Большой-большой секрет!..

Литература

Вишневский Б. Экологи поговорили о модернизации. 2010 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.rus-green.ru/actuals/argp.html?cmd\[i\]=i-163-13527](http://www.rus-green.ru/actuals/argp.html?cmd[i]=i-163-13527).

Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М. : Худ. лит-ра, 1971.

Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 123–135.

Костанца Р. Четыре образа грядущего столетия: Путь к звездам, Экотопия, Большое правительство или Безумный Макс? // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999 / отв. ред. В. И. Бестужев-Лада. М. : Academia, 2000. С. 277–286.

Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Розенберг Г. С. Эколого-социологический анализ сценариев устойчивого развития регионов // Социально-экологические аспекты устойчивого развития человечества: Материалы I Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 13–14 мая 2010 г.). М. : Академия МНЭПУ, 2010. С. 62–68.

Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Юрина В. С., Зибарев С. С., Иванов М. Н. Сценарии устойчивого развития // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 8. № 4–1. С. 74–83.

Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Костина Н. В., Иванова А. В., Розенберг Г. С., Зибарев А. Г. Экологический след и биологическая емкость территории в оценке

устойчивого развития региона // Экология и природопользование: прикладные аспекты: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Уфа : Аэтерна, 2018. С. 192–196.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Устойчивое развитие: вводный курс: учеб. пособие. М. : Университетская книга, 2006.

Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М. : Прогресс, 1989.

Одоевский В. Ф. 4338 год. Петербургские письма. Взгляд на будущее России из 1835 года. Геополитический прогноз развития России. М. : Амрита-Русь, 2022.

Оленьев В. В., Федотов А. П. Глобалистика на пороге XXI века [Электронный ресурс] : Вопросы философии. 2003. № 4. С. 18–30. URL: <http://www.cityitjobs.net/px/Globalistika.zip>.

Попова С. А. Цивилизационное счастье как альтернатива валового внутреннего продукта [Электронный ресурс] : Вестник евразийской науки. 2021. № 3. С. 1–10. URL: <https://esj.today/PDF/23ECVN321.pdf>.

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С., Симонов Ю. В. Социо-эколого-экономический анализ сценариев устойчивого развития // Экология и природопользование в Югре: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 15-летию кафедры экологии СурГУ (Сургут, 24–25 октября 2014 г.). Сургут : ИЦ СурГУ, 2014. С. 5–6.

Розенберг А. Г., Рянский Ф. Н., Розенберг Г. С. Экотопия: к чему стремиться? (Сценарии устойчивого развития – сравнительные социологические опросы студентов, школьников и научных сотрудников-экологов) // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. Сер.: Естественные науки и науки о Земле. 2009. № 1. С. 68–86.

Розенберг Г. С. Энергия, экология и экономика. К 40-летию выхода статьи и 90-летию со дня рождения Говарда Т. Одума. Перевод и комментарии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2014. Т. 23. № 4. С. 6–19.

Розенберг Г. С., Гелашвили Д. Б., Евланов И. А. и др. Устойчивое развитие Волжского бассейна: миф – утопия – реальность... Тольятти : ИЭВБ РАН и др., Кассандра, 2012.

Розенберг Г. С., Гелашвили Д. Б., Краснощеков Г. П. Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 5. С. 436–440.

Розенберг Г. С., Розенберг А. Г. Эколого-социологический анализ сценариев устойчивого развития // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер.: Экология. Вып. 6. Тольятти : ВУиТ, 2006. С. 103–115.

Снусмумрик. Валовое Национальное Счастье. 2014. 16 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-lab.ru/blog/193784.php> (дата обращения: 02.02.2024).

Хен Ю. В. Сохранение культурного многообразия малых народов как проблема «качественной демографии» // Россия: Многообразие культур и глобализация. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 222–260.

Чепурных М. Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 3–15.

Шматова Ю. Е., Морев М. В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3(39). С. 141–162.

Brown L. T., Brown R. L. Building a Sustainable Society. New York : W. W. Norton & Co. Inc., 1982.

Callenbach E. Ecotopia: The Notebooks and Reports of William Weston. Berkeley, CA: Banyan Tree Books, 1975.

Costanza R. Star Trek, Ecotopia, Big Government or Mad Max? // Futurist. 1999. No. 2. Pp. 23–38.

Gatto M. Sustainability: is it a Well-Defined Concept? // Ecological Applications. 1995. Vol. 5(4). Pp. 1181–1183.

Ludwig D. Environmental Sustainability: Magic, Science and Religion in Natural Resource Management // Ecological Applications. 1993. Vol. 3. Pp. 555–558.

Our Common Future. World Commission on Environment and Development. Oxford; New York : Oxford University Press, 1987.

Rozenberg A. G., Lazareva N. V., Kostina N. V., Rozenberg G. S. Factors of Quality of Life of the Population: Research and Discussion // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences (EpSBS). GCPMED 2018. International Scientific Conference “Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development”. London : Future Academy, 2019. Vol. 57. Pp. 1499–1504. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.152.

Ward B., Dubos R. Only One Earth – the Care and Maintenance of a Small Planet. New York : W. W. Norton & Co. Inc., 1972.

Wasserman H. F. SOLARTOPIA!: Our Green-Powered Earth, A.D. 2030. Columbus; Bexley, OH : Harveywasserman.com, 2006.

Zuckerman L. Between Stockholm and Rio // Nature. 1992. Vol. 358. Pp. 273–276.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «БАРХАТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» КАК НОВОГО ТИПА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В XXI В.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Билюга С. Э., Колесникова Е. А.**

Глобальные процессы конца XX – начала XXI в. постфактум продемонстрировали существенное изменение тенденций в политическом развитии стран, что в первую очередь отразилось на так называемых технологиях цветных революций – внешнего демонтажа политически неугодных фигур из высшего эшелона власти в пользу более лояльных. Хотя к настоящему времени уже сформировалось общее понимание причин возникновения цветных революций (к которым относятся: существование внутренних экономических и политических проблем; наличие информационных и финансовых ресурсов, представляющих интересы ведущих зарубежных стран; специально / косвенно созданные проблемы в экономической, социальной сферах; нежелание действующего неугодного правительства сотрудничать с оппозицией), необходимо более детально рассмотреть подобные события на предмет выделения дополнительных характеристик, которые позволят лучше понять механизмы политической дестабилизации и получить более полную картину возможных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: социально-политическая дестабилизация, цветные революции, демонтаж режима, неугодные элиты, «бархатные революции».

* Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 23-11-00160).

Для цитирования: Билюга С. Э., Колесникова Е. А. Причины возникновения «бархатных революций» как нового типа социально-политической дестабилизации в XXI в.: теоретический анализ // Век глобализации. 2024. № 1. С. 140–148. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.11.

For citation: Bilyuga S. E., Kolesnikova E. A. Reasons for Occurrence of “Velvet Revolutions” as a New Type of Socio-Political Destabilization in the 21st Century: Theoretical Analysis // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 140–148. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.11 (in Russian).

** Билюга Станислав Эдуардович – к. полит. н., доцент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru.

Stanislav E. Bilyuga – Ph.D. in Politics, Associate Professor at the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru.

Колесникова Екатерина Андреевна – студентка 1 курса магистратуры факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: umirayskaya@gmail.com.

Ekaterina A. Kolesnikova – 1st year master’s student at the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. E-mail: umirayskaya@gmail.com.

REASONS FOR OCCURRENCE OF “VELVET REVOLUTIONS” AS A NEW TYPE OF SOCIO-POLITICAL DESTABILIZATION IN THE 21ST CENTURY: THEORETICAL ANALYSIS

The global processes of the late 20th – early 21st century post factum demonstrated a significant change in trends in the political development of countries, which primarily affected the so-called technologies of “color revolutions” – the external dismantling of politically undesirable figures from the highest echelon of power in favor of more loyal ones. Although at present there is a common understanding of the reasons of color revolutions (which include the existence of internal economic and political problems; the availability of information and financial resources representing the interests of leading foreign countries; specially / indirectly created problems in the economic and social spheres; the unwillingness of the current undesirable government to cooperate with the opposition), it is necessary to consider such events in more detail in order to identify additional characteristics that will allow a better understanding of the mechanisms of political destabilization and get a more complete picture of possible threats to national security of the Russian Federation.

Keywords: socio-political destabilization, color revolutions, dismantling of the regime, undesirable elites, velvet revolutions.

При рассмотрении трудов по классическим революциям обращает на себя внимание то, что зачастую люди придерживаются ошибочного мнения, будто революции – это результат протеста низших слоев населения в ответ на их тяжелое положение и нищету. На самом деле истина состоит в том, что нищие слои населения не способны свергнуть власть, так как не имеют возможности противостоять профессиональным вооруженным силам государства. Нищета способствует возникновению мятежей, но не революций. Следовательно, причины революции и условия их возникновения состоят в другом.

Несомненно, социальное неравенство является важным фактором политической нестабильности, но революция вспыхнет только в том случае, когда будет достигнуто убеждение в том, что текущая власть виновна в сложившемся положении дел, причем это убеждение должно быть не только у самого угнетенного класса, но и у других групп, в том числе и элит, что будет способствовать полной мобилизации населения.

Дж. Голдстоун отмечает модернизацию как отдельный фактор при рассмотрении революций, но однозначно доказанной связи между данными явлениями выявлено не было, так как модернизация «не представляла собой какого-то комплекса преобразований, которые осуществлялись повсюду одинаковым образом. В одних странах модернизация подрывала режимы... а в других она укрепляла позиции правителей» [Голдстоун 2015].

Отдельным фактором начала революционных движений признается процесс распространения новых идеологий, однако при детальном рассмотрении выявляется их скорое угасание и практическая невозможность доведения изначальной вспышки недовольства до полномасштабного революционного движения.

Таким образом, революция представляет собой сложный процесс, который возникает из-за резкого кризиса сразу в нескольких сферах, когда общество больше не в состоянии поддерживать устойчивость и жизнеспособность, вслед-

ствие чего теряется стабильность, которая ранее достигалась за счет многочисленных факторов: ведение хозяйственной деятельности, грамотная организация политической, экономической, религиозной и образовательной деятельности при помощи элит, являющихся посредниками между властью и народом, исполнение властью своей охранительной функции по защите народа от внешних угроз. При наличии вышеупомянутых факторов общество способно находиться в состоянии равновесия, при котором на недовольство народа оперативно следует уравновешивающая реакция верных режиму элит. Однако если данное равновесие станет неустойчивым, то колебания политических настроений в случае потери государством поддержки со стороны других слоев населения вполне могут перерасти в революции.

Что касается цветных революций, они представляют качественно новый вид революций, движущими силами в которых выступают геополитические и геоэкономические факторы. Соединенные Штаты Америки после развала СССР стали единственной сверхдержавой, которая имела возможность влиять на формирование мировых тенденций и дальнейшее развитие следующих из этого процессов. Это способствовало тому, что американская политическая элита получила возможность влиять на политику и устанавливать политические режимы в ряде стран вне зависимости от национальных, культурных или религиозных установок государств. В определенных случаях, как, например, в Югославии, Ираке и Ливии, осуществлялось прямое военное вмешательство со стороны Запада, в то время как в других использовались невоенные методы для отстранения действующей политической элиты от власти и замены ее на подходящий Западу вариант, так называемое «марионеточное» правительство [Цветные... 2016]. На сегодняшний день страны – члены ОДКБ классифицируют «цветные революции» в качестве угрозы как национальной, так и международной безопасности.

В научном исследовании причин цветных революций В. А. Демина обобщает причины, выделенные в трудах целого ряда современных политологов, историков и социологов, таких как А. Д. Арямова, Л. В. Гундарева, Е. В. Пономарева и др. [Арямова 2015; Гундарева 2016; Пономарева]. В исследовании представлен ряд из четырех обобщенных причин:

а) наличие внутренних экономических и политических проблем в стране-мишени;

б) в стране есть необходимое и достаточное, так называемое критическое количество структур, которые имеют информационные и финансовые ресурсы и представляют интересы ведущих стран Запада;

в) специально созданные проблемы в экономической сфере, особенно в социальной экономике, способствующие дестабилизации в государстве;

г) нежелание правительства сотрудничать с оппозицией, ее игнорирование, а порой и подавление [Демин 2018].

Однако данный список представляется недостаточно полным и требует более детальной систематизации перечня причин цветных революций. В результате данного исследования, состоящего из трех частей, будет составлен новый список классификации причин, основанный на анализе каждого исторического прецедента «цветной революции» отдельно с дальнейшим обобщением причин и их последующей категоризацией. С помощью этой категориальной таблицы причин воз-

никновения цветных революций можно будет идентифицировать ту или иную стадию революции с продолжением ее на следующих этапах. В данной статье излагаются результаты первой части исследования.

1. В качестве первого примера цветных революций рассмотрим «бархатные революции» в странах Варшавского договора: Венгрии, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии в 1989 г. В большинстве стран из этого перечня, кроме Румынии, революции прошли бескровно, за что впоследствии получили свое название. Их итогом можно считать приход к власти в странах Центральной и Восточной Европы прозападных сил и соответствующую этому смену внешнеполитического курса, что критически ослабило влияние СССР в данном регионе и повлекло за собой кардинальную перестановку сил в Европе и в мире.

Можно выделить несколько причин «бархатных революций» в странах Варшавского договора. Первая из них – это ликвидация коммунистического режима в Польше в 1989 г., которая послужила примером для Венгрии и других стран. Эту причину можно считать катализатором цепной реакции, в которую по очереди вступили все вышеперечисленные страны.

Вторая причина – это ослабление Советского Союза в ходе перестройки, начатой М. С. Горбачевым. СССР, находившийся в глубоком кризисе, подвергся либеральным преобразованиям, в ходе которых была практически упразднена цензура, позволившая национальным идеям и движениям развиваться более стремительно в условиях кризиса социалистической системы. Таким образом политические причины «бархатных революций» в своих трудах исследует заведующая отделом социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Э. Г. Задорожнюк, по убеждению которой, политические элиты стран отказывались воспринимать новую веху развития идейных течений [Задорожнюк 2004]. Примером выступают события Пражской весны 1968 г. в Чехословакии, после подавления которых государственный аппарат страны придерживался политики сохранения режима нормализации. Эта приверженность привела к мобилизации оппозиционных сил и переходу конфликта из латентной фазы в активную [Ее же 2007].

Относительно экономических причин «бархатных революций» высказывался главный редактор газеты «Союз. Беларусь – Россия» В. Д. Кузнецhevский. С 1960-х гг. экономики Центральной и Юго-Восточной Европы вынуждены были развиваться в условиях системного кризиса, а эскалация противоречий, которые привели к падению в 1989 г. политических режимов, обусловлена в основном уменьшением сырьевых поставок из СССР [Кузнецhevский 1991].

Вдобавок отдельной группой причин выступают социальные, например «вырождение» управленческих кадров: ситуация, в которой на важные государственные должности предпочитали ставить лояльных и послушных, а не способных и компетентных работников [Там же].

Вследствие падения авторитета коммунистической партии росло недовольство по многим социальным направлениям: жилищная политика, охрана окружающей среды, сфера торговли, служба быта [Щербакова 1991]. Исходя из этого, можем сделать вывод, что вера граждан в социальную справедливость социализма была утеряна.

Доктор философских наук Ю. С. Новопашин в ходе анализа причин «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы выделил доктринальные причины, которые, по его мнению, состоят в уязвимости марксистско-ленинской идеологии как таковой, поскольку использованное при построении социалистического общества учение о диктатуре пролетариата, изначально носившее авторитарный и основанный на насилии характер, противоречит природе человека [Новопашин 1991].

Таким образом, основные причины рассмотренных «бархатных революций» носили экономический, политический, социальный и доктринальный характер.

2. Следующим историческим прецедентом цветной революции является развал СССР, а именно августовский путч 1991 г. О том, почему среди определенного круга ученых это событие принято считать цветной революцией, высказался российский социолог, политолог и журналист В. А. Лепехин: «На самом деле, события в СССР того времени необходимо рассматривать в парадигме реальной “цветной революции” – то есть процесса, в котором все участники августовских событий были статистами конкретных внешних сил» [Лепехин 2016]. Его точке зрения присуща фатальная предопределенность краха Советского Союза.

Причины августовского путча 1991 г. и последующего развала СССР можно выделить при обобщении ряда современных аналитических работ таких авторов, как П. С. Корнилов, Г. А. Атаманов, Р. Г. Пихоя [Корнилов 2018; Атаманов 2021; Пихоя 2016]. Они состоят в следующем:

- 1) авторитарный характер советского общества, проявляющийся в гонениях на церковь, преследованиях диссидентов, принудительном коллективизме;
- 2) господство одной идеологии: цензура, культурное давление, пропаганда идеологической выдержанности произведений в ущерб художественной ценности;
- 3) несостоявшиеся попытки реформ советской системы, повлекшие за собой экономический застой и затем усугубившие кризис в политической системе;
- 4) повсеместный продовольственный дефицит;
- 5) экстенсивная экономика, при которой выпуск продукции повышается в той же мере, что и величины используемых производственных основных фондов, материальных ресурсов и численности работников;
- 6) кризис доверия к экономической системе;
- 7) неграмотное распределение финансов в пользу гонки вооружений и финансирования стран социалистического лагеря;
- 8) снижение мировых цен на нефть, сильно ударившее по одной из основных экономических составляющих страны;
- 9) центробежные националистические тенденции;
- 10) моноцентризм принятия решений Москвой.

Таким образом, СССР, оказавшись после периода застоя в затруднительной ситуации, должен был справляться с кризисами на многих направлениях: политическом, экономическом, культурном и продовольственном. Срочная необходимость реформ подтолкнула М. С. Горбачева к проведению политики перестройки, которая, хотя и была изначально встречена одобрительно, не могла исправить сложившееся положение дел. С проявлением неудач внутривнутриполитического курса обострилось недоверие к лидеру у партийных деятелей, которое достигло критической точки из-за решения Горбачева преобразовать Советский Союз в Союз

суверенных государств, что означало бы получение республиками как политической, так и экономической независимости и шло вразрез с мнениями консервативной части государственного аппарата. Целью августовского путча было не допустить развала СССР. Путч состоялся, но его основная цель не была достигнута, а само событие, наоборот, ускорило процесс развала Советского Союза.

3. Следующим примером является классическая цветная революция 2000 г. в Югославии, получившая название «бульдозерная революция». Основной ее причиной при поверхностном рассмотрении выступает несправедливая политика С. Милошевича, вызывавшая массовое негодование народа, особенно в ходе выборов с явной фальсификацией результатов. Однако для выявления полноценного перечня причин цветной революции в Югославии в 2000 г. необходимо проанализировать исторический контекст двух предшествующих ей десятилетий.

После смерти в 1980 г. лидера Социалистической Федеративной Республики Югославии Иосипа Броз Тито страна оказалась в состоянии тяжелого экономического кризиса, ставшего толчком к этнополитическим брожениям в государстве, состоявшем из шести республик (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория и Македония). Кончина Иосипа Броз Тито негативно сказалась на внутренней стабильности государства, но не была главным дестабилизирующим фактором того времени. Происходило обострение этнополитических конфликтов, вдобавок Югославия оставалась очевидным центром социалистического лагеря на Балканах, однако в 1991–1992 гг. от СФРЮ отделились четыре республики – Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, что сопровождалось рядом межэтнических, межконфессиональных конфликтов.

В межэтнических конфликтах особую роль играл религиозный фактор, который тормозил стремление к невоенной интеграции. Кроме того, религиозные разногласия замедляли восстановление культурных объектов сотрудниками волонтерских и международных групп; препятствовали расследованию военных преступлений, привлечению виновных к ответственности; возвращению беженцев и перемещенных лиц; решению имущественных и внутривнутриполитических проблем [Бенчева 1999]. Религиозный аспект сам по себе выступил отдельным фактором в межэтнических конфликтах 1990–2000-х гг., оказывая существенное влияние на масштабирование данных процессов: как в сторону урегулирования, так и в сторону эскалации. Это было следствием существующих между народами бывшей Югославии глубинных конфессиональных противоречий с комплексными историческими предпосылками. Успешное и умелое использование различий со стороны правящих элит привело к совершению военных преступлений, всплескам национализма и шовинизма, влиянию противоречий на эффективность работы международных организаций, что подготовило благоприятную почву для внедрения революционных настроений. Таким образом, созданная на фоне этнополитических конфликтов и экономического кризиса обстановка была одной из причин успеха цветной революции в Югославии в 2000 г.

Необходимо отметить значимость молодежного фактора в осуществлении «бульдозерной революции».

В Югославии одним из мощных инструментов свержения стала молодежная организация под названием «Отпор», которая для активизации масс и вовлечения молодежи в свое движение использовала серию рок-концертов [Степанищенко

2015]. Необходимо отметить, что этнический фактор к моменту «бульдозерной революции» и последующего свержения С. Милошевича играл уже не такую значимую роль, но он способствовал брожению масс, необходимому для создания соответствующих настроений в обществе.

На фоне деятельности «Отпора» явно проявляется еще один фактор – иностранное вмешательство, которое выражалось как в финансировании данной молодежной организации, так и в других примерах. Во второй половине 1999 г. в кругу элит Югославии активизировалось влияние западноевропейских спецслужб, выдвигающих предложения министрам правительства, журналистам и оперативникам о переходе в оппозицию действующему лидеру [Marsal 2002].

Аккумуляция политических противников С. Милошевича проводилась при использовании тайных инструментов финансового и делового давления. Спонсоры снабжали «Отпор» необходимым оборудованием для функционирования офисов, проведения акций, а также агитационными средствами [Пономарева, Рябинин 2015].

Таким образом, среди причин «бульдозерной революции» можно выделить следующие: социально-экономические, кризис политической власти, раздробление элит с параллельным возникновением оппозиционных настроений внутри, межэтнические и религиозные конфликты, вызвавшие отчуждение народа; отдельно стоит отметить роль молодежного фактора (группа «Отпор») и зарубежное финансирование данного движения, кульминация деятельности которого произошла из-за фальсификации выборов.

На основе анализа этих трех событий «бархатных революций» можно составить следующую сравнительную таблицу данных революционных событий (см. табл. 1):

Таблица 1

**Сравнительный анализ трех дестабилизационных событий
«бархатных революций»**

Критерии сравнения	События в странах Варшавского договора	Распад СССР	«Бульдозерная революция» в Югославии
Наличие кровопролития	нет	скорее нет	да
Ослабление идеологии	да	да	да
Ошибочные демократические реформы	да	да	да
Экономические проблемы	да	да	да
Закостенелость и панибратство в политической сфере	да	да	да
Наличие этнических / религиозных / региональных конфликтов	да	да	да
Роль молодежи	нет	нет	да
Наличие триггера	нет	нет	да (фальсификация выборов)
Финансирование западных стран	нет	нет	да
Внешние факторы	нет	нет	да

Подводя итог первой части данного исследования, необходимо отметить, что для «бархатных революций» характерны следующие причины: ослабление идеологии, ошибочные демократические реформы, экономические проблемы, заостренность и панибратство в политической сфере и наличие этнических / религиозных / региональных конфликтов.

Тем не менее «бархатные революции» стали скорее закономерным развитием эволюции неэффективных авторитарных политических режимов, чем навязанными извне новыми демократическими политическими режимами. Можно сказать, что данный непродолжительный по времени вид социально-политической дестабилизации не был продуктом деятельности специальных зарубежных сил в отличие от тех процессов, которые начали успешно происходить с начала XXI в.

Литература

Арямова А. Д. Цветные революции как угроза суверенитету и территориальной целостности современных государств // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 1–9.

Атаманов Г. А. Об истинных причинах развала СССР // Академическая публицистика. 2021. № 1. С. 169–185.

Бенчева К. Б. Роль этнорелигиозных противоречий в Боснийском кризисе в 90-е гг. XX в. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 4.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гундарева Л. В. Кто финансирует цветные революции на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] : Независимая газета. 2016. 15 января. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-01-15/1_revolutions.html (дата обращения: 01.11.2022).

Демин В. А. Экономические причины цветных революций // Правда и Закон. 2018. № 1(3). С. 33–39.

Задорожнюк Э. Г. Путь к «бархатной» революции: противостояние «властных» и «безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. 2004. № 3. С. 59–82.

Задорожнюк Э. Г. «Бархатная» революция в Чехословакии: настоятельность новых интерпретаций. М. : Наука, 2007. С. 193–279.

Корнилов П. С. Причины развала СССР // 1917 год: от февраля к октябрю. Великий октябрь в судьбах Карелии, страны и человечества: сб. статей и материалов Республиканской научно-практической конференции / отв. ред. Н. Я. Копьев. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2018. С. 51–60.

Кузнечевский В. Д. Революции обновления или другое общество? М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 313–333.

Лепехин В. Бездействие и застой как главные причины гибели СССР [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2016. 22 августа. URL: <https://ria.ru/20160822/1474951492.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Новопашин Ю. С. У «разбитого корыта», или О причинах краха социалистического эксперимента в Центральной и Восточной Европе // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990-гг.) / отв. ред. Ю. С. Новопашин. М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 3–39.

Пихоя Р. Г. Как разваливалась социалистическая экономика в СССР // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 14–22.

Пономарева Е. В. Технология «цветных революций» [Электронный ресурс]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/540/> (дата обращения: 01.11.2022).

Пономарева Е. Г., Рябинин Е. В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель. 2015. № 2. С. 47–49.

Степанищенко О. В. К вопросу о роли молодежи в условиях обострения этнополитических конфликтов в начале 21 века // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 177–187.

Цветные революции как последнее средство политики Запада. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://inance.ru/2016/03/revolutsii/> (дата обращения: 01.11.2022).

Щербакова Ю. А. Начало «нежной революции» в ЧСФР (осень 1989 г.). М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 237–248.

Marsal T. Igra senki. Beograd : Samizdat Beograd, 2002.

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

Коданева С. И.**

Проблемы устойчивого развития обсуждаются на международном уровне более 50 лет. За этот период было принято несколько международных документов, сформулировавших цели и задачи устойчивого развития, а также обязательства государств в области снижения негативного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду. Однако практического результата ни один из этих документов не дал. В статье анализируются причины этого и сделан вывод, что основная причина связана с тем, что концепция устойчивого развития, разработанная западными экспертами и опирающаяся на идеологическую модель западной цивилизации, содержит в себе структурные противоречия, присущие этой модели, и закрепляет неустойчивые практики, приведшие к нынешнему кризису. Необходимо переход от «устойчивого» к «ответственному» развитию, основанному на разумной деятельности человека и равноправном диалоге между всеми цивилизациями. Институциональной основой для такого сценария развития может стать БРИКС.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленый рост, глобализация, неолиберализм, цивилизации, изменение климата, традиционные ценности, традиционные практики, БРИКС.

INTERCIVILIZATIONAL DIALOGUE AS A BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The problems of sustainable development have been discussed at the international level for more than 50 years. During this period, several international documents were adopted that formulated the goals and objectives of sustainable development, as well as the obligations of states in the field of reducing the negative impact of human activities on the environment. However, none of these documents yielded a practical result. The article analyzes the reasons for this and concludes that the main reason is due to the fact that the concept of “sustainable development”, developed by Western experts and based on the ideological model of West-

* **Для цитирования:** Коданева С. И. Межцивилизационный диалог как основа устойчивого развития // Век глобализации. 2024. № 1. С. 149–159. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.12.

For citation: Kodaneva S. I. Intercivilizational Dialogue as the Basis for Sustainable Development // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 149–159. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.12 (in Russian).

** Коданева Светлана Игоревна – к. ю. н., в. н. с. Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: kodanevas@gmail.com.

Svetlana I. Kodaneva – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS. E-mail: kodanevas@gmail.com.

ern civilization, contains structural contradictions inherent in this model and reinforces unstable practices that have led to the current crisis. There is a need for a transition from “sustainable” to “responsible” development based on reasonable human activity and equal dialogue between all civilizations. BRICS can become the institutional basis for such a development scenario.

Keywords: *sustainable development, green growth, globalization, neoliberalism, civilizations, climate change, traditional values, traditional practices, BRICS.*

Введение

Дискуссии об ограниченности ресурсов и экологических последствиях человеческой деятельности получили широкое распространение начиная с 1960-х гг. благодаря таким ключевым публикациям, как «Трагедия общих ресурсов» Г. Хардина.

В 1972 г. были опубликованы два значимых документа: Стокгольмская декларация и доклад Римскому клубу «Пределы роста». Однако в этих документах более ранние дискуссии о несовместимости сохранения неограниченного экономического развития с ограниченными возможностями экосистемы Земли были вытеснены на второй план идеей о возможности сочетания экономического роста и устойчивого развития. Связано это было как с тем, что бизнес развитых стран не собирался отказываться от экономического роста ради «абстрактных» целей предотвращения нарастания экологических проблем, так и с опасениями развивающихся стран, что в случае признания важности этих «абстрактных» целей именно на них возложат ответственность за нарастание экологических проблем, потребовав остановить индустриализацию и, соответственно, экономическое развитие. Поэтому был найден компромисс в виде идеи о том, что принятие Стокгольмской декларации отвечает интересам развивающихся стран, поскольку может помочь им избежать дорогостоящих ошибок, допущенных промышленно развитыми странами в ходе их экономического и социального развития [Arsel 2020].

Таким образом, с помощью этой риторической уловки экологические проблемы, связанные с индустриализацией, были сведены к статусу исправимых ошибок, а не структурных особенностей развивающейся индустриальной экономики.

В 1987 г. доклад ООН «Наше общее будущее» с помощью очередной риторической уловки нивелировал признание разного вклада развитых и развивающихся стран в проблемы изменения климата и исчерпания ресурсов планеты, объединив геологическое понятие «единой земли» с политической концепцией «единого мира» и тем самым разделив ответственность за возникновение кризиса и за будущее планеты между всем человечеством. При этом ставилась амбициозная цель – устойчивое развитие, отвечающее интересам как будущих, так и нынешнего поколения. В реальности же этот документ уже вполне отчетливо сформулировал идею продолжения экономического роста как панацеи от проблем долгосрочного устойчивого развития человечества. Это означало «более быстрый экономический рост как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах, свободный доступ на рынки для продукции развивающихся стран, более низкие процентные ставки, более широкую передачу технологий и значительно большие потоки капитала, как льготного, так и коммерческого характера» [Our...: 89]. Этот недиф-

ференцированный акцент на необходимости дальнейшего роста является нитью, которая соединяет Стокгольмскую декларацию и современные концепции зеленого роста и устойчивого развития.

В рамках Саммита Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 г. было принято несколько знаковых документов, таких как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Декларация по окружающей среде и развитию, содержащая основные принципы экологического права, Конвенция о биологическом разнообразии, а также Повестка дня на XXI век (программа по реализации национальными правительствами концепции глобального устойчивого развития). Однако, несмотря на всю значимость принятых документов, особенно последнего, эффект они имели незначительный. При этом предполагалось, что экология – отдельная проблема, решить которую можно будет после того, как развивающиеся страны достигнут достаточно высокого уровня экономического развития.

Еще больший акцент на экономическое развитие (для развивающихся стран) и экономический рост (для развитых стран) стал ставиться после финансового кризиса 2008 г., когда широкое распространение получили концепции зеленого роста и зеленой экономики. Основными их проводниками были три международные организации: ОЭСР, ЮНЕП и Всемирный банк.

Так, ЮНЕП в 2008 г. выдвинула инициативу «Зеленая экономика» и год спустя призвала к глобальному «зеленому новому курсу». В 2009 г. ЮНЕП опубликовала доклад «На пути к “зеленой” мировой экономике», который способствовал распространению данной концепции по всему миру. В этом же году ОЭСР опубликовала Декларацию зеленого роста, а в 2011 г. – пакет стратегий по его достижению, разработанный в рамках подготовки к конференции «Рио+20», которая состоялась в июне 2012 г.

В 2012 г. эксперты Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития опубликовали доклад «Инклюзивный зеленый рост: путь к устойчивому развитию». Во время конференции «Рио+20» эти организации объединились с Глобальным институтом зеленого роста для создания платформы знаний о зеленом росте в качестве инструмента продвижения этой стратегии по всему миру.

Сформулированные ими определения зеленой экономики и зеленого роста сформировали основу для последующей концепции, состоящую из трех ключевых пунктов: примат частной инициативы над государственным регулированием (компании сами должны реализовывать концепции корпоративной социальной ответственности и ESG); предположение о том, что только сохранение существующих темпов и тенденций экономического роста позволит решить социальные и экологические проблемы; и технократический подход (утверждение о том, что новые технологии позволяют решить экологические проблемы).

Наконец, в 2015 г. была принята Повестка дня в области устойчивого развития, в которой нашли отражение 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. От более ранних документов Повестка отличалась как масштабностью охвата (обозначенные в ней цели и задачи в равной мере актуальны как для развитых, так и для развивающихся стран), так и тем, что впервые основное внимание было уделено экологическим целям (10 целей из 17).

Цивилизационные основы концепций устойчивого развития и зеленого роста

Как можно видеть, экологические и социальные проблемы, угрожающие устойчивому мировому развитию, декларируются на международном уровне уже более 50 лет. Однако, как следует из доклада ЮНЕП 2019 г. «Шестая глобальная экологическая перспектива», экологическая ситуация в мире ухудшается, и времени на решения и действия остается все меньше. Из 90 пунктов разнообразных планов по борьбе с изменением климата достичь удалось только четырех [Шестая... 2019].

Точно так же не удалось решить проблемы бедности и социального расслоения, которые еще больше усугубились в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Причем расслоение усиливается не только внутри государств, но и между государствами и регионами мира.

В чем же причина неэффективности всех принимаемых мер? Представляется, что она коренится в самой концепции устойчивого развития, предложенной миру западными экспертами и опирающейся на цивилизационную модель западного индустриального общества, идеологическую основу которой образовал протестантизм с его духом индивидуализма и активным конкурентным началом. Соответственно, при разработке рассматриваемой концепции в качестве само собой разумеющейся идеологической основы была закреплена либеральная идеология с ее свободой рынка, представлением о важности постоянного экономического роста как фундамента устойчивого развития и основы решения всех остальных проблем, а также западоцентричностью.

Вместе с тем эмпирические данные показывают несостоятельность концепции зеленого роста, поскольку это чисто теоретическое построение, не опирающееся на эмпирические данные и не подтвержденное ими. Напротив, исследования показывают, что, например, ограничить повышение температур пределами 2°C можно только при условии роста мирового ВВП не более чем на 0,45 % в год [Nickel, Kallis 2020: 480].

В свою очередь, «устойчивость» (sustainability) не имеет не только эмпирической, но и четкой концептуальной основы. Если внимательно проанализировать Повестку дня в области устойчивого развития, то можно заметить, что слово «устойчивый», во-первых, используется в разных смыслах, а во-вторых, в основном носит декларативный характер, являясь, по сути, абстрактным, неизмеримым термином, не имеющим конкретных целевых показателей. Так, «устойчивый» используется в значениях «неистощимый», «устойчивые экосистемы» (применительно к ресурсам), «устойчивый рост» (применительно к экономике). При этом цели достижения экономической «устойчивости» прямо противоречат целям экологической «устойчивости» (например, устойчивый туризм или устойчивая индустриализация).

Применяемый в столь разных контекстах и значениях термин «устойчивость» превращается во внутренне противоречивую концепцию, не реализуемую на практике. Либо «устойчивость» используется просто как «популярное словечко», не несущее в себе никакой смысловой нагрузки.

Хотя проблема может быть гораздо глубже, и выбор термина здесь может оказаться неслучайным. Действительно, «устойчивость» в разных контекстах

можно понимать по-разному, что позволяет легко манипулировать этим термином, прикрывая им в том числе отнюдь не устойчивые практики неограниченного экономического роста за счет постоянного увеличения потребления. И более того, предлагать эти практики развивающимся странам как эталон, к которому следует стремиться, тем самым усиливая негативное воздействие на окружающую среду; требовать проведения «демократических» реформ, не учитывая цивилизационные различия, культурную и институциональную специфику развивающихся стран, проблему «следования пути».

В результате государства Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) столкнулись с резкими структурными трансформациями, к которым они оказались внутренне не готовы, поэтому новые институты создавались на старом фундаменте, включающем отсутствие подотчетности и прозрачности, технологическую отсталость, зависимость от внешней помощи, централизацию управления и т. д. В результате этого соединения «старого» и «нового» формируются противоречия и диспропорции, которые усиливают социальные проблемы [Global-Local... 2022].

Таким образом, «благие цели» достижения «устойчивости», на практике выражающиеся в попытке одной (западной) цивилизации поглотить все остальные, навязывая им свою идеологию и стандарты жизни, ведут к прямо противоположным последствиям, когда целые регионы мира оказываются в состоянии нестабильности и даже вооруженных конфликтов, которые приводят к резкому ухудшению как социально-экономического, так и экологического состояния соответствующих стран.

Усиливается структурное и медленное насилие, связанное с резким ухудшением экологической ситуации, прежде всего в странах глобального Юга. Это и добыча полезных ископаемых экологически опасными способами, практикуемая западными добывающими компаниями в Африке [Kaul *et al.* 2022]; и вред окружающей среде, причиняемый в результате вооруженных конфликтов, например выжигание лесов Амазонки в борьбе с повстанцами [Cusato 2021]; и деградация окружающей среды в результате изменения климата [McAdam 2022]; и «ресурсное проклятие», когда страны, богатые природными ресурсами, становятся целью для вооруженной агрессии, инициированной западными корпорациями, которым вооруженные конфликты облегчают доступ к ресурсам [Cusato 2021].

Характерно, что страны западной цивилизации развивают собственную зеленую экономику также за счет стран глобального Юга, что приводит к «зеленому колониализму» [Van de Graaf *et al.* 2020] и «токсичному колониализму» [McElligott 2020].

При этом ни концепция зеленого роста, ни концепция устойчивого развития не признают внутреннего структурного противоречия между стремлением к продолжению неограниченного экономического роста, характерным для исторического этапа становления индустриального общества, и практически уже достигнутым ресурсным пределом текущего уровня технологического развития. Требуется изменение моделей потребления, отказ от консюмеризма. Но даже при самом жестком сценарии массовое изменение потребительских паттернов и внедрение современных технологий позволит достичь только временного эффекта снижения антропогенного следа. Затем, как показывают многочисленные иссле-

дования, потребление материальных ресурсов и образование отходов снова начнут расти, а выбросы парниковых газов – увеличиваться [Hickel, Kallis 2020].

Все это приводит к тому, что западная цивилизация, стремясь доказать состоятельность предложенных подходов к устойчивому развитию и при этом сохранить в неприкосновенности навязанную всему миру неолиберальную модель, обеспечивающую для стран глобального Севера благополучие и постоянный экономический рост, прибегает к глубоко укоренившейся практике колониализма, перенесения всех издержек на страны глобального Юга и даже прямой военной агрессии.

Проявляется это по-разному, начиная от манипулирования статистическими данными с целью перекаладывания вины за изменение климата на развивающиеся страны [Hickel, Kallis 2020] и заканчивая организацией цветных революций с заявленной целью «демократизации», а на деле – с целью дестабилизации политической ситуации в стране и погружения ее в хаос, чтобы получить беспрепятственный доступ к ее ресурсам [Handbook... 2022].

Здесь уместно вспомнить уже упоминавшегося Г. Хардина и его статью «Аргументы против помощи бедным» [Hardin 1975], в которой он сравнивает Землю со спасательной шлюпкой, оставленной тонущим кораблем. Для него идея «единого мира» – это попытка поместить всех пассажиров корабля в спасательную шлюпку, что равносильно массовому самоубийству. «Удачливые меньшинства» (по Хардину – американцы) должны защищать себя. Рост правого популизма во многих странах Запада, так же как Брекзит в Великобритании, показывает, что «этика спасательной шлюпки» Хардина по-прежнему актуальна.

В этой связи важно отметить, что причины роста правого популизма [Sharlamanov 2022] и успех кампании за выход Британии из ЕС [Коданева 2021] во многом связаны с начавшимся в 2015 г. в Европе миграционным кризисом. В свою очередь, причины этого кризиса коренятся в описанной выше политике стран Запада, направленной на дестабилизацию ситуации в регионе БВСА.

Это заставляет задуматься о том, насколько долго странам глобального Севера удастся перекаладывать издержки собственного роста на страны глобального Юга, учитывая, что глобализация настоящего времени стала воистину всеохватывающей – Земля действительно превратилась в «космический корабль», и вред, причиненный в одной части света, имеет отклик в остальных частях. Это и аномальная жара и засуха в Южной и Центральной Европе, которую мы наблюдали в последние годы, и усиление цунами с угрозой разрушения прибрежных городов в США, и рост терроризма, и миграционные волны и т. д.

От устойчивого к ответственному развитию – новая модель межцивилизационного диалога

Как было показано выше, западоцентричная концепция устойчивого развития не только не позволяет достичь заявленных целей, но зачастую приводит к прямо противоположным результатам. Причем негативные эффекты изменения климата, истощения ресурсов и борьбы за них все чаще сказываются на самих странах Запада, что обусловлено особенностью современного этапа развития человечества – глобализацией, которая превратила мир в единое целое. Еще В. И. Вернадский писал, что «в XX в., впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю био-

сферу, закончил географическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым» [Вернадский 1944]. Однако в полной мере эта связанность начала проявляться после окончания холодной войны. Конец XX в. стал началом новой эры быстрых и масштабных глобальных перемен. Отношения экономических сил после холодной войны поляризовались: глобальный Север больше не сдерживается постколониальным чувством вины, а с ослаблением глобального Юга он более свободно навязывает свои новейшие экономические идеологии южным странам. Это привело к широкому распространению в мире либеральной демократии и концепции свободного рынка.

Новые модели социальных отношений сделали понятие глобализации важной движущей силой человеческих отношений на всех уровнях и во всех сферах. Глобализацию сегодня очень часто называют продуктом неолиберального подхода в экономическом, социальном и политическом мышлении [см., например: Turing... 2022, Kaul *et al.* 2022, Morris 2022]. Это проявляется в тесной связи между интернациональными экономическими силами и неолиберальной трансформацией большого числа национальных экономик как в развитых, так и в развивающихся странах с начала 1990-х гг. Глобализация рассматривается как процесс, включающий и расширение, и углубление взаимозависимости между обществами и государствами во всем мире.

Однако, хотя неолиберальная теория концептуально позволяет объяснить причины возникновения глобализации, сама она имеет много недостатков: рыночная рациональность не функционирует должным образом, что приводит к хаосу, сговору и краху рынка, усиливаются социальные диспропорции, структурные дисбалансы и дефляция.

Западоцентричная глобализация подрывает демократию и демократические процессы. Национальный суверенитет все больше размывается, власть концентрируется в руках элит, корпораций и наднациональной бюрократии (например, евробюрократии), а граждане имеют все меньше возможностей влиять на решения, которые элиты принимают от их имени [Sharlamanov 2022].

Таким образом, неолиберализм представляет собой институциональный вакуум, и поиск институционального решения становится важным ввиду усугубляющегося социально-экономического и экологического состояния всего мира.

Выводы

Сегодня человечество стоит перед выбором двух возможных путей развития. Сохранение существующих трендов и продолжение развития в парадигме доминирования западной цивилизации рано или поздно приведет к полной концентрации власти в руках западных элит и управления человечеством посредством «мягкого права», сформированного транснациональными корпорациями. Это будет означать политическую монополию «мирового правительства» и систему вассального подчинения ему всех народов мира, похожую на модель средневекового феодализма. При этом поддержание мирового порядка будет обеспечиваться за счет концентрации населения в городах, массового распространения цифровых технологий, повсеместного внедрения систем «умного города», «умного дома», «умного производства» и др., позволяющих обеспечить тотальный контроль как над общественной, так и над частной жизнью каждого человека [Burdon 2020].

Демократические институты будут подменены псевдодемократическим получением «обратной связи» от населения, при которой обмен мнениями подменяется сбором данных и подсчетом количества «откликов» [Turning... 2022].

Однако есть и другой путь развития, о котором писал еще В. И. Вернадский, путь, при котором человечество воспринимается как единое целое, а эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей. При этом определяющим фактором развития должна стать разумная и ответственная деятельность людей, направленная на перестройку биосферы в интересах свободного мышлящего человечества как единого целого.

Это подразумевает несколько важных моментов. Прежде всего – отказ от неолиберальной идеологии как единой концептуальной основы развития всего человечества. Отказ от западоцентричного понимания «устойчивости» и «развития» в интересах исключительно глобального Севера, формирование «цивилизационного государства» [Спиридонова 2022] и нового геосферного мышления [Чумаков 2022].

Планета Земля действительно должна восприниматься как общий дом, в котором все процессы едины и взаимосвязаны. В то же время инструменты и способы управления этим домом могут быть самыми разнообразными, основанными на духовных, религиозных и культурных традициях и практиках всех цивилизаций, населяющих Землю. В данном сценарии путь к разумному и ответственному развитию человечества лежит через диалог цивилизаций, взаимоуважение всех народов, обмен традиционными знаниями и практиками гармоничного сосуществования человека и окружающей его среды, а также поиск общих духовных ценностей и формирование на их основе единой общечеловеческой идеологии ответственного развития, основанной на общих для основных мировых религий этических нормах и самоограничениях. Этот поиск общих духовных ценностей позволит преодолеть преграды на пути формирования планетарного мышления, о которых пишет А. Н. Лебедев [2022]. В этом случае глобальное управление планетой должно строиться на демократических принципах (основанных на традиционных этических нормах) и организовываться по сетевому принципу, обеспечивающему как устойчивое функционирование отдельных ячеек сети (цивилизаций, наций, государств и др.), так и быстрое и эффективное их взаимодействие для решения общих задач. Одновременно будут меняться и функции государственного управления на национальном уровне [Ловецкий, Самылов 2022]. Такая система позволит всему человечеству превратиться в единый живой организм, где каждый отдельный орган выполняет свои функции, а все органы в целом работают согласованно, не подавляя друг друга.

Безусловно, реализация данного сценария требует сложной ментальной и ценностной перестройки, формирования новой общечеловеческой идеологии, опирающейся на традиционные ценности, а также институциональных механизмов, обеспечивающих равноправный диалог между представителями разных цивилизаций.

Однако, как представляется, при всей сложности перехода на данный путь развития человечества определенные предпосылки для этого уже имеются.

Так, авторы [Turning... 2022] отмечают тенденцию к продвижению традиционных ценностей, которая характерна для большинства современных цивилиза-

ций (китайской, исламской, индуистской, латиноамериканской и африканской) и послужила не только укреплению их обществ перед лицом экспорта Западом либеральных социальных ценностей, но и народной поддержке тех правителей, которые открыто этому противостоят, стремясь сохранить суверенитет государства, сопротивляясь геополитическому давлению Запада в период однополярности.

При этом в разных уголках мира сохраняются традиционные и появляются новые практики гармоничного сосуществования человека и природы, формирования справедливого общества, в котором деньги не превращены в инструмент накопления и перераспределения богатства. И, что еще более интересно, в странах Запада люди пытаются формировать подобные практики и сообщества на низовом уровне с помощью цифровых технологий. В качестве примеров можно привести сохранившуюся по сей день на архипелаге Чилоэ (Чили) практику Минга (совместный труд жителей общины в качестве помощи тому, кто в ней нуждается, который проходит в форме игры или состязания и завершается совместным ужином с обязательным приглашением музыкантов) [Cabaña, Linares 2022], традицию обмена семенами между домохозяйствами в Африке и борьбу против навязывания западными компаниями требований по использованию исключительно сертифицированных (то есть произведенных этими компаниями) семян, приводящего к утрате местных сортов многих сельскохозяйственных культур [Strba 2017], экодеревни (экоальдеа) в Мексике, где под рентабельностью понимается не прибыль в денежном выражении, а чистая выгода для сообщества как целостной системы [Mortis 2022], расширение использования экономики совместного использования и подписок в США, разрушающее основу капитализма и теории свободного рынка – собственности, во всех сферах жизни (начиная от подписок на фильмы и музыку, обмена бытовыми приборами, книгами или инструментами и заканчивая временной арендой жилья) [Erdem 2020], а также система базового дохода Circles в местных сообществах в Германии, созданная на базе Ethereum, в основе которой лежит система доверия между жителями общины, готовыми обменивать свою виртуальную валюту на продукты и услуги соседей [A Decentralised...].

Что касается институционального каркаса межцивилизационного управления планетой, то основой для будущей системы может стать БРИКС. Страны БРИКС демонстрируют свою готовность выстраивать эффективную модель мирового порядка, стараясь делать это неконфронтационным способом. Все страны – участницы объединения опираются в своей политике на различные варианты концепции мирного сосуществования.

Так, Китай возвел концепцию мирного сосуществования в статус основополагающего принципа международных отношений после военной интервенции НАТО в Косово в 1999 г. и предложил ее в качестве альтернативной концепции американскому «неинтервенционизму». В Индии концепция мирного сосуществования была преобразована из ее первоначальной версии («Пять принципов») в концепцию «Весь мир как одна семья», которая отвергала саму идею гегемонии какого-либо одного государства. Формально доктринальные документы внешней политики Бразилии перестали упоминать концепцию мирного сосуществования в 1960-х гг., однако реальная международная политика государства соответствует

этому принципу. В Южной Африке принцип мирного сосуществования в форме концепции Ubuntu был официально признан в Белой книге по внешней политике 2011 г. Эта концепция была определена как «уважение ко всем государствам, нациям и культурам». В Концепции внешней политики РФ (утв. Указом президента РФ от 31.03.23 г. № 229) отмечено осознание Россией ее особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях. Внешняя политика России носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права и стремлении к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов.

Кроме того, БРИКС уже показал, что страны с различными экономическими и социально-политическими системами и даже противоречащими друг другу интересами (например, Китай и Индия) могут мирно сосуществовать и даже реализовывать совместные проекты, например в области разработки технологий противодействия изменению климата.

Хотя БРИКС пока еще не имеет институционального характера и скорее является дискуссионным форумом, тем не менее это объединение уже сформировало свой имидж альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах и правилах межгосударственного сотрудничества, исключающих дискриминационные и иерархические типы отношений, а значит – потребность в насилии для поддержания чьей-либо гегемонии. Соответственно, одно это уже может позволить сделать мир более устойчивым, а отношения между разными странами – более гармоничными.

Литература

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.

Коданева С. И. Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 98–117.

Лебедев А. Н. Феномен ценностной поляризации и проблема планетарного мышления // Век глобализации. 2022. № 1. С. 126–138.

Ловецкий Г. И., Самылов П. В. Глобализация, квантовая физика и новые функции государственного управления // Век глобализации. 2022. № 1. С. 100–110.

Спиридонова В. И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1. С. 29–41.

Чумаков А. Н. Геосферное мышление как условие осознания целостности мира и предотвращения войны // Век глобализации. 2022. № 2. С. 3–18.

Шестая глобальная экологическая перспектива. Б. м. : ЮНЕП, 2019.

A Decentralised Universal Basic Income Platform Based on Personal Currencies. Whitepaper. URL: <https://handbook.joincircles.net/docs/developers/whitepaper/> (дата обращения: 12.05.2023).

Arsel M. *The Myth of Global Sustainability: Environmental Limits and (De)Growth in the Time of SDGs*. The Hague : International Institute of Social Studies of Erasmus University Rotterdam (ISS), 2020.

Burdon M. *Digital Data Collection and Information Privacy Law*. New York : Cambridge University Press, 2020.

Cabaña G., Linares J. *Decolonising Money: Learning from Collective Struggles for Self-determination* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1159–1170.

Cusato E. *The Ecology of War and Peace. Marginalising Slow and Structural Violence in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.

Erdem O. *After the Crash Understanding the Social, Economic and Technological Consequences of the 2008 Crisis*. Cham : Springer, 2020.

Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences “State” No More an Island? / ed. by I. A. Hussain. Cham : Springer, 2022.

Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022.

Hardin G. *Lifeboat Ethics: The Case Against Helping the Poor* // *The Hastings Center Report*. 1975. Vol. 5. No. 1. P. 4.

Hickel J., Kallis G. *Is Green Growth Possible?* // *New Political Economy*. 2020. Vol. 25. No. 4. Pp. 469–486.

Kaul S., Akbulut B., Demaria F. *Alternatives to Sustainable Development: What Can We Learn from the Pluriverse in Practice?* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1149–1158.

McAdam J. *Moving Beyond Refugee Law: Putting Principles on Climate Mobility into Practice* // *International Journal of Refugee Law*. 2022. Vol. 34(3–4). Pp. 440–448.

McElligott M. *A Framework for Responsible Solar Panel Waste Management in the United States* // *Oil and Gas, Natural Resources, and Energy Journal*. 2020. Vol. 5. No. 3. Pp. 475–513.

Morris O. *How Ecovillages Work: More-than-Human Understandings of Rentabilidad in Mexican Ecovillages* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1235–1246.

Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development. N. p., 1987.

Sharlamanov K. *Populism as Meta Ideology*. N. p. : Springer, 2022.

Strba S. I. *Legal and Institutional Considerations for Plant Variety Protection and Food Security in African Development Agendas: Solutions from WIPO?* // *Journal of Intellectual Property Law and Practice*. 2017. Vol. 12. No. 3. Pp. 191–205.

Turning Points of World Transformation New Trends, Challenges and Actors / ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. N. p. : Springer, 2022.

Van de Graaf Th., Overland I., Scholten D. J., Westphal K. *The New Oil? The Geopolitics and International Governance of Hydrogen* // *Energy Research & Social Science*. 2020. Vol. 70(2). 101667.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

Лукьяненко В. И. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 123–138.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: [http://www.jourssa.ru/2003/1/2a Bек.pdf](http://www.jourssa.ru/2003/1/2a%20Bek.pdf) (дата обращения: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI, а также в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК.

«Век глобализации».

1(49), 2024. – 160 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Редактор-корректор *О. Н. Крюченкова*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 11.03.2024. Дата выхода: 25.03.2024

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9.

Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет предоставлен издательством.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Заказ № 203276.